

The background of the cover is a textured, painterly illustration. The top half shows a sky with soft, blended colors of blue, purple, and white, suggesting a sunrise or sunset. A large, vibrant purple watercolor splash is in the upper right. A hot air balloon with a rainbow-colored envelope and a basket is floating in the sky. Below the balloon, a flock of birds is depicted in flight. The bottom half of the cover shows a wide, flat landscape, possibly a beach or a plain, with a person standing in the distance and a dog running. The overall style is artistic and evocative.

В ЭТОТ
раз
Я
РОДИЛСЯ...

или

Путешествие Души

АНДРЕЙ АКСЁНОВ

Андрей Аксёнов

**В этот раз я родился... или
Путешествие Души. Часть первая**

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Аксёнов А. А.

В этот раз я родился... или Путешествие Души. Часть первая /
А. А. Аксёнов — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00095-919-0

Андрей Аксёнов – учёный, доктор наук, профессор. Автор многочисленных научных трудов предлагает на этот раз философско-эпическое произведение от первого лица, в котором прослежены этапы формирования личности главного героя, погруженного в захватывающие жизненные ситуации, разные эпохи и страны для приобретения бесценного опыта. Динамичный, подчас витиеватый сюжет с участием исторических, вымышленных или даже мифических персонажей замешан на максимальном обострении чувств, написан с юмором и при доверительном диалоге с читателем.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-919-0

© Аксёнов А. А., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Спасительное слово	5
От автора	7
Два сценария, или С чего всё началось (на правах введения)	9
Проба пера	16
Книга глаголемая. Жизнеописание...	23
Когда... Кто... Где...	35
Разговор с Учителем	44
Путешествие в бухту Радости	53
Бабочка	57
Новый год	61
Мой город на берегу самого большого океана	65
Приморская пленница	69
Улицы	72
Садик	76
Гланды	82
Иногда всё совсем не так, как видится...	84
День защитника...	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Андрей Аксёнов

В этот раз я родился... или Путешествие Души. Часть первая

Спасительное слово

Роман Андрея Аксёнова «В этот раз я родился... или Путешествие Души» совершенно точно можно отнести к жанру нон-фикшен. Причём к нон-фикшен очень честному и бескомпромиссному щедро сдобренному фантазийной экзотикой. Перед нами художественный пересказ жизни, выполненный умным и тонким человеком, умеющим придать рассказу стройность и выбрать из череды жизненных событий самое интересное. Аксёнов изумительный наблюдатель за собой, остроумный, добрый. А в себе он способен найти такие головокружительные миры, о существовании которых до этого не подозревал не только читатель, но и сам автор-рассказчик. Сюжетной закваской, из которой потом вырастает удивительно качественное тесто, становится болезнь героя, приведшая его на такой край, когда просто необходимо припомнить свою жизнь даже не для подведения итогов, а для того, чтобы зацепиться за что-то и вызволить себя из мучительной трясины.

Художественный метод Аксёнова строится на том, что он ничего не ретуширует. Обладая стопроцентным писательским зрением, он предлагает читателю так настроить свою оптику, чтобы видеть человека и окружающие его явления и целиком, и во всех деталях одновременно.

В начале романа он говорит с предельной правдивостью о своём здоровье, подчёркивая особенности своего физического развития и не стесняясь упоминать своё неидеальное тело. И дальше, когда обнаруживает в себе тягу к творчеству и начинает спасаться от личной энтропии через фиксирование событий своей жизни в слове, автор нигде не отступает от правды, не нарушает реалий в угоду сюжетному замыслу.

Аксёнов раскрывает все секреты своей творческой мастерской и делает это так неподдельно, что тому, что надлежало оставаться бы за кадром, предстоит выйти на первый план и заставить сфокусироваться на себе.

Самоирония, тонкий юмор украшают этот роман. Они как драгоценные камни по бархату рассыпаны по всему тексту: *«Теперь хочу описать стол. Если раскинуть руки моего могучего организма, то от края до края всё равно не дотянуться, в ширину он, конечно, поуже, но тоже не маленький. На столе разложено очень много текущей документации, которую я периодически (раз в два или три месяца) сдвигаю в урну, удачно расположенную под столом. Сверху стоит не менее могучий, чем я сам, монитор в полстола. Преимущество такого монитора в том, что тексты на нём можно читать без очков – это бережёт начальственное зрение, а других преимуществ нет».*

Аксёнов умеет удивлять. Для романиста это качество наиважнейшее. Вот только он подготовил читателя к тому, что будет описывать своё бытие, как взял и воплотился в царевну Марфу, дочь царя Алексея Михайловича. Приём почти постмодернистский. Но логика письма, логика писательского зова для Аксёнова на первом месте. А согласно ему каждый может воплотиться в каждого, каждый способен на фантазию, каждый волен промодерировать свою жизнь как чужую, вне зависимости от времени и эпохи.

Писатель убеждает, что такой приём – не блажь, а художественная необходимость. Спасение через слово основано на том, что вера в него безгранична. А поэта, как говаривала Цветаева, «далеко заводит речь». Это верно и для прозаиков.

Исторический контекст романа, знание предмета, выстраивание образов, а главное, снайперское попадание в женскую психологию дадут фору многим историческим романистам. Ифора эта в том, что Аксёнов не зависит ни от какого канона – он создаёт свой канон. И опять чистый нон-фикшен, никаких вульгарных передёргиваний, всё достоверно до мельчайших фактов. Но нон-фикшен не скупо описательный, а очень смыслово подвижный, своеобразно устроенный.

Аксёнов – автор дерзкий. Однако он не лишён некоторой композиционной хитрецы. Отправляя читателей на американские горки резкой смены настроений между частями, постоянно поражая их новым поворотом тем и точек видения, сам он держит бразды правления своего текста крепко и уверенно, не позволяя ему нигде развалиться.

Свою суть он ощущает не только способной на головокружительную творческую реинкарнацию, но мыслит себя песчинкой на вселенском берегу, где рядом миллиарды песчинок-личностей, великих и безвестных, где революции и войны происходят не рядом с ним, а вокруг него. Это придаёт роману «В этот раз я родился... или Путешествие Души» не только протяжённость, но и так необходимую для современной литературы стереоскопичность.

Ровно так же, как автор вытягивает себя из болота недомогания через обрывки воспоминаний и желание их запечатлеть, рассказчик цепляется за любое впечатление, чтобы погрузиться в другую эпоху и совершить то самое путешествие души, что обещано нам в заглавии. Ему достаточно газетной вырезки о военном параде времён начала войны, чтобы впустить в себя ту эпоху, ощутить себя её частью и поведать читателю о своих там, в той эпохе, переживаниях, хлопотах, радениях.

Переходы от собственной биографии к биографиям тех, в чьи тела Аксёнов погружает свою душу, смотрятся органично. Каждый переход правильно подготовлен и осмыслен.

Несмотря на заявленное в начале неопитство, стиль романа вполне зрелый. Видно, что автор пишет то, что хочет написать, и воля пера для него первична только в сочетании с бессмертной силой разума и стремлением к гармонии.

Максим Замиев,

Главный редактор «Литературной газеты»,

член Русского Пен-центра,

член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

От автора

Уважаемые читатели, перед вами текст, который по всем показателям не должен был появиться на свет. Дело в том, что он не укладывается в логику всей моей предыдущей жизни, но вот он родился.

Откуда всё взялось – не знаю, предлагаю результат вам.

Это произведение – биография, а точнее – её часть.

Я уверен, что те мои читатели, кто когда-нибудь устраивался на работу, заполняли документ, который носит название «Личный листок по учёту кадров». В этом документе соискателю должности требуется последовательно и скрупулёзно описать важнейшие данные о себе от даты и года рождения через этапы славного пути и до наличия судимостей или наград. В отличие от «Листка», моя биография не формальна, но глубока, а ещё не обязательно последовательна. Тут мне важен процесс, а не подшитый к делу документ.

К чему это я? А! К тому, что из-под моего «пера» рождался текст не в хронологическом, а в «чувственном», если так можно выразиться, порядке. Помните пластинку Тухманова семьдесят какого-то года «По волне моей памяти» – она как раз из моей юности. Так вот, мои «волны» заносят меня туда, куда заносят, и противиться этому у меня нет желания, да и возможности. «Волны» спонтанно и настойчиво перебрасывают меня в различные истории моей жизни, «высвечивая» их, как лучиком фонарика, в сумраке воспоминаний (ну, сказал!).

Во всём представленном много личного, но и фантазий тоже навалом, а вот где что – не скажу. Фамилии и имена, кроме авторского и общеизвестных, – вымышленные, а если описанные ситуации, намёки или имена собственные у кого-то вызывают ассоциации – это точно случайно.

Предлагаемый текст может быть интересен, в первую очередь, моим ровесникам, тем, кто родился на рубеже конца пятидесятых и начала шестидесятых годов двадцатого века. Хотя, я

надеюсь, мне кажется, что он заинтересует и молодёжь, ну, например, в качестве путеводителя по жизни их мам, пап, бабушек и дедушек.

А ещё всему возрастному читательскому сообществу могут быть интересны многочисленные скачки. Это слово, кстати, надо читать с ударением на последний слог, но сюда подходят также ещё такие слова-определения, как перемещения, путешествия, может быть, видения, сны.

Итак, скачки! Скачки во времени, которые «выносят» меня в давно прошедшие времена и истории. Они получаются, как мне кажется, реалистичными, не всегда исторически выверенными, чувственно окрашенными и не оставляют сомнений в том, что всё это про меня – именно я главный герой этих историй. Получается, что и это тоже моя биография.

Для чего и почему это всё пришло в мою жизнь, не знаю, но совершенно очевидно, что повседневность с этим стала значительно «вкуснее».

А ещё про подпись. Текст подписан моим подлинным именем и фамилией-псевдонимом, который, в свою очередь, отличается от настоящей фамилии только буквой Ё. К слову сказать, с этой буквой я родился, учился и женился, а потом, в конце восьмидесятых годов, кто-то в нашем великом государстве вдруг решил, что букву Ё надо исключить из алфавита. Слава богу, до этого дело не дошло, но в моём паспорте коварной рукой паспортистки были всё же не проставлены две точки над центральной буквой.

Я, кстати, долго думал над псевдонимом. Поначалу были варианты и с девичьей фамилией мамы, и с созвучными названиями мест рождения и нынешнего проживания, и всякие другие необычности и банальности. В итоге я остановился на своей родной фамилии, вернув назад точки над Е! Ё – всё-таки моё!

Ну, вот теперь мне кажется, что предваряющих слов больше не нужно, а можно перейти к главным. Я предлагаю вам, уважаемые читатели, поскакать из одного временного периода в другой, из эпохи в эпоху. Если интересно, – за мной!

Два сценария, или С чего всё началось (на правах введения)

*Человек – это Бог, который какает.
Эрнст Беккер – лауреат Пулитцеровской премии*

Сеул (перевод с корейского ## Соул – «столица») – столица и крупнейший город Республики Корея. Население более 10 млн человек.

Утро. На улице немного теплее – всего минус шестнадцать градусов.

Вовсю светит неизменно яркое зимнее владивостокское солнце, на небе – ни облачка. Мы пережили рождественские морозы. Впереди – крещенские и, обещаю, так называемые, китайские морозы, которые, по местным приметам, сопровождают наступление китайского Нового года.

Я лежу дома. Болит спина – прихватило ещё вчера, а ночью стало совсем плоховато, не пошевелиться. Жена тоже не поехала из-за меня на работу – отменила занятия. Всё утро занимается поиск через знакомых хорошего мануального терапевта. Вроде нашёлся, и ждём приезда. Делать нечего, беру планшет и начинаю сочинять.

Итак, мы с женой и русским корейцем Олегом прилетели в Сеул двадцать третьего сентября прошлого года, днём в четыре часа. Билеты тогда удаётся купить только на корейские авиалинии. Российские самолёты из Владивостока в тот день, к сожалению, не летали. К сожалению – потому, что наши летают по прямой через Северную Корею, и, значит, полёт занимает всего минут сорок или час. Южнокорейские же самолёты летают через Китай, что на час дольше. Всё дело в том, что Южная и Северная Кореи находятся в состоянии войны, и поэтому надёжнее облететь над Японским морем или Китаем (а вдруг соьбют?).

Ну ладно, два часа – это не девять, как до Москвы, и вот мы уже подлетаем к Сеулу. Картина в иллюминаторе великолепная. Огромный аэропорт Сеула расположен на самом берегу моря, и при заходе на посадку пассажирам хорошо видна береговая линия, изрезанная отливом, а также многочисленными рукотворными сооружениями: дамбами, мостами, великолепными дорогами. Мы оживлённо обсуждаем с женой это великолепие и фотографируем прямо через иллюминатор. Самолёт мягко касается посадочной полосы, будто вырастающей из воды, и подруливает к одному из многочисленных «хоботков», всасывающих или выплёвывающих пассажиропоток.

Нас встречает русскоговорящий представитель фирмы, организующей поездку, и на представительском изделии корейского автопрома мы едем в сторону города. Дорога в полной мере подтверждает увиденное с высоты и своими природными красотами, и урбанистическими шедеврами. Минут через сорок, может быть, через час мы въезжаем в современную столицу Южной Кореи – Сеул.

Пожалуй, тут надо объяснить, зачем мы сюда наведались. Официальная версия: для переговоров с руководством сеульской клиники «Северанс». Это точно, тут нет никакого подвоха, это действительно так. Версия полностью соответствует действительности. И переговоры состоялись, и завершились успехом, и был даже подготовлен проект договора между нашими организациями. Вот так!

Но, спрашивается, зачем я как бы оправдываюсь? Ну, не то чтобы... Ладно-ладно, немножко, ведь была ещё неофициальная и более личная причина. Это всестороннее обследование моего родного организма в одноимённой клинике за собственные средства.

На законный вопрос «Зачем?» отвечаю следующим образом: мой организм, моё тело, с которым справедливости ради я не очень дружу смолоду, стало подбрасывать мне всяческие

загадки в виде болей в различных его местах, спазмов и головокружений. Всё это в последнее время привело к серьёзным проблемам: работать полноценно не могу, даже гулять не могу. Следствие: радости нет.

Прежде чем продолжить повествование про Сеул, я хочу объяснить своему читателю, что означает «не очень дружил» с собственным телом в авторской версии.

Вы знаете, я всю жизнь считал, что мой путь – это интеллектуальный труд. Ребёнком я рос неспортивным. Единственная предрасположенность к спорту определялась моей природной крупной комплекцией. Поэтому диагноз физкультурника в школе был однозначный: вперёд в тяжёлую атлетику.

Но я не пошёл, не знаю почему, может, от лени. Раз так, жизнь моя стала развиваться дальше по пути книг, развития интеллекта, но не мышц. В результате через какое-то время я принял следующее эпохальное решение: мой организм является только неким дополнением или приложением к голове. А своей задачей я определил только содержание всего того, что растёт из моей головы, в чистоте и некотором эстетически общепринятом состоянии, как говорят: «главное, чтобы костюмчик сидел».

Но нет! Успокойтесь, дорогой читатель. Конечно, всё было не так прямолинейно – интеллект-то присутствует, а умные книжки несут правильную информацию: телу надо уделять внимание, о нём надо заботиться. В противном случае оно начнёт сигнализировать болезнями. Оно и сигнализировало головными болями, частыми простудами и другими болячками. Нехотя я открывал кампании, месячники заботы о собственном теле. Я садился на диеты и бегал, худел. Потом бросал и снова поправлялся. Бывали периоды, когда я ходил в тренажёрный зал и в сауну, занимался лечебной, мышечной и суставной гимнастикой, но дольше трёх-четырёх месяцев, максимум полугодом эти кампании не продолжались. А последние лет пять я совсем перестал заниматься собственным телом.

Ещё важный комментарий. Как и многие люди моего поколения, воспитанные пионерской организацией, комсомолом и коммунистической партией, я трудоголик. Объяснять, что это такое, вряд ли стоит. Но в соответствии с термином, я весь погрузился в свой интеллектуально-научно-управленческий труд.

Вот, кстати, анекдот на тему: «Оператор ассенизаторской машины Сидоров поскользнулся и ушёл в работу с головой». Вот и я ушёл в неё с головой. А дальше произошло то, что и должно было произойти: меня остановили. Остановило собственное тело. Слава Богу, вроде не очень жестоко, но как и насколько, покажет обследование, на которое я приехал.

И вот мы въехали в Сеул. Это огромный и красивый город. Вечер, час пик – очень много машин, движение затруднено. Около часа мы протискиваемся через центр города и, когда уже начинает смеркаться, прибываем в клинику «Северанс», в одно из двух его крупных отделений.

У входа нас встречает заместитель президента клиники по международным делам и провожает до номера гостиницы, больничной палаты, где мы будем жить во время обследования. Не поленись описать эту, с позволения сказать, палату. Общий метраж её составляет более двухсот квадратных метров. При входе вы попадаете в большую прихожую, совмещённую с гостиной, где присутствуют все необходимые атрибуты в виде диванов, кресел, телевизора и небольшого обеденного столика. К прихожей примыкает маленькая кухонька, а также туалет. Из гостиной можно попасть в комнату-спальню для сопровождающего лица, а также в основное помещение – комнату больного. Она оснащена по самым строгим больничным стандартам, там присутствует койка-каталка и всё необходимое, в том числе для реанимации. К этой комнате примыкает свой санузел, что очень ценно, как потом оказывается.

В палате нас встречают руководитель принимающей фирмы мистер Ли и два переводчика: русская девушка Диана и грузинка Руссо. Задача последних – постоянное сопровождение нас с женой для перевода с корейского. Нам подробно объясняют, что ждёт меня в ближайшие три дня, а также как будет организована культурная программа жены.

После инструктажа все встречающие и сопровождающие уходят, а нам приносят диетический ужин, который на девяносто процентов состоит из мясных блюд. Это, кстати, понятно, ведь Корея – мясная страна!

Тут надо оговориться, и это важно для дальнейшего повествования: мы ведь с вами, уважаемые читатели, только начинаем знакомиться, а это произведение – по крупице начинает раскрывать мой внутренний мир, включая тараканов в голове, странности, заморочки. Так вот, сообщаю: мы с женой уже много лет не едим мясо, и, значит, в этот вечер нам приходится ложиться спать почти голодными.

Хорошо, ладно, я всё равно доволен прошедшим днём. Он дался мне непросто, я нервничаю, чувствую себя неважно – подмучивает, кружится голова. Только лёг, приходит корейская сестра – мерить давление. Ладно, ушла, всё. Снова успокаиваюсь, сплю.

Утром просыпаюсь, как всегда, рано и, в соответствии с изначально, ещё на родине, продуманным сценарием под названием «Жертва», начинаю накручивать себя: «А вдруг что??? А как я???»

Ладно, что это я? Вспоминаю, что я взрослый человек, и стараюсь остановить эту «бетонешалку» мыслей. Получается не очень.

Просыпается и приходит жена. Спасибо ей, родной. Она, как может, успокаивает, пытается юморить, спрашивает: «Ну что, волнуешься?» – и после утвердительного кивка говорит: «А что волноваться-то? Ты же в больнице. Спасут, помереть не дадут». После этих бодрых слов в моём теле что-то теплеет, получается глубоко вздохнуть и встать.

Тут приносят лёгкий завтрак, и надо собираться. Собираться – означает снять с себя всё и облачиться в специальную больничную одежду, которая состоит из двух предметов: широченных штанов на завязочках, с легко откидывающимися для осмотра задней и передней частями, а также не менее свободной куртки, тоже без пуговиц, но с завязочками, как банный халат. В общем, кимоно, типа. В таком облачении я сильно веселю свою смешливую супругу и сам себе напоминаю одного из «Семи самураев» Куросавы, но без самурайского меча. Позже оказывается, что по клинике бродят толпы таких же самураев, а я выделяюсь из их числа только высоким ростом, седыми волосами и разрезом глаз.

Всё, я готов. Приходят Диана и миниатюрная улыбчивая корейская сестра, и я в их сопровождениидвигаюсь из палаты по длинным больничным коридорам навстречу пугающей неизвестности.

Сначала офис предварительного осмотра, где автомат измеряет мне давление, а также рост и вес.

Давление оказывается повышенным, что не удивительно, я ведь сам «завёл» себя с раннего утра. Далее предстоит заполнить анкету, содержащую невероятное количество вопросов про родственников, детство, юность, периодичность моего стулохождения и мочеиспускания, а также в подробностях про интимную жизнь. Поскольку анкета составлена на корейском языке, то юной девушке Диане приходится, краснея и смущаясь, переводить мне всё это и потом по-корейски фиксировать в анкету.

После составления этого документа мы с Дианой становимся практически родными людьми, и она ведёт меня по длинному коридору с креслами и большим количеством дверей вдоль стен. В креслах сидят такие же, как и я, самураи – меня привели в начало своеобразного обследовательского конвейера по-корейски. Заслышав своё имя, с трудом произносимое милой корейской сестричкой, я захожу по очереди в кабинеты и отдаю в руки докторов.

Я дышу и не дышу, раздеваюсь по пояс и ниже пояса. Мне что-то вставляют в задний проход, а в другом кабинете – другое в рот. Одно название медицинских методов исследования, которым я был подвергнут в этот день, умещается на двух страницах, напечатанных двенадцатым шрифтом в Times New Roman.

Всё перечисленное продолжается примерно до шести часов вечера с небольшим перерывом на обед, который заслуживает краткого комментария.

Мне объясняют, что на следующее утро назначена колоноскопия и гастроскопия, к которым нужно готовиться. Вот с обеда первого дня обследования подготовка и начинается. В результате поданная еда состоит из яичницы-глазуньи об одно яйцо оранжевенькой желеобразной субстанции, размером с детский кулачок, и трёх бутылочек подслащённого подсластителями энергетического напитка. Ладно, что ж! Чего не сделаешь ради здоровья, и после «сытного» обеда продолжается конвейер.

Часам к шести, когда кто-то нажал на кнопку «Стоп», конвейер останавливается, и я, усталый, но довольный, сопровождаён переводчиком и сестрой до палаты в предвкушении ужина и клизмы. Но жизнь моя в этот день в итоге оказывается интереснее, чем я предполагаю. Ужин укомплектован только известной мне уже по вкусу желеобразной субстанцией, только розового цвета и на этот раз по объёму в половину детского кулачка, а также двумя бутылками энергетиков. Честно скажу, что после пережитого за день я рад и этому.

А вот клизма не состоялась. После ужина приходит сестра и с помощью десятка английских слов и интенсивного махания руками объясняет мне, что клизма – негуманное орудие и заменена у них на глотание специального порошка. Мне торжественно вручены пять пакетиков с этим порошком и графиком приёма, расписанным с точностью до минуты.

Всё, время пошло. Я развожу содержимое первого пакетика в стакане тёплой воды и пью небольшими глотками эту, довольно приятную на вкус, сладковатую жидкость.

За этим занятием меня застаёт счастливая жена, которая вернулась с экскурсии на сеульскую телебашню. На столе её ждёт очень приличный ужин, сильно раздражающий меня своим запахом и размером порций. Мы наперебой рассказываем друг другу, как прошёл сегодняшний день. И вдруг... Я чувствую в своём теле симптомы, говорящие о том, что более гуманная замена клизмы начинает действовать. А ещё через десять секунд я оцениваю креативность корейских архитекторов, которые заботливо разместили туалетную комнату в непосредственной близости от меня. Весь остаток вечера я так и провожу в этой непосредственной близости. Я пью по графику сладковатую жидкость, вкус которой самым непостижимым образом меняется от приятного через нейтральный к отвратительному. После выпивания я дожидаюсь характерного симптома и сдаюсь. Всё описанное сопровождается милыми и при этом точными высказываниями моей остроумной супруги.

Не знаю! По-моему, клизма всё же гуманнее. (Тут справедливости ради надо сказать, что в наших российских клиниках тоже стали заменять клизму на слабительное. Наверное, это действительно гуманнее!)

Стоп! Стук в дверь возвращает меня в сегодняшний день. Жена открывает. Это приехал доктор, которого я жду с утра. Он внимательно смотрит результаты сеульского обследования. Делает укол в левую попу и говорит, что готов заниматься моим позвоночником. Обнадёживает, что в сочетании с физическими упражнениями и йогой мануальная терапия поможет мне купировать проблему и даже вообще закрыть вопрос.

Так. Ладно, он ушёл, и мы возвращаемся в Сеул. Утром следующего дня я просыпаюсь с чрезвычайно свободным желудком, но перенапряжённым мозгом от вчерашних переживаний и будущих страхов. Мне предстоит пугающая процедура с одновременным введением зондов с двух сторон. Кстати, эту процедуру тут делают под общим наркозом или что-то типа того.

Приходят Руссо и новая улыбчивая медсестра. Они ведут меня, как на расстрел, в конец конвейера для подготовки к усыплению. Сначала врач в течение получаса рассказывает, что меня ждёт и почему этого не надо бояться (именно в этот момент все начинают бояться ещё сильнее), а потом в вену вводит лекарство, укладывает на каталку и покрывает одеялом. Примерно через десять минут меня ввозят в маленькую комнату по стенам которой развешаны десятки мониторов, и начинают подключать к каким-то датчикам. Один монитор оказывается у

меня перед глазами и выдаёт цифры: 140/90. Ещё через минуту: 160/100, а потом ещё: 175/110. Врач и медсёстры что-то быстро-быстро стрекочут не по-нашему, и я понимаю, что мой организм сигнализирует всему миру о своём произвольном волнении.

Тут же следует быстрое отключение от датчиков, вывоз назад в коридор и укол в правую попу...

В глаза почему-то неприятно ярко светит лампа на потолке, приходится на минутку закрыть глаза.

Когда я снова их открываю, то вижу себя опять в комнате с мониторами, на одном из которых случайно останавливается взгляд. На нём картинка, напоминающая трубку с извилистыми розовыми стенками. А... понимаю, это же мой пищевод, хотя, может, прямая кишка? А откуда они в мониторе?

Смешно! Снова закрываю непослушные веки и вдруг слышу голос Руссо: «Всё хорошо! Обследование закончено». Надо же, как это я ничего не помню, значит, прошло часа полтора, а я был в отключке.

Ещё через некоторое время тот же голос говорит: «Всё, можно вставать». Чувствую усталость, хочется спать, но встаю легко. Это действительно всё, обследование закончилось, а впереди – результаты и приговор. Каков он будет?

Ладно, посмотрим, а сейчас душу согревает только мысль, что покормят, может быть.

На чуть подкашивающихся ногах вхожу в палату, а там моя супруга в окружении толпы корейцев. Тут главный врач клиники и ещё несколько высоких начальников. Радостно сообщают, что нас ждёт ужин в японском ресторане от руководства клиники. Боже, какой ужин, мне бы быстренько что-нибудь съесть и поспать после наркоза. Но – держи фасон, мне ведь с ними ещё работать. Едем.

Дальше хороший и весёлый ужин, а потом переезд в гостиницу «Ренессанс», где наконец можно поспать. Но какой тут!..

Мне плохо! Уважаемые читатели, сейчас девятнадцать часов ноль-ноль минут двадцать восьмого сентября две тысячи одиннадцатого года. Мне пятьдесят два года. Я лежу в постели двухкомнатного номера с двумя санузлами и огромной ванной пятизвёздочного сеульского отеля.

Мне очень плохо: давление 185/105, внутри всё сжимается, щемит сердце, руки-ноги холодеют, всего трясёт. Почему? – ехидно спросит мой читатель. Отвечаю!

Как минимум по двум причинам. Во-первых, жена ушла пройтись по вечернему Сеулу в окрестностях гостиницы на часок. Взяла с собой мой телефон, и связи с ней нет. Во-вторых, я съел днём конфету с корейским женишем (портье принёс в номер в качестве презента), которую мне, как оказалось теперь, принимать категорически было нельзя.

Читатель может спросить: «И что? Неужели плохое самочувствие из-за такого набора пустяков?» Ответ мой: «Да».

Опережая второй законный вопрос, сразу отвечаю: «Да! Дошёл до ручки». До какой ручки и почему дошёл, немного было уже сказано выше.

Сформулирую важнейший вывод: основная причина появления ниже напечатанной серии текстов – именно та ручка, до которой я дошёл. Не понятно? Ладно, чуть позже...

И вот лежу, и мне плохо. Читаю молитвы, пью лекарства, считаю секунды до прихода жены. Далее хроника событий такова.

Двадцать часов ноль-ноль минут: принимаю решение, что, если жена не придёт через пятнадцать минут, я не выдержу, и может наступить летальный исход.

В двадцать часов десять минут открывается дверь и входит счастливая, нагулявшаяся и ничего не подозревающая жена. Ну вот, вроде и всё, похороны отменяются. Но не тут-то было, мне всё ещё плохо, колбасит по-страшному. Жена начинает предпринимать действия по моему «спасению»: гладит, целует, готова уже бежать на ресепшен, чтобы вызвать помощь. Но потом,

чуть успокоившись и вспомнив о своём психотерапевтическом опыте, садится рядом в кресло и предлагает поговорить о самых приятных воспоминаниях из моей жизни. О тех, которые в прошлом, например в детстве, приносили максимальную радость и счастье.

Срабатывает! В этот момент я вдруг сразу осознаю, что точно не умру, сейчас, тут, и горячо хватаюсь за «соломинку», протянутую любимым человеком.

Тут же вспоминается одно из лучших увлечений детства – пулевая стрельба из малокалиберной винтовки. Я уже не помню, почему я тут, возможно, по результатам стрельб в школе во время уроков по начальной военной подготовке (в моё время это называлось уроки НВП). Меня пригласили в спортивный стрелковый клуб в Сокольниках. Не могу утверждать, что я демонстрирую серьёзные успехи, но сам процесс мне необычайно нравится. Вспоминаю ощущения от нагретого собственной щекой приклада спортивной винтовки, оптического прицела, в который видна горошинка мишени. Я лежу не дыша и медленно нажимаю на спусковой крючок. А ещё испытываю почти эротическое наслаждение (как мне тогда кажется) при рассматривании мишени, продырявленной моим выстрелом в районе девятки. Хожу я в клуб около года, а бросаю без особых причин – это ведь часто случается в юности.

Не знаю почему, но наверняка не случайно я вдруг вспоминаю ещё один счастливый период в моей жизни. Нет, не период, а целый временной пласт, когда я буквально окрылён творчеством. Это время написания научных книг и обеих диссертаций. Это действительно время, когда всё получается, когда в жизни определённость и гармония, – моя Душа пела.

Мы обсуждаем это всё с женой. И тут – щёлкнуло. Действительно, не вру – буквально тумблер в голове кто-то перещёлкнул. Загорелись глаза, голова самопроизвольно приподнялась с подушки.

А что, ведь это точно, почему бы не вернуть это великолепное состояние творчества. Для этого надо снова начать писать. Что писать? Неважно! Мемуары, повести, рассказы, эссе. Кстати, помните – это как у Михаила Задорнова: если не знаешь, что написал, назови это эссе.

Жена тут подтвердила, что всё, что напишу, будет ценно в первую очередь для меня самого и, наверное, заинтересует детей. Ну а дальше посмотрим, может, моя писанина заинтересует и других людей, читателей, так сказать.

Ну что ж, идея о литературном творчестве сразу очень радует и воодушевляет. Теплеют ноги и руки, успокаивается дыхание, и ровно через час давление снижается до «космического» значения 120/80. В это трудно поверить, но у меня есть свидетель.

Со счастливой мыслью о творчестве я засыпаю.

Следующий день – воскресенье, и мы знакомимся с Сеулом. Город очень нам понравился. К сожалению, большинство исторических зданий в городе было разрушено во время войны пятидесятых годов, но сегодня город очень красив и удобен для жизни. Мы заходим в буддийские и католические храмы, смотрим представления народного театра и реконструкцию традиционной свадебной церемонии. Мы, как и все туристы, прыгаем по камням и валунам ручья Чхонгенчхон, который был когда-то зловонной канавой, а сейчас журчит чистой водой по рукотворному руслу. Гуляем по району Инсадон, где сосредоточены сувенирные лавочки с изделиями традиционного искусства. Отдельных слов заслуживает корейская кухня. Она в основном мясная и очень острая. Найти для нас не мясные блюда в рестораниках Сеула, расположенных на каждом шагу, оказывается очень трудной задачей, но наши гиды в целом неплохо с ней справляются. Всё здорово, но культурная программа смазывается постоянно звучащими во мне вопросами: «Ну что? Ну как? Что скажут врачи завтра?» Еле пережил этот день и утро понедельника.

И вот снова «Северанс», и снова конвейер, но на этот раз всё движется вокруг меня – врачи приходят сами и рассказывают о драгоценном здоровье. Этот процесс занимает почти весь день. Я не буду грузить читателя подробностями, но результат шокирует и меня, и мою супругу: «Практически здоров». Да-да! Вот так! Общее заключение таково – у меня документ

есть, все строго, корейцы тут педантичны. А на мой удивлённый вопрос: «А что так? Почему же я так себя плохо чувствую?» ответ следует такой: «Крайнее физическое переутомление». И всё! Что называется: «No comments!» Пожалуй, только дома, через пару дней по возвращении из Сеула по-настоящему приходит осознание того, что я действительно здоров. Ну вот ведь, смотрите заключение: написано чёрным по белому по-английски и переведено на русский корейскими врачами. Скажу честно, в этот момент меня посетило смешанное чувство радости, но и досады. Как же так? Я-то думал, что во мне обязательно «что-нибудь» найдут, и это станет логичным объяснением моего плохого самочувствия. Далее передовая корейская медицина мне это «что-нибудь» залечит или вырежет, и я, обновлённый и здоровый, снова уйду в работу с головой. Ан нет, не получается. Мой первоначальный сценарий про несчастную больную жертву разрушен, и теперь надо писать другой. А какой, кто его знает!

Несколько дней потом я думаю и прикидываю, но ничего, кроме того, чтобы начать писать какие-то тексты, ничего не приходит в голову. Ладно, что ж! Надо пробовать. Раз медицина от меня отказывается, значит, надо самому себя вытаскивать за волосы из «болота». Вот именно-именно, может, творчество поможет, которое кроме работы «с головой». Супруга моя всячески меня поддерживает в этом вопросе, и я собираюсь писать.

Но что, как? Биография или нет? А может, и биография, и не только. В общем, решаю, как получится.

Если биография, то точно не в хронологическом повествовании. Нет – это будут тексты из прошлой и настоящей жизни, структурированные по тематическим разделам. Тут могут быть такие разделы: «Друзья», «Любовь», «Дети» и так далее. При этом вполне могут присутствовать лирические и не совсем отступления. Хорошо, решено! И вы знаете, уважаемые читатели, так пошло и пошло, и довольно быстро. Особенно радует и воодушевляет работа с детскими воспоминаниями. Я даже принимаюсь изучать свои немногочисленные детские фото. Вот на этой чёрно-белой фотографии я, совсем маленький голыш, сижу на руках у молодой мамы, а рядом любимая прабабушка. Вот я детсадовского возраста, с очень серьёзным и взрослым выражением лица с большим петухом из папье-маше.

На этой карточке я первого сентября стою возле нашего дома на Бойцовой улице в серой школьной форме с букетом гладиолусов, а рядом соседская пухлая девчонка с букетом астр.

А вот тут я уже постарше, сижу в плавках и с мокрой головой на берегу какой-то реки, видимо, после купания, но всё равно с очень серьёзным и глубокомысленным лицом. Ну а эта – уже чудо техники: первая цветная фотография, на которой мы с моим другом Вовкой на берегу речки Ахтубы с удочками, ловим рыбу. Всё это я с невероятным желанием рассматриваю и постепенно достаю подробности из своей памяти.

И, о чудо, моё самочувствие постепенно становится лучше. Работы не меньше, может быть, даже больше, но несколько минут в день пописал, и хорошо.

На сегодня у меня уже написано довольно много всего, вот даже роман подготовил, и предела этому, к счастью, нет.

Мне кажется, я уверен, что это всё от творчества – я постепенно возвращаюсь к жизни. Появились желания и радость. В мою жизнь вернулись определённость и уверенность в себе. И это только начало. А ещё я понял... очень важно, что это понял именно в городе Сеуле, название которого, кстати, созвучно английскому слову soul – душа. Так вот, в этом душевном городе я понял: если человек действительно Бог, пускай который какает, ему обязательно нужно, чтобы в его жизни присутствовало творчество. Во всём: в любви, в работе, в воспитании детей, в погрузочно-разгрузочных и строительных работах, в собирании марок и выпиливании лобзиком. Без творчества – смерть!

Проба пера

Ладно! Что ж! Одно дело – решиться писать, и совсем другое дело – действительно начать это делать. Как, оказывается, это трудно! Конечно, я в детстве, в школе пишу сочинения, и неплохо кстати. Читаю очень много всего – и классику, и нет, одну «Войну и мир» прочитываю пять раз (в разное время и с разной степенью погружения). Конечно, я пишу научные статьи и даже книги. Всё так, но тут-то совсем другое дело. Это же не сочинение на тему какого-то произведения и даже не на тему «Как я провёл лето».

А ещё не ясна ни техника, ни технология процесса, а уж о чём писать, я вообще молчу!

Но сначала давайте чуть про технику и технологию. Оба этих слова в переводе с греческого, как известно, означают «искусство», «мастерство», «умение» и что-то там ещё. Техника в нашем современном понимании означает совокупность приёмов, способов, методов, а технология – совокупность средств, процессов и идей. Надеюсь, что в процессе изготовления текстов всё гораздо проще.

Смотрите. Писанину гусиным пером, как, впрочем, и золотым паркером, подаренным на тридцатилетие, мы исключаем. Да и вообще работу с листком бумаги и ручкой я сразу не рассматриваю – прошлый век... Последние два слова, кстати, странно «звучат» из-под моего пера – прошлый, двадцатый век ведь тоже мой, понятно.

Хорошо, решено, значит, пишем на компьютере, а лучше на планшете. А технологически – в самолёте, в машине до работы и обратно (благо возят на персоналке), дома за столом или на диване, сидя, лёжа или полулёжа. Решаю, что скорее на диване и чаще дома в любое свободное время.

Вот, уважаемые читатели, как я быстро справился с техникой и технологией – ведь недаром технарь по образованию.

А вот о чём?! Решил ведь, что о себе, свою биографию, но всё равно... Тут возможны разные темы для произведения из моей нынешней и прошлой жизни, можно выбрать всё, что угодно, – от крупняка до каких-либо мелочей.

Ну, ладно, хватит тянуть резину. Беру планшет, сажусь на диван в гостиной, которая у нас совмещена с кухней и прихожей, закидываю правую ногу на левую и смотрю несколько минут в потолок, потом на кухонную вытяжку, а через некоторое время скашиваюсь в сторону дверного косяка в кабинет, прислушиваюсь, что там делает жена. Потом меняю ноги и снова – потолок, вытяжка, жена и ещё чёрный экран телевизора. Ничего толком не придумывается почему-то.

Хорошо, всё, есть идея: давай по праву первого пришедшего в голову слова, а там, помолясь Богу, попробую раскрутить это – его то есть. И первым неожиданно приходит слово «собака».

Почему собака, зачем собака – не знаю, но делать нечего, «тяну» за него, может быть, и «вытяну» чего-нибудь стоящее. Ладно, поехали! Итак!

Я с самого детства хочу собаку...

Оп-пань-ки, неожиданный разворот, но пусть так, потом поправлю, если что.

У меня нет ни братика, ни сестрички, ни даже собаки. Скучно! Вот оно как, оказывается. Детская мечта и, пожалуй, даже обида преследуют меня и поныне. Я очень хочу иметь большую и, конечно, умную собаку, друга. Добермана-пинчера какого-нибудь, овчарку, алабая или сеттера, а может быть, ньюфаундленда.

Часто, от случая к случаю, я проговариваю мечтательно своим родным фразу: «Вот выйду на пенсию, перееду жить на дачу и обязательно заведу собаку, большую собаку!»

Параллельно, правда, возникают и альтернативные мысли: а что ждать до пенсии, может, уже сейчас осособачиться.

Это – вообще, а в частности – мы живём с женой сейчас во Владивостоке, в съёмной меблированной квартире, и собака, понятно, в этих условиях невозможна.

А ещё, и это важно объяснить для понимания всей канвы повествования, я болею.

Хотя после сеульского обследования, как помнит мой уважаемый читатель (см. введение), то, что со мной происходит, назвать болезнью вряд ли возможно. Кстати, о моём состоянии напишу вторым или третьим номером, а пока про собаку.

Доктора всех мастей и учёных степеней, а также просто хорошие люди всячески советуют мне побольше гулять для здоровья, тем более что под боком море, да какое (всего пятьсот метров – и ты на берегу Амурского залива).

Я это прекрасно понимаю и благодарен всем этим добрым людям за заботу о себе. Но заставить себя пойти гулять на эту шикарную природу сложно, во-первых, лень... и не надо меня учить, я и так знаю, что лень – это от страха, а во-вторых, я плохо себя чувствую, и идти не хочется (в общем-то, тоже от страха).

Вытягивает меня гулять жена, спасибо ей за это.

Вот однажды мы идём с ней, гуляем, уже возвращаемся, и от этого у меня улучшается настроение (наконец-то можно будет печально повалиться на диване). Я и говорю тут, философски-мечтательно и с надеждой: «Вот если бы у нас была собака, то с ней надо было бы гулять обязательно, хочешь не хочешь, вне зависимости от страхов и самочувствия». И дальше повторяю свою коронную фразу про собаку и мою пенсию.

Жена как мудрая женщина, да и красивая тоже, на это мне отвечает (с весёлой издёвкой, конечно): «Слушай, а давай я буду у тебя вместо собаки? Давай ты будешь каждый день по два раза меня выгуливать». Ей, похоже, очень нравится эта идея своей оригинальностью. Уточнив у меня некоторые подробности из собачьей жизни, она начинает развивать свою предыдущую мысль, повышая градус весёлого издевательства.

Она говорит, что если я не буду её выгуливать, то она начнёт мне мстить по-собачьи: разбрасывать мои вещи, не приносить тапочки, а в отдельных случаях даже гадить в них.

Такой поворот меня явно обескураживает. Вместо поддержки и сочувствия по двум причинам: отсутствие собаки и оправдание лени – я получаю полный облом.

Но делать нечего, приходится подключаться к этому шутивому разговору и дальше развивать идею. Теперь мы вместе, наперебой, представляем, как жена в качестве собаки будет жить в нашем доме.

Коврик мы ей постелем у входа. Обсудили, как она будет цокать когтями по ламинату и обнюхивать казённые диваны.

Тут, правда, мы упираемся в одно серьёзное препятствие: жене в собачьем облике придётся есть мясо, а мы ведь уже давно его не едим (если мой читатель помнит). Ну что же, ладно, эту проблему решаем замять, за отсутствием решения.

Дальше в подробностях проговариваем, как я буду её выгуливать. Поводок не будем использовать, в том числе и потому, что все вопросы с размножением мы с ней, я надеюсь, уже решили давно.

Я рассказываю, как она будет выбегать на природу после душной и надоевшей квартиры, нарезать радостно круги вокруг меня и с наслаждением метить территорию.

Обсудив со смехом ещё несколько деталей собачьей жизни, мы возвращаемся домой, а я понимаю, что отговорки не пройдут и жена всё равно меня переговорит и перешутит. Надо смириться, и потом, с женой мне действительно гулять всё-таки интереснее, чем с собакой.

Ну что же, с четвероногим другом пока всё. До пенсии он мне не светит, и дальше это слово уже не «раскрутишь». И теперь для продолжения опробования пера нужно придумывать ещё какое-то, но не сейчас, не сегодня, устал.

На следующий день написалось следующее.

На работу я еду на автобусе, на микроавтобусе...

Тут после некоторой паузы, которую нужно выдержать, как в «правильной» драме, замечу: не на простом автобусе, а на персональном.

Всё! Жизнь удалась, ведь мало кто ещё может похвастаться, что ездит на работу на персональном автобусе. Но ещё больше тешит самолюбие осознание того, что автобус – это потому, что в этот день просто сломался персональный внедорожник «Лексус», ну и за мной прислали этот самый персональный автобус.

Дорога до работы из нашего пригорода под названием Санаторная занимает не больше сорока минут. Для тех, кто живёт во Владивостоке, последняя фраза вызывает большую радость, а для остальных объясню. Более года уже Владивосток представляет собой одну большую стройку и одну не меньшую пробку. Действительно, к сентябрю двенадцатого года будут построены новые и отремонтированы старые дороги, строятся великолепные мосты через бухту Золотой Рог и залив Петра Великого. Перекопан весь город, меняют коммуникации, тротуары. Город последнее время реально преобразуется. Но пока всё это строится, владивостокцы терпеливо стоят в многокилометровых пробках. Дорога до работы раньше могла занять и час, и два, и четыре.

Но вот буквально месяц назад строители сдали отдельные участки дороги, что привело к великолепному результату. Время проезда до работы существенно сократилось.

Надо же, но несколько последних предложений очень напомнили мне передовицу какой-нибудь местной газеты. Но уж ладно, как получилось.

Погода сейчас стоит великолепная. Морозно, но солнечно. Поэтому после получасовой поездки на персональном автобусе я приезжаю на работу в очень приличном настроении.

Это хорошо! И вот я, почти великий руководитель, поднимаюсь на второй этаж в свой кабинет. По поводу моей великости надо оговориться: мне часто напоминают об этом мои подчинённые. Я смущаюсь, иногда краснею и отнекиваюсь (тут вспоминается известная сцена из «Ревизора», но нет-нет, это не про меня, я точно не такой – я справедливый, добрый и в меру требовательный руководитель).

И вот весь такой я врываюсь в приёмную. Лучезарно улыбаюсь и здороваюсь с секретарями и помощниками. В ответ получаю не менее лучезарные и вполне искренние, надеюсь, улыбки и приветствия.

Захожу в кабинет. Оценочно оглядываю его. Хорошо, всё убрано и чисто. На столе аккуратно лежит папка «На подпись» приятного синего цвета с моей фамилией и двуглавым орлом. Не сильно толстая с утра, и это ещё больше поднимает настроение. На столике рядом стоят на большом блюде неизменные фрукты: бананы (две штуки), груша, яблоко и хурма (тут, кстати, во Владивостоке, все фрукты китайские и сильно по вкусу отличаются от московских). Кроме того, в пиале – мои любимые орешки. Секретарь знает своё дело.

Письменный стол раскинулся примерно посередине кабинета, перед ним распластан большой, красивый ковёр. В результате читателю нетрудно догадаться, что любой посетитель, входя ко мне в кабинет, попадает на ковёр в прямом и переносном смысле этого слова.

Ладно, сажусь за стол и начинаю подписывать документы. Нет, неправильно. Сначала читаю, а потом уже подписываю. Если что-то неправильно, я сам правлю документ или отправляю его на доработку (я надеюсь, читатель помнит про мою великость).

Теперь хочу описать стол. Если раскинуть руки моего могучего организма, то от края до края всё равно не дотянуться, в ширину он, конечно, поуже, но тоже не маленький. На столе разложено очень много текущей документации, которую я периодически (раз в два или три месяца) сдвигаю в урну, удачно расположенную под столом. Сверху стоит не менее могучий, чем я сам, монитор в полстола. Преимущество такого монитора в том, что тексты на нём можно читать без очков – это бережёт начальственное зрение, а других преимуществ нет.

Всё, утренняя порция бумаг разобрана, отредактирована и подписана. Можно поиграть в демократию. Иду и рассказываю в приёмной три заготовленных дома анекдота. Все смеются.

Нет, правда. Анекдоты реально смешные. Например: «Чтобы в некоторых местах похудеть, надо в некоторых местах не жрать». Ну правда, смешной и актуальный!

Так, на анекдотах галочку можно поставить, хотя их же можно обкатать ещё на посетителях. Так и сделаем, тем более в приёмной уже шумно.

Первым заходит начальник первого отдела. Ему анекдот рассказывать не буду. Мужик хороший, крепкий – военный. Докладывает по-офицерски кратко, собранно. Заканчивает сказанное словами: «Доклад окончен» и просит выйти. Как читатель догадывается, я, конечно, разрешаю.

Далее заходит один из директоров департамента, отличный парень, лет сорока двух, в чёрной бороде. Ему анекдоты рассказать можно, что я и делаю. Анекдот следующий: «Поймал как-то случайно старик Хоттабыч золотую рыбку. Смотрят они друг на друга – патовая ситуация». Анекдот отличный, и я вознаграждён громким смехом на весь кабинет. Теперь к делу: он принёс мне три огромных тома на тему реорганизации, которые готовил более месяца.

Мне? Читать всё это? Сегодня? Боже, как не хочется! Настроение портится. Но нет, сразу вспоминается великость, лицо бронзовеет, и за спиной под дорогим пиджаком шевелятся крылья. Да, конечно, я прочитаю и выскажу свои ценные замечания. Удовлетворённый, борода уходит. Я отодвигаю его тома на край стола, но недалеко, крылья же мешают.

Входит следующий посетитель – это эффектная молодая женщина, заместитель моего коллеги. Вот тут можно оторваться с анекдотами. Но тоже нет, у неё очень серьёзная проблема, надо разбираться серьёзно. Вырулил, как всегда, блестяще, и она довольная уходит.

Ну что, по-моему, я заработал обед. Мне всегда предлагают приносить обед в кабинет, но я с негодованием отказываюсь. Причину – читай выше, а ещё я демократичный. Хожу в столовую, в отдельный зал, в который официант приносит еду Обед, как всегда, очень вкусный. Спасибо. Иду назад в кабинет – надо хотя бы полистать тома на краю стола.

Так содержательно проходит время до пяти часов. Я вспоминаю, что болею, и решаю ехать домой. Настроение ещё улучшается, когда выясняется, что домой я поеду на отремонтированном «Лексусе». Приезжаю от этого в хорошем настроении и сажусь писать этот текст про свой типичный день. Сегодня, пожалуй, и достаточно...

Наступает воскресенье, и я, как обещал, попробую описать моё нынешнее состояние. Для этого мне понадобится ёмкое и не терпящее трактования слово «жопа».

Согласен, неожиданно, даже дерзко!

Те мои читатели, кому не нравится или кого даже шокирует этот термин, мысленно могут его заменить на более нежное и застенчивое слово «попа» или цензурное, но не менее конкретное слово «задница». А всем остальным, если уж начали, придётся читать всё без прикрас и купюр.

Наиболее точно весь нерв этого повествования отражает, как мне кажется, смонтированная фотография, которую я увидел на днях на mail.ru в разделе «Юмор для взрослых». Картинка следующая. Гуттаперчевый человек, мужчина, согнулся вперёд и, пропустив туловище между ног, обхватив самое дорогое в жизни руками, воткнул голову по самую шею в неё, родимую, – жопу.

У моих уважаемых читателей от представления этого образа возникает, возможно, смешанное чувство удивления и омерзения. А ещё смешно. Вот и у меня тоже, но раньше.

Теперь реальность. Она такова: описанный выше человек – это я. Ничего не попишешь (не от слова «жопа») – это объективная реальность. Очень трудно выразить, как меня ломает признаться себе и вам в этом.

Один хороший человек как-то сказал, что если ты хочешь быть в жопе, будь в ней. Я тогда точно знал, что это не ко мне. У меня-то всё хорошо.

И вот я тут, вернее, там.

И что с этим делать?

Я – человек мыслящий, как мне кажется, поэтому для начала считаю, что надо признать этот клинический факт (надо же, какое точное выражение самопроизвольно вывела рука), а потом разобраться, что с этим делать.

Как предлагают психологи, попробуем сначала найти в этой позе (клиническом факте) положительные стороны.

Ну, во-первых, там хорошо, тепло, эстетично и комфортно. Ну правда, не шучу. Ведь во время обследования в Сеуле мне на видео показали результаты колоноскопии. Меня тогда приятно удивил и поразил вид собственной прямой кишки. Розовенькая такая, чистенькая, просто образцово-показательная.

Хорошо, такой её вид оправдывает вышеприведённые термины «тепло и эстетично». А почему хорошо и комфортно? – спросит читатель.

Объясню.

Спокойно! Забился в неё, родимую, можно не отвечать на почту, не слышать телефонные звонки, на дверях кабинета можно написать: «Приёма нет – я в жопе!»

И ещё: здорово то, что ничего не видно, темно. Знаете, как у ребёнка, который закрыл глаза руками и полностью уверен, что его тоже никто не видит.

Хорошо и комфортно ещё и потому, что можно периодически вылезать из жопы и с деловым видом заниматься повседневной жизнью. Позанимался сколько надо, а потом в случае опасности – раз, и ты снова там, где тепло и уютно, в домике, правда, название этого домика: «жопа».

Это положительные факторы. Тьфу ты, слово «фактор», кстати, тоже не имеет никакого отношения к созвучному английскому выражению, но именно оно так подходит к теме и описанной выше картинке.

И всё-таки при этой позиции возникают определённые проблемы. Ну, во-первых, нужен специальный костюм. Хотя это не сложно организовать. Например, в Китае у маленьких детишек костюмчики просто не имеют шва в промежности. Во взрослые костюмы можно вставлять очень элегантные, скрытые молнии. Возникла необходимость залезть в неё? Раз, и одним движением руки брюки превращаются... ну, дальше понятно.

Не знаю вот только, что делать с галстуками, у меня они хорошие, дорогие, и я люблю их. Видимо, придётся отказаться от них, когда забираешься в жопу, мешают. Почему и как, предлагаю читателю самому пофантазировать на эту тему, ну, если есть желание.

И ещё одна проблема, пожалуй, наиболее серьёзная. Во мне, как, впрочем, и в других животных, проходят самопроизвольные физико-химические процессы, в результате которых могут образовываться осадки. А вот в случае «выпадения» оных при такой-то позе – проблемы. То есть оказывается, что в жопе периодически возникают сложности с эстетикой и комфортом. Приходится на некоторое время вылезать оттуда. Жаль, ведь там так хорошо.

Ну, вроде бы всё.

А, нет. Есть ещё проблема. Она в том, что окружающие тебя люди – в недоумении, что происходит. Почему ты там, в ней?

Они-то ходят прямо, и у них перед глазами не один розовый цвет, а вся палитра. От осознания этого моя голова почему-то ещё глубже забивается в тёплое и розовое пространство, до плеч. Есть, правда, смутная надежда на то, что кто-нибудь из этих добрых людей предложит мне чудодейственные таблетки от жопы. Попринимаете такие пилюли в соответствии с выписанным рецептом, и твоя неудобная поза начнёт меняться.

Но нет. Закон природы неминуемо таков: сам себя скрючил и засунул в жопу, сам себя и вытаскивай из неё...

Ну, вот написал! Смело, согласитесь, уважаемые читатели. Смело, самокритично, но этого мало. Осознание диагноза – это уже полдела, конечно. Но ведь недостаточно, и пора выбираться. Действительно, то, что ты в жопе, понимаешь только ты сам и, может быть, самые

близкие тебе люди, которым, кстати, изрядно надоела поза и твоё нытье по этому поводу. В общем, в путь. Но какой? А чуть перефразирую: «Кому нужен путь, который не выводит из жопы?» Значит, путь из неё.

Ладно, набросаем варианты. А что, если использовать слабительное?

Рассмотрим. Если регулярно принимать слабительное, то эстетическая составляющая пребывания в жопе пропадает, улечивается. Хочешь или не хочешь, а придётся возвращаться к прямоходящему состоянию. Всё вроде здорово, но у этого пути есть один недостаток – можно реально подорвать здоровье от постоянного приёма слабительного. Да и туалеты у нас, к сожалению, не на каждом шагу.

Приходит в голову ещё один вариант. Кстати, когда ты не в жопе, лучше думается, проверь.

А путь такой: пробка с амбарным замком, ключ от которого у надёжного, близкого человека в шаговой доступности.

Рассмотрим. Зачем пробка с замком, понятно. А вот характеристика человека с ключом требует расшифровки. Только близкий человек знает про твоё истинное состояние и из любви к тебе не даст ключ для жопозалезания. Надёжный потому, что периодически, хотя бы раз в день, но открывать надо, ведь физико-химические процессы (я уже упоминал) ещё никто не отменял. И в такие экстренные моменты шаговая доступность становится решающей.

Да, пожалуй, это ничего вариант. Хочется залезть в неё, родимую, ан нет, не получится: «Райком закрыт, все ушли на фронт». Шок, боль, но ничего не поделаешь, закрыто. Единственно, близкий человек может дать тут слабину, он ведь действительно тебя любит и может разрешить временно скрыться от невыносимой иногда боли. А раз дал послабление, всё, уже оттуда и совсем не вылезти.

Вот, значит, два пути обозначены и, наверное, могут дать результат. Но что-то меня не греет такая шоковая терапия.

Смешно, конечно, но всё это не то, не то. А что тогда-то?

А замечательный русский былинный персонаж по фамилии Мюнхаузен. Его я уже упоминал – он же вытащил сам себя откуда-то за волосы. Да и в распорядке дня у него всегда присутствовал подвиг.

Ну, в общем, так. Вытащить самого себя за волосы из жопы – это будет, пожалуй, действительно подвиг. Только совершать этот подвиг придётся, наверное, ежеминутно, ежечасно и не один день.

Ладно, всё. Лучшего всё равно не придумаешь. Теперь распишем траекторию пути. А для начала? Для начала надо в соответствии с правилами, собственными убеждениями и с Божьей помощью принять себя таким, каков ты есть.

И дальше двигаемся по маршруту от пункта номер один к пункту номер два и так далее.

Пункт номер один: я в нём нахожусь, и он носит название «Жертва». Удивительно, насколько это слово созвучно со словом «жопа». Наша задача срочно выходить из этого населённого пункта или переименовывать его.

Решено, я переименовываю этот пункт из «Жертвы» в «Счастье». Ну правда, какая я жертва, я счастливый человек – меня все любят.

И, конечно, следующим пунктом моего пути будет «Любовь». Безусловная любовь.

Это любовь к жене, детям и внукам. Она была и раньше, но сейчас мне нужно не просто купаться в ней, а всё больше отдавать и отдавать её родным.

Это любовь к знакомым и друзьям, а также (особенно) к тем людям, которые мне неприятны или раздражают, – моим лучшим Учителям. Ну и, конечно, это любовь к самому себе, к своему телу. Честно скажу, тут сложнее.

«Радость» – следующий пункт назначения на моём пути. Моя задача – культивировать радость. А как? Ну, например, сегодня я иду утром гулять и радуюсь яркому солнцу, лёгкому

морозцу. Тому, что я в данный момент великолепно себя чувствую. Тому, что воробушек, сидящий на ветке, какнул, и его продукт жизнедеятельности (физико-химические процессы в нём тоже проходят) просвистел в миллиметре от моего лица. Сразу с радостью вспоминаю фразу из детства: «Хорошо, что коровы не летают». Радуюсь общению с родными по телефону и по Skype. Радуюсь тому, что младший внук уже самостоятельно встаёт и может пройти несколько шагов. Радуюсь тому, что жизнь ко мне на самом деле начинает возвращаться. Радуюсь тому, что дело моё, несмотря на сопротивления и трудности, всё-таки развивается и крепнет. Радуюсь тому, что на остров уже завезли семью дельфинов-белух, и летом можно будет воспользоваться служебным положением и поплавать с ними. Радуюсь мелочам и великому.

А вот ещё – «Красота». А как же без красоты? Красота природы в этом замечательном крае. Это величие и красота океана, заливов и островов. Это необычайно важные и большие чёрные вороны. Это очень красивые сороки с синими крыльями и хвостом: прямо готовая «синяя птица». Это шустрые чёрные белки, которых можно встретить даже в городе.

А дальше – «Смех и веселье». Вот ещё важный пункт назначения. Мне явно сейчас это нужно.

Пожалуй, достаточно, дорожная карта расписана. Надеюсь, ничего не забыл, и это дорога, которая точно приведёт меня к Храму!

Постепенно я уже возвращаюсь на эту дорогу! В общем-то, мне казалось, что я и раньше шёл по ней. Шёл, да, но почему-то отвлёкся, сбился, заснул. В какой момент?

Всё, настало время пробуждения.

Встал и пошёл!..

Вот, значит, проба пера и написалась! И вроде неплохо, почти без правок обошлось, и с этим, пожалуй, можно и закончить. Надеюсь, мастерство и живость моего пера будут «оттачиваться» с каждой написанной новой страницей и радовать моих читателей. Предлагаю только им на досуге самостоятельно порассуждать: где во всём понаписанном выше правда, а где и не очень.

А сейчас, совместно помолясь Богу, мы двинемся в повествовании дальше, вернее, опишем самое-самое моё начало.

Но прежде – всё же скачки (помните, читаем с ударением в конце). Они во мне рождаются непрерывно, множатся и множатся, и уже от недержания требуют срочного выплеска на бумагу. Ну, вперёд!..

Книга глаголемая. Жизнеописание...

Первые солнечные лучики упираются в подбородок, щёки, нос, лоб, закрытые веки и поначалу, как могут, только чуть подогревают всё, но, не достигнув нужного эффекта, меняют свою тактику. Часть из них, что поактивнее и поизобретательнее, профессионально используя свою корпускулярно-волновую природу, осторожно, на ощупь, протискиваются меж кровяных сосудов век, даже самых тоненьких. И вот там уже, внутри зажигают ярко-красные сигнальные, пробуждающие фонарики и светят ими через линзочки хрусталиков в дно моих глаз и дальше, через ниточки нервов, прямо в мозг.

Ладно-ладно! Всё! Вот теперь у них получается, и сна уже не будет. Но... Да! Похоже, не только из-за настырных солнечных лучиков, но ещё и потому, что...

А вот, понятно – опять со мною это...

Какой уж тут сон, теперь снова надо разбираться, где я и кто. С опаской от неизвестности, но со смирением от неотвратимости открываю чуть ослеплённые глаза и через красные щёлочки пытаюсь осмотреться. В келье уже совсем светло. Ну конечно! Ведь весна отошла уж. На дворе красный месяц июнь – зачинатель лета. Месяц цветов, птенцов и светлых ночей.

Ладно, а день какой сегодня? Ах да! – праздник Рождества Предтечи и Крестителя Господня.

Через русскую готику обоих окон, сквозь стеклянные, не слюдяные, пластины (как богато!) в келью врывается всё более мощный поток именно того самого солнечного света, который ослепил и окончательно пробудил меня.

Келья, понятно, монастырская, но большая, почти квадратная и богато убранная. В углу, почти напротив застеклённых окон-бойниц и слева от входа за массивной дубовой резной дверью большая печь. Она облицована изразцами с яркими экзотическими растениями, животными и птицами и переходит, похоже, частью своего огромного согревающего тела в соседнюю комнату, а топится монастырским истопником вообще из подвального помещения.

Под окнами стоит резная французская горка-секретер с выдвинутой столешницей-поверхностью для письма. На её тёмно-зелёном фетре выделяется венецианский серебряный резной изящный гарнитур для письма и серебряный же, но другой работы, подсвечник о семи потушенных с вечера свечах.

В чернильнице торчит оставленное с вчера перо, а ещё с десятков таких же ждут своего часа в серебряном гарнитурном стаканчике.

Меж яркого, но не главного тут гарнитура посередине столешницы смысловой доминантой располагается нетолстая стопка аккуратно разрезанных листков плотной бумаги. Всё это ещё с третьего дня заботливо заготовлено Иринкой, моей служанкой-послушницей. Господи, откуда я это знаю?..

Эта стопка бумаг притягивает мой взгляд и призывно манит к себе целиком. Чувствую, что притягивает, но и пугает неизвестностью. За прошедшие дни на верхнем листке образовались только задумчиво выведенные моим округлым почерком сиротливые слова «Книга глаголемая. Жизнеописание...».

Что означают они и в чём заключена магия пустых листов на столе, не понимаю, но разберёмся, а пока осматриваюсь дальше.

Слева от кровати, на которой я лежу, – небольшой ночной столик, на нём – подсвечник с задумой перед сном свечой и Евангелие в дорогом кожаном, тиснённом золотом переплёте с шёлковой тесёмной закладкой меж страниц. Там слова от Матфея: «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них».

Ещё на столике – маленький серебряный колокольчик, похоже, чтоб Иринку вызвать или кого-то ещё из прислужниц.

Рядом со столиком придвинутый на ночь мягкий стул – пара к горке-секретеру, на котором на ночь уложена монашеская одежда: подрясник, напоминающий об обете добровольной нищеты; пояс, ибо Господь говорит: «Да будут чресла ваша препоясана»; ряса; мантия и сверху клобук – словно шлем спасения и непостыдного упования. Надо же, и это я знаю откуда-то!

По правую руку от кровати – красный угол, в котором узкая дубовая, резная же кафедра, на которой стоит семисвечие, и там же дневное место Евангелия. Кафедра обращена к небольшому иконостасу, в котором – из родного Коломенского, от моей бабушки ещё (Царствие ей Небесное) – старинные и почерневшие образа Вседержителя и Казанской, а ещё совсем недавно писанная икона «Страшный суд». С потолка на серебряной цепочке свисает пред образами вечно горящая лампада из рубинового стекла.

На полу перед кроватью место ковра – подарка персидского посла. Ковёр таков, что при хождении по оному босыми ногами утопаешь в ворсе прямо по щиколотку.

Видно, что келья имеет вид недавно обживаемого помещения, при этом всё тут убрано дорого и со вкусом. Пахнет восковыми и отгоревшими в ночь свечами и чуть – свежей побелкой, по которой совсем недавно писаны жизнеописания Богородицы.

Теперь самое время оглядеть себя. Я лежу на спине, на огромной дубовой кровати с балдахином и резными колоннами по углам. Постельное бельё из дорогого тонкого, выбеленного льна, а также огромное, но практически невесомое стёганое пуховое одеяло, заботливо и искусно сшитое руками монастырских белошвеек и украшенное трёхцветной шёлковой гладью с витиеватой заглавной буквой «М».

Энергично откидываю лёгкое одеяло (в конце концов, надо разобраться!) и сразу понимаю, осознаю, что я – женщина, и не простая. Стоит ли объяснять, по каким признакам видно сие? Да по всем! Не знаю... ну вот – по рукам с длинными, тонкими пальцами и ухоженными ногтями, никогда не знавшими никакой работы, кроме, может быть, вышивания; по длинным ногам с тонкими щиколотками, никогда не ходившим босиком; по длинным, пышным блестящим каштановым волосам, чуть с проседью. Да и по остальному всему, что скрывает рубашка, но чувствуется.

Кстати, о рубашке – это вовсе не ночная сорочка, а монашеский хитон или власяница, но не из верблюжьего волоса или овечьей шерсти, как у других монахинь, а из тонкого и действительно дорогого льна с вензелем «М».

О недавнем постриге свидетельствует только простой, деревянный, тонко-искусно точёный крест – во свидетельство о крестных страданиях Сына Божия и в знамение последования Ему в несении своего креста.

Всё! Вот теперь всё! Вот оно! Всё встаёт на своё место. Становится очевидным и само собой разумеющимся – я Марфа! Царевна Марфа, дочь покойного государя Алексея Михайловича и сестра по отцу ныне царствующего государя Петра Алексеевича...

Но вот нет! Всё так, да не так! Не Марфа теперь уж! Марфой звалась в миру, а ныне, две луны как – по велению моего царствующего брата пострижена под именем Маргариты. И нынешней осенью ещё приговорена сюда, в Александровскую слободу, в Успенский монастырь, где брат приказал пристроить для меня к Распятской церкви-колокольне монастыря палаты, частью которых как раз является вот эта опочивальня-кабинет.

Вот теперь действительно всё. Вспомнилось и расставилось по своим местам. А ещё, и это тоже очень важно для меня сегодня, на столе лежат и ждут призывно пустые пока листы бумаги. Это будущее жизнеописание моё, биография по-научному. Странно, но вот после пострига вдруг родилась потребность глаголить.

Ой!.. Вот ещё новость! Что это?

Господи!.. Господи, Боже мой!.. Господи, как это странно!.. Необычно, удивительно, потрясающе! Вдруг чувствую, ощущаю что-то новое внутри себя. Это словно кишки шевелятся в животе, что ли, прямо ходуном ходят. И так вот уже несколько дней, по несколько минут, и всё чаще и дольше. Может, это болезнь какая? Надо будет дохтура, медикуса позвать. Пускай посмотрит.

Хотя... хотя зачем звать? Не обманывай себя, царевна-инокиня, и так всё ясно. Ясно становится уже, как только кровь перестала приходить, вот уже четвёртый месяц, однако сомневалась поначалу. А вот теперь всё, какие сомнения – грудь вон набухла как, да и плод зашевелился! И ясно, откуда всё – от любви, конечно, но ведь на старости лет уж! Странно! Удивительно!

Действительно странно, но ведь истинно, не молода уж! Сорок шесть лет тебе, подруга! Сорок шесть – это многова-а-ато! Думала, что жизнь уже заканчивается. Ведь не я первая, не я последняя – большинство царевен из нашей семьи, да и из Рюриковичей тож, вершили свою жизнь в обители Божьей. Сёстры мои, вон и Софья, и тётеньки Анна и Татьяна в монастырях прозябают и молятся во славу Господа. И я теперь тут, в Александровской слободе. Но вот вдруг чудом чудесным Господь осенил: и любовь, и вот теперь результат этой любви заявляет о себе в полный голос. Что теперь будет со мной? Господи Иисусе Христе, Сыне Божие, помилуй мя, грешную!

Ладно, что же, подумаю обо всём потом. А теперь вставать уж пора, надо идти к заутрене.

Короткий взмах колокольчиком, и услужливая Иринка уже входит в келью для одевания. Она расчёсывает и убирает волосы, помогает надеть рясу и всё остальное. Даёт выпить кружку студёной колодезной воды и сопровождает в летнюю церковь, где отец Иоаким уже начал праздничную службу в честь Рождества Предтечи.

Молитва, потом завтрак, но не в трапезной, а у себя (прислужницы подают). Потом три часа послушание, игуменья почтительно наложила только заботу о растениях в аптекарском огороде. Потом опять молитва и обед, после которого снова цветы. А вечером ужин, чтение Часослова и Псалтыри и молитва перед сном. Именно так теперь проходят мои дни, в общем-то, только цветами они отличаются от предыдущей теремной моей жизни.

Ах нет, не только этим, вот ещё потребность в писании появилась, которой не было ранее.

И вот снова листы «Книги глаголемой...» передо мной. Нет, скорее я перед ними. Волнуюсь очень, пожалуй, даже страшно. Зачем я это делаю? Для себя, для людей?

Пожалуй, для себя – это как исповедь да молитва во имя Господа на бумаге! А ещё ради чадушки моего будущего! Может, он прочтёт когда-нибудь и простит меня грешную и неразумную.

А с чего начать? Не знаю. Ладно, начну тогда с самого начала...

Родилась я в лето от сотворения мира семь тысяч сто шестидесятого или от Рождества Иисуса Христа, Господа нашего, одна тысяча шестьсот пятьдесят второго года, августа месяца, двадцать шестого дня, после полудня. По сему случаю в книге государевой соответственно написано было: «Бог разнёс царицу ребёночком... Дал Бог дитячко моленное, да непрощеное, не в том смысле, да не в ту силу: родилась дочь».

Батюшка мой, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великая и малая и белая России самодержец, хотя по прозвищу Тишайший, кроткий по нраву владетель, не мог не взволноваться рождением именно дочери, то есть меня... нужен был сын, наследник, царевич!..

Ладно, пусть так! Написано, и хорошо! Решено, надо полностью отдаться тому, что пишет рука. Поправлять потом буду. А пока по порядку.

Итак, царственный батюшка мой, Алексей Михайлович, на девятнадцатом году своей жизни озаботился богоугодным делом – продолжением царственного рода своего и обвенчался с матушкой моей милой, Марьей Ильиничной Милославской. По истечении девяти месяцев

брачной их жизни, как водится, царственные супруги были утешены рождением сына одна тысяча шестьсот сорок девятого года, октября двадцать второго дня.

Но новорождённый брат мой, царевич Дмитрий, прожил, по воле Божьей, только не вступило год, скончавшись тож октября, шестого дня.

На третьем году брачной жизни своей царица-матушка моя родила дочь Евдокию, царевну, сестру мою старшую.

И по сему, глаголемому, я – третий ребёнок своих царственных родителей и вторая дочь.

По обычаям и по порядку быта, царь-батюшка в тот же час указал послать с благой вестью о моём рождении к боярам, окольным и ближним людям, а также к гостям, и особенно к патриарху Никону, епархиальным архиереям и духовным властям и во все важнейшие московские монастыри, особливо в Троице-Сергиев.

На следующий день обычным чередом государь слушал благодарственный молебен в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, а потом, по обычаю, следовало оповещение народу от царя и патриарха богомольными грамотами, что Бог простил государыню, благоверную царицу и великую княгиню Марию Ильиничну: родила дочь, благородную царевну, великую княжну.

На радостях государь, встречая Новолетие одна тысяча шестьсот пятьдесят третьего года, сентября первого дня в соборе Успения вносил меня, своё новорождённое чадо, а через три дни крещена была, и наречено мне имя Марфа – в честь преподобной Марфы, матери преподобного Симеона Столпника, именуемого в народе словом Летопроведец.

Право слово – имя Марфы для нашей царственной фамилии не чуждо. Ведь инокиней Марфою именовалась моя прабабка, в миру Ксения Ильинична, супруга Феодора Никитича Романова. Впоследствии оный наречён станет патриархом всея Руси под именем Филарет. Марфою же ещё звалась одна из моих тёток, сестёр царственного батюшки моего, волею Господа нашего, скончавшаяся во младенчестве.

День же крестин был значимым для меня ещё тем, что в это одно время во всю свою жизнь я, так же как, впрочем, и другие меньшие и большие царевны, явилась для всенародного лицезрения в первый и последний раз. Ведь по быту нашему, теремному, после выноса царское дитя женского пола не показывалось уже более до совершеннолетия.

По рождению передали меня кормилице, которую привели к крестному целованию при клятвенном обещании и поместили в хорах меньших царевен.

Мамкой мне определили Ульяну Петровну Шереметьеву, вдову из ближних бояр, помню её хорошо и почитаю за любовь и верность безграничную...

Ну что же? И неплохо писано! Продолжаю.

Детство моё и юность проходят безмятежно, в тишине и спокойствии, в общении только с сёстрами да мамками и няньками. В любви, конечно, но без должного внимания со стороны милых батюшки и матушки. Все их родительские заботы в основном о рождённых после меня царевичах, наследнике Алексее, царевичах Фёodore, Симеоне и позднее Иване.

Моими наиболее яркими детскими и девичьими впечатлениями являются царские поезда в Троицу, Покровское-Рубцово, Коломенское, Измайлово.

Вот как-то, помнится, двинулся такой поезд в Троицкую обитель о моих семнадцати лет, осенью, в Сергиеву память. Кроме батюшки и матушки, братьев моих и сестёр, поезд состоит из сопровождаемых по материнской линии: мам, казначей, постельниц, коих только за моими сёстрами и мной – меньшими царевнами – было пятнадцать человек, комнатных баб за ними же три человека, крестовых дьяков вообще пятнадцать человек. Кроме того, в том поезде было двенадцать мастериц, портомой – десять, боярышень девиц – девять, девочек-карлиц – пятнадцать. Со мной, как всегда, Ульяна Петровна Шереметьева и учительница Авдотья Пынина.

Надо же, я помню всё это, что, в общем, не удивительно. Ведь тогда, в этом богомольном походе, я впервые только и смогла украдкой на одного из сопровождающих дворян, кра-

савца развлечься взглядом. Пылкость этого взгляда по юности лет я скрыть не могу, что тут же зорко уследила опытная в женских искушениях Шереметьева. Она догадливо и мягко поспешает развеять запавший в мою душу милый образ полюбившегося молодца. Да пуще того, сей боярский сын за улыбку мне спешно ея настояниями выпровожен из поезда и в близости своей я его не вижу более.

Этот богомольный поезд к Сергию запомнился, конечно, ещё тем, что стал последним с матушкой моей милою. Сего же года, марта третьего дня, я лишилась ея и искренне оплакивала с ещё только сорокалетним батюшкой, прожившим безмятежно в счастливом браке с лишком двадцать лет. Матушка моя покойная родила батюшке во всё это время пять царевичей и восемь царевен. В день ея кончины сиротами остались: наследник престола царевич Алексей – пятнадцати лет, по осьми годов – Фёдор, по четырёх лет – Симеон и по трёх лет – Иван. Кроме меня – царевны Евдокия, Софья, Екатерина, Марья и младшая Феодосия, которой не вступно было семи лет.

Далее, не минуло два года, как скорбел мой батюшка, ещё мужественный вдовец, и после ещё двух чувственных потерь – смерти сыновей своих, моих братьев, царевичей Алексея и Симеона, – сочетался января двадцать второго дня браком с девицей Натальей Кирилловной Нарышкиной и тем хотя и ввёл в государев двор царицу, но нам, детям своим, всё-таки не даровал матери, – а мачеху...

Государыня Наталья Кирилловна на полтора года старше моей сестры Евдокии и всего на год старше меня. Многих в семье нашей это опечаливает, но я горячо люблю ея и почитаю как государыню и мачеху за кротость и любовь к батюшке, государю нашему.

При этом положение и лиц, и сторон на царском дворе значительно изменилось: мои родственники Стрешневы и Милославские принуждены уступить место у престола Нарышкиным. Братья молодой царицы взяты в комнату, сказаны окольничими, отцу ея Матвееву сказано боярство. Среди этих событий царица влюблённому в неё супругу и моему батюшке, спустя с лишком год восторженной супружеской жизни, родила мощного ребёнка – сына Петра.

Таким образом, почти забыты были царевны – я и сёстры мои. Только радостью для нас всех стало одно: объявление государем нашим батюшкой наследником престола тринадцатилетнего царевича Фёдора, младшего, единокровного и единоутробного брата моего.

Всё это глаголемое неминуемо приводит к жестокой вражде меж роднёй нашей и Нарышкиных тож.

Сплетни, склоки, а позже и борьба кровавая двух семейств – вот, по несчастью, основное заглавие последующей жизни моей. В сие я вольно или невольно вовлечена без остатка.

Однако ж, прожив с Натальей Кирилловной ровно пять лет счастливой брачной жизни, только в зимний мясоед прихворнулось батюшке моему, государю, великому царю и великому князю Алексею Михайловичу. А января тридцатого дня, на сорок седьмом году от своего рождения он скончался, благословя – по праву первородства – царством объявленного им по себе наследника, старшего своего сына, моего брата Фёдора Алексеевича на пятнадцатилетием его возрасте.

На коротком царствовании брата моего милого Феденьки страсти семейные чуть поприутихли. Да ненадолго!

Поначалу придворный быт при Фёдоре значительно поменялся. Молодые бояре теперь бреют бороды, запрещено появляться в традиционных охабнях да однорядках. Больше теперь всё осваивают польские обычаи, стригут волосы по-польски и учатся их языку.

Озаботившись продолжением рода своего, государь Фёдор Алексеевич взял себе в жёны дочь смоленского дворянина Агафью Грушецкую. Их первенец и наследник престола царевич Илья Фёдорович, по воле Вседержителя, скончался как не вступило десять дней от роду, а несчастная мать его, царица Агафья, умерла на третий день по прошествии родов.

Неутешный государь и братец мой милый через полгода вторым браком женился на тётке и милой сердцу моему юной Марфе Апраксиной, но, по воле Господа, по прошествии двух месяцев умер от scorbutsa бездетным и всего через пять лет после воцарения, не определив распоряжение относительно престолонаследия.

Вопрос этот вызвал значительные волнения в семье и во всём царском дворе. Не без крови, но, по счастью, разрешился венчанием на царство одновременно двух царей, малолетних братьев покойного государя Фёдора Алексеевича – Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича при регентстве сестры нашей Софьи Алексеевны.

Вот тут, по моменту этому, жизнь моя сильно меняется. Софья, по живости ума своего и подстрекаемая дядьями нашими да другими боярами ближними, активно и цепко берётся за власть. Отодвигает решительно милую царицу Наталью Кирилловну с государем Петром Алексеевичем и их семьёй в сторону, отправив, чтоб глаза не видели, прозябать в глухую Преображенскую усадьбу...

Хорошо! Вот писано сие за три дни, помолясь, вечерами и ночами, под свечами монастырскими. Понимаю, что сие канва жизнеописания только, и мне позже надо подробнее расписать детские и девичьи годы свои.

* * *

А пока поразмыслию, о чём написать далее мне. Опишу в числе прочего жизнь свою как государева советника. Вместе с князем Василием Голицыным, головой Стрелецкого приказа Фёдором Шакловитым и другими ближними боярами государыня Софья Алексеевна, сестра моя, часто зовёт меня порядком в государственном совете сидеть и слово говорить. И про Польшу, и про Крымский поход, и про другие государственные нужды заботиться приходится.

Далее я писать буду про конец государыни, сестры моей, в правительстве.

Тридцать семь годов исполняется мне. Государыня, царица Софья Алексеевна, несмотря на предостережения мои да тёток по отцу, благородных царевен Анны Михайловны и Татьяны Михайловны, всё же постоянно идёт на конфликт со взрослеющим братом нашим, государем Петром Алексеевичем.

Меж двумя партиями – Кремлём и Преображенским двором – усилиями близких людей сестры установились враждебность и недоверие. Каждая из сторон подозревает противную в намерении разрешить противостояние силовым и непременно кровавым путём.

В начале августа, седьмого дня, в ночь, несколько стрелецких глав доносят семнадцатилетнему государю Петру Алексеевичу в Преображенское ложную весть о покушении на него от сестры нашей, Софьи Алексеевны. Пётр от сего известия напуган стал и верхом скачет в Сергиеву обитель за высокие стены. Следующим днём туда же взгромоздились государыня царица Наталья Кирилловна да жена государыня царица Евдокия со всем Потешным войском.

От сего известия по Москве и в Кремле приключается великое сомнение и мешательство. По моему совету и тёток наших упомянутых, государыня Софья Алексеевна спрашивает патриарха Иоакима поехать в Троицу для замирения. Но в Москву патриарх не возвращается, а благословляет государя Петра Алексеевича самодержцем Всероссийским.

В конце августа по царскому указу многие стрелецкие начальники да рядовые начали уходить ко Троице.

Я, как могу, сдерживаю государыню, сестру свою, от кровопролития, и она на то решает лично ехать ко брату Петру во Троицу. Но в селе Воздвиженском остановлена была стольником Бутурлиным и боярином, князем Троекуровым. Они доносят государыне, что великий государь и великий князь не желает видеть её и во Троицу не пустит.

По свершению сего и возвращении государыни Софьи Алексеевны в Москву приключается бегство бояр, приказных чиновников и стрельцов из Москвы в Сергиеву обитель. По Новолетию в Троицу уходит генерал Гордон – наёмная иноземная пехота.

Это всё! В правительстве сестры моей конец приходит. Рассудив об этом, государыня решает примириться с государем Петром Алексеевичем и просит меня и царевен Анну Михайловну и Татьяну Михайловну ехать в Сергиеву обитель. Мы обнимаемся тогда по-семейному с государем, братом и племянником нашим Петром Алексеевичем и получаем от него дозволение, а от патриарха благословение на всеобщее умиротворение в государстве.

При сём государь требует, чтобы сестра наша Софья удалилась, не мешкая, от правительства в Святодуховскую обитель, что в Путивле. А вскоре он решает, что держать её вдалеке от себя не следует, и переводит в Новодевичью обитель. В монастыре к ней приставлена стража, но мне, сёстрам нашим и тёткам вход к ней разрешён без ограничений.

Но для меня главное, что там, в обители Святого Сергия, по велению Господню, встречаю я его среди стрелецких начальников.

Вот он, высокий, статный стрелецкий полуполковник Артемий Маслов. Это же именно тот боярский сын, который в царском поезде во той же Сергиевой обители невольно возбудил во мне, юной царевне, первый интерес к мужскому полу. Общение с ним сейчас снова сильно волнует меня. Да, конечно, я много старше прошлого, да и он уж сорока пяти лет, но всё равно по неопытности и оттого по смущению мы общаемся с ним коротко и отрывисто.

Я не знаю совсем, как это бывает, и что она такая вообще – эта любовь. Но то, что сейчас от этого разговора происходит в моей душе, – совершенно ранее не познаваемо было.

На следующий день, чуть придя в себя, приказываю своей приближённой боярышне узнать подробно про Маслова всю подноготную. И доложила потом, что он женат уж десять лет, имеет троих детишек и дом каменный неподалёку от Поганных прудов в Москве. Услышав сие, я печалюсь сильно, а потом уговариваю себя, что с этим полуполковником у меня и не может быть сходства. Великая государыня, царевна, да стрелец, хоть из боярского рода, – суть «птицы не одной стаи». Пытаюсь забыть всё, и, пожалуй, у меня получается.

Девять годов не видала я своего милого, да пришлось свидеться по случаю, Господом предначертанному.

Я к тому году от правительства была отставлена уж давно и вернулась к своей спокойной и скучной теремной жизни. Государь же и брат наш Пётр Алексеевич по активности своей с Посольством Великим в Европе уж давно пребывал. Слышала я, что по Крымским походам случилось среди стрельцов великое возмущение.

По свершению лета, пред Новолетием в Коломенское и прискакал ко мне мой милый, уж полковник стрелецкий. Сказывает, что государя Петра Алексеевича, по слухам, уж убили давно в Посольстве и подменили антихристом и самозванцем. Стрельцы при сём возмущении снова хотят видеть сестру Софью Алексеевну в правительстве. Много что ещё говорит, я и не помню, разум замутнён есть от вида его бравого. Там же в холодных сенях и взял он меня, на то согласие моё несмелое получив.

Я опишу позднее сию встречу подробнее, помню всё до мельчайших подробностей. Мы много после говорим с милым моим, он рассказывает о походах, южных странах, о том, что вдовец уж три года.

Провожая его от себя в конце этого длинного дня и заверяю, что с сестрой говорить буду, но писем в стрелецкие полки посылать не буду. А того больше, просить буду сестру свою Софью Алексеевну тоже не иметь со стрельцами сношения никакого. Говорю ему, что против государя, нашего брата Петра Алексеевича никакого сопротивление чинить не буду.

На сии слова мои он не гневается, а только обнимает, целует и просит благословить его до следующей встречи нашей. Я осеняю его крестным знаменем, но на душе чувствую и любовь светлую, и скорбь, необъяснимо сдавливающую.

Брат наш, великий царь и великий князь Пётр Алексеевич, сам тогда после разгрома стрелецких полков допрашивает нас с сестрой Софьей. Разговор очень жёсткий, брат сильно гневлив, но пыток не допускает.

Я волей-неволей признаюсь, что говорила Софье о приходе на Москву стрельцов, об их желании видеть ея, Софью, на царстве, но при этом Богом клянусь, что никакого письма ни я, ни она не передавала стрельцам.

При этом моя постельница сверх того оговорила меня, что посещается была стрельцкими полковниками, будто бы получила челобитную от стрельцов, и от нея, сестры Софьи, шло письмо к полкам.

На это сестра Софья, спрошенная государем про письмо, переданное стрельцам от ея имени, отвечает: «Такова письма, которое к розыску явилось, от меня в стрелецкие полки не посылалось. А что они, стрельцы, говорят, что, пришед было к ним из Москвы, звать ея, царевну, по-прежнему в правительство, и то не по письму от нея, а, знатно, потому, что она была в правительстве».

От переживаний я плохо помню те дни. Помню только хорошо заступничество патриарха Адриана. Дай Бог ему здоровья, он смиренно, но активно упрашивает государя, брата Петра, не судить нас с сестрою сурово.

После допросов дорогая моему сердцу, но своевольная сестра Софья оставлена на жительство в том же Новодевичьем монастыре под постоянную стражею изо ста солдат. Но по слову брата Петра, чтобы впредь никто не мог желать ея на правительство, пострижена в монашество под именем Сусанны того же года, октября двадцать первого дня.

Ну а я, которая сама призналась, что сообщила сестре о приходе стрельцов на Москву и желании их видеть ея, Софью, в правительстве, в тот же год и месяц царским указом отправлена на жительство в «Грозные» места.

Поместилась я в монастыре жить у большой колокольни в наскоро поставленных покоях: на царском своём дворе, в Успенской обители, что у Грозного при Александровой слободе, вверху на хоромах при Страстях Христовых. Тут есть опочивальня, про которую уж сказано было, сени – тёплая горница, назначенная для сенных девушек и прислужниц, клеть или холодная горница, кладовая, предназначенная для хранения вещей, а в летнее время и для отдыха. Под клетями – повалуша, что для отдыха, даже для приёма близких и родных, иногда для поклажи. Всё это отдалённо подходило к моему двору в московском тереме, но сейчас это не главное.

Главное то, что в это моё пристанище прискакал милый мой. Свершилось сие вот уже четыре месяца тому. От этого неожиданного визита сердце моё поворачивается, о нём ведь и не мыслю теперь. И брату на дознании о нём не сказала ничего. Да ещё постельница, Бог ей судья, что оговорила, о милом моём всё же умолчала.

На три дни милый мой останавливается в окрестностях и приходит ко мне, таясь, после вечерней. И живём мы с ним как муж со женою и говорим без устали. Он рассказывает, что скрывается от суда царского, что многих стрельцов, что на Москву шли, уж нет или сосланы, что едет в Тобольский край, чтобы укрыться окончательно.

Эти дни стали единственными супружескими днями с милым моим, и понесла от него.

Сие свидание не осталось секретом, и на тот же год, мая двадцать девятого дня, я пострижена в монашество с именем Маргариты, да с тем и пребываю поныне.

Позже, как во славу Господа Бога встретили мы Новолетие одна тысяча шестьсот девяносто девятого года, и живот мой сильно виден приключился, в монастырь прискакал нарочный от государя, брата моего, Петра Алексеевича. Затянутый в зелёный мундир Преображенского полка, он с почтением и по сану моему вручает письмо за гербовой сургучной печатью и оговаривается, что ему приказано ждать прочтения и ответа последующего.

Не ожидая ничего хорошего от этого визита и письма, с волнением я сажусь в кресло у секретера и ломаю сургуч. С трепетом разворачиваю казённую бумагу и с трудом вчитываюсь в известный давно, но по-прежнему малоразборчивый, порывистый почерк брата Петра.

«Сестра Марфа (тут же имя Марфа зачёркнуто и поверх него написано имя Маргарита), здравствуй!

Объявляю тебе, что мне донесено положение твоё. О сём zelo опечалился, но осуждать не буду. Судом моим осуждена уж за дела иные. А на сей посыл только Господь Бог тебе судья да ты сама.

Однако негоже плоду от царевны-инокини незаконным быть.

И по сему, как народиться, сразу забран ко мне будет, и всё в тайне сохранено. Не взыщи на то! Я глава семьи!

Ежели милостию Божией дочка родиться: к миру. А коли волею Его и молитвами твоими – сын, мне сподвижники и солдаты zelo нужны.

Детё твоё, сестра Марфа (опять зачёркнуто имя и поверх написано Маргарита, похоже, перечитывал написанное и правил усердно), я окрещу и воспитаю сам. Сомнения не имей. Титул и земли получит и фамилию будет носить Петрову, али ещё какую, думать буду.

Для родов и ребёнка ради шлю тебе лекаря от себя. Не чаю больше пяти дней или недели задержатца, и, упрявля все дела, поедет на почтё к тебе.

Дай Боже, чтоб ему скоряй быть и здорово застать.

Остальное сей доноситель, денщик мой Гришка Чернышёв, тебе волю мою на словах поведует.

Писано из села Преображенскаго, в лето от Рождества Христова одна тысяча шестьсот девяносто девятого, октября первого дня.

Piter».

Прочитала вот, и чуть спокойнее становится. Милостив государь, и слава Богу. Да и правда, что ж! Ведь то, что мне, инокине, суждено будет собственное дитя воспитать, и не рассчитывала даже. Хотя надеялась. Тяжело отрывать ведь от сердца кровинушку свою, кто ж такое пережить может? Но что делать, я ведь не простолюдинка какая и не боярская дочь, а царевна, да инокиня тож, и этим всё сказано. Глава семьи и государь велел, значит, закон сие.

Поплакала я горько, помолилась, и ещё поплакала, и помолилась. Писать государю, брату моему, на сие его послание не стала, зачем. Отрядила только денщику Чернышёву передать на словах покорность слову великого царя и великого князя, да здорову быть.

Действительно, через неделю прибыл ко мне почтой дохтур государев, Пётр Постников. Улыбчивый и разговорчивый молодой человек. Заглавным делом рассказывает, что первый из Московского государства получил степень доктора философии и медицины в латинском городе Падуе, а до этого окончил Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Служит при царском дворе дипломатом и переводчиком и недавно с посольством брата Петра объехал всю Европу. А ещё рассказывает, что переводит Коран – магометанское священное писание – на русский язык с французского перевода.

Приступает после к осмотру и хмурится тут сильно. Говорит, что плод силён и развит, но в неправильном предлежании пребывает, что без чревосечения или королевских родов тут не обойтись. Латинское слово caesarea мне, конечно, знакомо, и что оно означает – тоже. Как известно, бабка моя, тож Марфа, таки родила чревосечением своего сыночка Никифора Никитича, да жива осталась и потом родила сама ещё четверых детишек.

При сём лекарь мой заявляет и успокаивает, что сам принимал уже такие роды и надеется на лучшее. Что ж, так тому и быть, значит, и сие испытание Господне мне предначертано.

По введению государем монополии на торговлю лекарственными средствами оные, по нужде и рецептуре Постникова, доставлены были из Главной аптеки, что напротив Чудова монастыря. Morphinum же – через Новую аптеку, что близ Посольского приказа на Ильинке.

И вот, выждав и помолясь вместе с сёстрами Богу нашему Иисусу Христу и Матери Его – милостивой заступнице нашей, приступили.

Далее не помню почти ничего. Очнулась раз, когда мне сказали, что родился мальчик, здоровый и сильный, и тут же забран с двумя нанятыми кормилицами и государевыми нарочными во главе с известным мне уже Гришкой Чернышёвым. Ещё через месяц было, очнулась, по словам дохтура, что родильная горячка у меня, но, волею Господа, дело уже идёт на поправку.

А потом, совершенно пустая и тихая, отходила долгие полгода в скорбных мыслях и молитвах в дальнем скиту, что на месте впадения реки Серой в Ширну. Мёд, да баня, да река студёная – вот что спасение моё, по воле Божьей. Постепенно я возвращаюсь и только думаю о том, зачем Господь спас меня, подведя только к «порогу»?..

Точно, не авось, но теперь я уверена – для молитвы, а что я могу ещё? Для молитвы за государя и судью моего, за всю семью нашу, за мальчика моего, за всех страждущих и отвергнутых да за всех безвинно наказанных. В этом теперь моё предназначение, а может, таковое с рождения предначертано Господом было?

После краткого жития моего во скиту я долго не прикасаюсь к жизнеописанию. Молитва да только молитва в тишине и безмолвии становится для меня целью и смыслом, да счёт годам прожитым упущен, а сыскивать его снова, может, уж нет никакого смысла...

Больна я теперь стала совсем! Ноги еле ходят и язвами покрылись, суставы вот так ноют, а ещё зубы, ровно как у государя, брата моего милого, Фёдора. Днём и ночью, постоянно всё так болит, что одна молитва во Господа нашего Иисуса Христа облегчение приносит немного. При этом пишу уж второе письмо дохтуру с мольбой приехать в Александровскую слободу от хвори моей, но тщетно.

И вот решаю написать как-то письмо государю моему, любезному племяннику, благородному царевичу и великому князю Алексею Петровичу о своём состоянии.

И, о чудо, вскорости совсем, лета от Рождества Христова одна тысяча семьсот шестого года, он неожиданно приехать изволил ко мне, своей родной тётке, тайно, проездом к матери своей Авдотье Фёдоровне, жене брата Петра, что подвизается в Суздали, в Покровской обители. Там, по ссылке, впоследствии повелением государя-царя, мужа своего, пострижена будет от некоторых ея противностей и подозрения.

Действительно чудо, вот он стоит передо мной – государь, племянник мой, помню ведь его девяти лет от роду. А вот сейчас взрослый уж совсем, с пробивающимся пушком под носом и на подбородке, в парике, европейском платье, при длинной боевой шпаге, высоких дорожных сапогах, что подвязаны к поясу серебряными цепочками.

Обнимаю его сердечно, но чувствую сразу, что напряжён он. Говорит, что неминуемо ожидает гнева государя, отца своего, и не хочет посему даже в кресло присесть. Ведь даже здешняя игуменья непременно донесёт Тайной канцелярии, в Санкт-Петербурх. Продолжает, если что надо, готов с оказией весточку передать да поскачет дальше в Суздаль немедля и без дальнейших остановок.

Я Бога ради умоляю его рассказать о дитятке моём, жив, здоров ли?

Алексей знает и рассказывает участливо, но скупно. Говорит, что сейчас князь Пётр, сын мой, семи уж лет, живёт в Преображенском селе. При нём для воспитания, велением великого царя и великого князя Петра Алексеевича, поставлен гувернёр по-нынешнему и учителей множество, уж не мамки с кормилицами. Учат его языкам: английскому, немецкому и французскому, математике, как, может, по учёной дороге пойдёт, а также верховой езде и фехтованию – коли по военной. Приписан он был к драгунскому полку нижним чином с рождения,

а не вступило полгода, как получил первый офицерский чин. И вообще – мальчик живой имышлёный.

За те несколько минут, что Алёшенька рассказывает сие, муки мои телесные даже оставили меня в своём усердии.

Я обнимаю его на прощание и, чуть замешкавшись для осмысления, решительно передаю все бумаги с жизнеописанием своим. Рассудив при сём, что, может, Петенька мой прочтёт по совершеннолетию, а мне уж они и в тягость, пожалуй. Точка поставлена!

А ещё я прошу государя моего Алексея Петровича передать письмецо, третьего дня написанное для сестры нашей Натальи, и очень прошу его на словах передать и делами посодествовать в приезде по мою немощь дохтура, срочно.

Свернув всё, вкладывает государь моё письмо и другие бумаги в дорожную сумку и, коротко обняв, без слов выбегает прочь...

Ещё ровно до вечерней молитвы мне хватило без боли, а потом, снова смирившись, я приготавливаюсь к бессонной ночи.

За сим, не вступило года от приезда племянника моего, и я принимаю решение всё же уйти из этого мира. Сие происходит на четвёртый год по учреждению моим царственным братом Петром Алексеевичем своей новой столицы, Санкт-Питербурха.

К сожалению, уйти приходится, ничего не поделаешь! Тож по причине тяжёлых родов, мучительной болезни да и усталости сильной.

По прошествии месяца с лишком по моей кончине объявлено в государстве всенародно о казни последнего из стрелецких вождей, Артемия Маслова. Кроме казнённых и сосланных, семьи стрелецкие по решению суда высланы из Москвы, стрельцы из провинциальных полков разжалованы в простые солдаты, а их семьи записаны в посадские. Сим завершается государево разбирательство событий осьмилетней давности.

А ещё много позже, в Персидскую кампанию одна тысяча семьсот двадцать второго года, июля двадцать третьего дня мой благодетельный брат, великий царь и великий князь Пётр Алексеевич отправил в Эндирейское княжество корпус генерал-аншефа Андрея Ветерани с приданными ему тремя ротами драгунского полка полковника Андрея Алферьевича Шневенца. К полудню на них напали войска местных владетелей Айдемира и Чапаншефкала и много побили тогда русского войска.

В том бою чеченской стрелой был сражён ротмистр, князь Петров Пётр Петрович, двадцати трёх лет от роду. Его денщику из вольных донцов, по счастью, удалось тогда вывезти тело князя Петра с ратного поля и схоронить в тайном месте, по дороге в главную «квартиру».

Позже, решением полкового командира, за неимением наследников, воинское имущество князя, включающее коня и двух лошадок с обозной телегой, амуницию и оружие, девять рублей серебром и другое по мелочам, было отдано за геройство в собственность денщику, по выходу оногo в отставку. При этом толстую кожаную папку с бумагами погибшего командир передал полковому архивариусу для последующей описи по окончании кампании. Среди прочих бумаг в той папке была стопка посеревших листов, исписанных округлым женским почерком с заголовком на первой странице: «Книга глаголемая. Жизнеописание царевны-инокини Маргариты, урождённой Марфы Алексеевны Романовой».

Но тут, по воле Вседержителя, случилась оказия – полковой обоз попадает в горскую засаду от владетеля Айдемира. При этом весь русский персонал стал перебит без остатка, а часть обоза и архив безвозвратно утеряны.

Да, и ещё, имение убиенного в Персидской кампании князя Петра, осьми десятин земли и в тысячу крестьянских дворов, что близь города Пскова, отходит в казну.

Но я об этом, конечно, ничего уже не узнаю.

Игуменья при погребении моём скажет: «Инокания Маргарита Алексеевна прожила жизнь свою монастырскую в подвигах покаяния и смирения. Для нея только и радости было, что церковь Божия». А я бы ещё добавила: «...да дитячко, по воле Вседержителя рождённое!»

На надгробной плите моей напишут: «В лето от сотворения мира 7215 года, в лето же от воплощения Спаса Христа Господа нашего 1707 года июня месяца в 19 день, на память св. Апостола Иуды, брата Господня по плоти, в 12 часу дни преставися оть маловременнаго жития сего к безконечной жизни раба Божия, великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея великая и малыя и белыя России самодержца дщерь его, великая государыня, благородная царевна и великая княжна монахиня Маргарита Алексеевна, жившая в сей обители в монашеском образе с осьми лет, шесть месяцев и двадцать два дни, а от рождения всего жития ея пятьдесят пять лет, семь месяцев и одиннадцать дней. При последнем же сего света отшествии, не восхоте, якоже достоин ей, в церкви особливо положитися, но изболи и заповеда с любовью, смирения ради своего, в сей усыпальнице, со убогими монахини, во общей гробнице почивати до дне страшнаго пришествия Христова и общаго всех мертвых воскресения. По изволению сестёр ея благоверных государынь царевен Марии Алексеевны и Феодосии Алексеевны перенесены мощи благоверной государыни царевны монахини Маргариты Алексеевны под церковь Сретения Господня».

Рядом со мной пожелает быть погребённою и любимая сестра, царевна Феодосия, скончавшаяся в Москве в лето Рождества Господа нашего Иисуса Христа одна тысяча семьсот тринадцатого года, декабря четырнадцатого дня.

А ещё через несколько лет родная моя племянница, императрица Анна Иоанновна, в бытность свою в Москве послала нарочного в Александровский Успенский девичий монастырь достать ей масла от неугасимой лампы из рубинового стекла, теплящейся в монастырской усыпальнице над гробом царевны-инокини Маргариты Алексеевны. Масло, сказывают, было доставлено Ея Величеству за кабинетскою печатью.

Но мне это всё уже не важно...

Я уже давно в пути!..

Когда... Кто... Где...

*Цветок раскрыт и весь благоухает,
И нескончаемый поток возможностей вокруг.
Неведомо ничто, но точно знаю,
Как двигаться и что найду,
Начало и конец я знаю.*

Мухина С.О., Козлов Д.А.

Раздумья в пути. Часть первая г. Жуковский, 2001 год

Слышу приглушённый разговор двух женщин. Первый голос – как бы изнутри, свыше, родной, понятно – мамин. Второй – по-моему, её школьной подруги Киры. Они смеются. Смеются так, как могут это делать только ещё очень молодые женщины – непринуждённо, звонко и совсем беззаботно. Слышу, как Кира сквозь смех убеждает маму, чуть в шутку, но и все-рьёз: «Подожди! Подожди, не рожай в мае! Всего-то три дня осталось! В народе ведь говорят – человек всю жизнь маяться будет!»...

...Но разговоры разговорами, а неизбежного не избежать! Все ранее достигнутые договорённости полностью реализованы, звёзды на небосводе, по воле Божьей, выстроились в требуемую и единственно возможную конфигурацию, Ангел-хранитель, с которым, кстати, мы знакомы очень давно, всё подготовил для этого сложного перехода, уже свет показался, где-то там, впереди, и... я родился в очередной раз.

В этот раз я родился в субботу, через два дня после того смешливого разговора, в два часа сорок пять минут ночи по московскому времени.

В этот день Солнце, под знаком Близнецов, вошло в три часа пятьдесят семь минут и решило зайти в двадцать часов пятьдесят восемь минут. Начался двадцать второй, переходящий в двадцать третий, лунный день. Луна убывает в знаке Рыб, а процент её освещённости составляет сорок процентов. Вышла Луна чуть раньше меня – в один час двадцать семь минут, а зайдёт в тринадцать часов одиннадцать минут.

Сегодня довольно прохладно, не часто такое бывает в конце весны. Утром всего чуть больше нуля, а днём, правда, разогревается до одиннадцати. Пасмурно, и поэтому упомянутые выше Солнышко и Луна не показались мне в этот день ни разу.

Кстати, данные об этих светилах я прочитываю позже на листочке перекидного календаря с датой моего рождения, сохранённом моей дорогой бабушкой Полей. Обнаруживаю этот листочек я случайно, почти через год после её смерти. Я уже учусь во втором классе и прочитываю на этом клочочке бумаги написанный бабушкиной рукой, чернильным карандашом, прямо поверх напечатанного, наискосок, текст: «Родился внучек, Андрюшенька!» Грустновато что-то становится тут, но сдерживаюсь (я это уже умею – мужчина всё-таки!) и подробно рассматриваю находку Кроме крупных цифр, сложенных в дату и год, а также упоминания революции и войны, на календаре мелко обозначены неизвестные мне значки, слова и циферки. Чуть поразмыслив, я догадываюсь, что всё это обозначает часы и минуты восхода и заката светил. Я соображаю ещё, что кружочек с точечкой означает Солнышко, ну а полумесяц – понятно, что Луну.

А ещё, кроме всего перечисленного, на листочке ниже присутствует рисунок с текстом. Он буквально завораживает, и я в течение нескольких дней всматриваюсь в него, перечитываю текст.

На нём согбенный худенький дяденька с седой шевелюрой и бухгалтерской папкой под мышкой обращается к толстому, с большим животом, лысоватому человеку. У толстяка за

плечами огромный рюкзак, а в обеих руках – две полные авоськи со всякой всячиной. Текст под рисунком прочитается следующий:

– Иван Иванович, ты что, носильщиком теперь работаешь?

А тот отвечает:

– Нет, завскладом...

При этом под рисунком ещё написано, чуть меньшим шрифтом: «Художник В. Васильев».

Смысл этого текста мне непонятен поначалу, а рисунок веселит почему-то. Только позже я узнаю, что художник В. Васильев много рисует на злободневную тему, в том числе и для журнала «Крокодил». Получается, что мне в день моего рождения «редакторы» зачем-то подложили сатирическую историю про вороватого завскладом. Зачем, спрашивается? Затем, возможно, чтобы я по жизни даже дорогу всегда переходил только на зелёный сигнал светофора.

На эту же дату, что и я, родился святой благоверный великий князь Александр Невский, правнук Юрия Долгорукого и внук Всеволода Большое Гнездо; итальянский поэт Данте Алигьери; Пётр Первый Великий, император всероссийский; русский философ и революционер, анархист Михаил Александрович Бакунин; русский ювелир Карл Петер Фаберже; художник Винсент Ван Гог; поэт-песенник Лев Ошанин, автор песен «Дети разных народов» и «Эх, дороги» (помните?); наш великий космонавт – первопроходец открытого космоса Алексей Леонов; а ещё всесоюзный Шурик – Александр Демьяненко.

При этом ни газета «Правда», ни «Известия», ни какая-нибудь другая центральная или региональная газета, ни даже стенные газеты всех без исключения организаций, заводов или воинских частей Советского Союза в этот день не сообщили о факте моего рождения.

Однако при этом все центральные газеты пишут, например, о крепнувшем советско-албанском братстве. Об этом свидетельствует сегодняшнее сообщение о подписании в Тиране совместного заявления между партийно-правительственными делегациями Советского Союза и Народной Республики Албании. С советской стороны заявление подписывает Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н.С. Хрущёв, с албанской стороны – Первый секретарь ЦК Албанской партии труда Энвер Ходжа и Председатель Совета Министров Народной Республики Албании Ахмет Шеху.

Газета «Правда» сообщает о вступлении в строй после реконструкции доменной печи на заводе «Запорожсталь» (интересно, может, это намёк на моё металлургическое будущее?).

Корреспондент ТАСС передает из Алма-Аты о том, что в ряде районов Казахстана, где миллионы целинных гектаров засеяны зерновыми культурами, прошли щедрые дожди. Обилие влаги и тепла благоприятствует прорастанию семян и появлению дружных всходов, в том числе кукурузы. Кроме того, сахарная свёкла показала уже третий листок, зацвели земляника и малина.

Корреспондент «Известий» сообщает также, что на строительстве Братской ГЭС днём и ночью идёт решительный штурм Ангары. Мощные самосвалы сбрасывают в бушующую воду камни и грунт.

Горьковский автомобильный завод уже через три года полностью обновит модели всех выпускаемых им ныне машин. Помимо выпускаемых легковых автомобилей «Волга» и «Чайка» будут созданы и другие легковые автомобили, вполне отвечающие современным требованиям.

В газетах опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении машиниста паровозного депо Конотоп Юго-Западной железной дороги тов. Мишакова В.Н. орденом Трудового Красного Знамени за предотвращение крушения скорого пассажирского поезда и проявленные при этом мужество и самоотверженность. Указ подписали: председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилов и секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе.

В соответствии с ещё одним указом Президиума Верховного Совета СССР писатель Л.М. Леонов награждён орденом Ленина в связи с шестидесятилетием со дня рождения писателя и отмечая его выдающиеся заслуги в развитии советской литературы.

На последней, четвёртой странице «Правды» опубликовано замечательное стихотворение Николая Грибачёва под названием «Лопух». В первом четверостишие этого произведения, например, сказано: «К плетню, к забору, к палисаду, где ни межа, ползёт лопух, и никакого нету сладу, ни под лопату, ни под плуг...»

Приводится информация о третьем искусственном спутнике Земли. Оказывается, что на шесть часов утра сегодня (то есть почти через четыре часа, как я родился) спутник совершил пять тысяч триста двадцать один оборот вокруг Земли.

Да, и вот, наконец, «Правда» приводит программы радио и телевидения. По первой программе радио: в девять часов тридцать минут прозвучит рассказ о творчестве Л.М. Леонова, посвящённый шестидесятилетию со дня рождения писателя. В десять часов пятнадцать минут – фрагменты из русских опер. И вот, в двенадцать часов двадцать минут будет передача для детей под названием «Рассказы о природе». Вот это можно будет послушать.

По первой программе телевидения: в шестнадцать часов двадцать минут будут показывать передачу для детей со странным названием «Выставбура» (что это?), а дальше – художественный фильм «Девочка и крокодил». Это посмотрим.

Ну и совсем в конце, перед редакционным списком, напечатана афиша театров Москвы. Что тут из детского? А, вот Центральный театр кукол – спектакль «Дело о разводе», начало в восемнадцать часов десять минут. Но нет – это не для детей.

В мой год рождения, и одновременно год Жёлтой Земляной Свиньи по китайскому календарю, моя страна отмечает сорок второй год Великой Октябрьской социалистической революции и четырнадцатый год победы в Великой Отечественной войне.

Про революцию много распространяться сейчас не буду, важно только, что всё и всем тогда видится через призму этого эпохального события, как через «розовые очки». Все стороны жизни советских людей основаны на этом. Их мироощущение, самые возвышенные и не очень чувства. Это данность! Вот, точно! Основа, фундамент! От этого – наш энтузиазм и трудовые подвиги, политинформация, партийные и комсомольские собрания, вера и одновременное неверие в построение коммунизма к восьмидесятому году, необыкновенно мелодичные песни, высокая рождаемость и вытрезвители. Для меня это октябрятский и пионерский задор, хорошая учеба, сбор металлолома и макулатуры, а позже – комсомольско-юношеский скепсис, но и уверенность в завтрашнем дне, гарантированное советским государством...

Ладно, ещё поговорим об этом!

Но вот четырнадцать лет окончания войны. Очень-очень серьёзно! Это разговоры взрослых на кухне и в очередях о потерянных близких и эвакуации; главный тост на Новый год: «Только чтобы никогда больше не было войны»; разговоры не старых ещё дяденек в трамвае: «Я на Втором Белорусском, а ты на каком?..»; инвалиды на костылях или тележках на шарикоподшипниковом ходу почти у каждого подъезда; массовые пока сборы однополчан у Большого театра на Девятое мая; перезахоронение Неизвестного Солдата у Кремлёвской стены; детские игры в войну и непременно с фашистами; песня «Хотят ли русские войны?..»; жизнь всей огромной, многомиллионной страны, разделенная на «до» и «после». И я вот ещё родился в этот раз на четырнадцатый год после...

А ещё в этом, моём году команданте Фидель Кастро свергает кубинского президента Батисту и свершается окончательная победа кубинской революции. Новое кубинское правительство объявляет о раздаче земли крестьянам, а принадлежащие США сахарные фабрики и плантации национализированы.

СССР запускает первую автоматическую межпланетную станцию «Луна-1», которая становится первым космическим аппаратом, достигшим окрестностей Луны. А потом летом запу-

щен космический аппарат «Луна-3», он впервые облетает Луну, делает первые фотоснимки её обратной стороны и передаёт изображение на Землю.

На референдуме в Швейцарии граждане высказываются против предоставления женщинам права голоса на парламентских выборах. В конституцию этой страны только в восемьдесят первом году включена статья, гарантирующая равенство прав и свобод мужчин и женщин.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР принимают постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка», в стране создаются добровольные народные дружины.

СССР и Египет заключают договор о строительстве Асуанской плотины, а ещё введена в действие первая очередь Каракумского канала, проложенного через безводную пустыню.

Самолёты ВВС США неоднократно нарушают воздушное пространство СССР в районе Мурманска.

Тибет оккупирован китайскими войсками, а лидер тибетского буддизма Далай-лама XIV и его сторонники изгнаны в город Дхарамсала (Индия), где сформировано тибетское правительство в изгнании.

Вот ещё: Элизабет Тейлор в четвёртый раз выходит замуж.

В Москве открывается Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ), и в страну приезжает с визитом император Эфиопии Хайле Селассие.

Советский Союз объявляет о согласии предоставить Сирии финансовую и техническую помощь. Открыт международный аэропорт Шереметьево.

Генеральная Ассамблея ООН осуждает апартеид в Южной Африке и расовую дискриминацию в любой части света. Никита Сергеевич Хрущёв обращается к Генеральной Ассамблее с предложением о разоружении.

Ну, вот вроде всё, пожалуй, это все главные события моего года. Хотя нет, вот ещё: Ринго Старр получает барабаны в качестве рождественского подарка...

При рождении мои параметры чуть превышают стандартные: длина, ну, рост то есть – пятьдесят шесть сантиметров, а вес – три килограмма восемьсот грамм.

По рассказам мамы, как только я появляюсь на свет, акушерка берёт меня, орущего от страха и несправедливости, за ноги, вниз головой и суёт маме в нос промежностью, констатируя очевидное: «Мальчик!»

В соответствии с натальной картой, составленной при рождении «заинтересованными силами» и «выданной с печатью», моя стихия – ветер. Я никогда не нахожусь в покое. Мой ум – в постоянном движении, непрерывно чем-то занят, заинтересован. Характерны общительность, контактность, знакомства, дела, связи. Постоянная умственная активность, подвижность, переменчивость, многоплановость, внимание, идейность, интеллектуальность. Наблюдательность, быстрота, активность (надо же!). Ум тонкий, гибкий, быстрый, хорошее воображение. Остроумие, красноречие, изобретательность, живость и деятельность, лёгок на подъём (насчёт последнего сомневаюсь что-то). Честность, великодушие, привязанность к близким, интуитивность, хорошее восприятие, понимание, представление. Приятный собеседник, со мной не заскучаешь. Склонность к умственному труду. Умелые руки, начитанность, талант...

Вот это да-а-а! Неловко даже как-то! Это всё мне одному? Но почему бы и нет, в конце концов? Договорились же заранее. Ладно, хорошо, пусть будет.

При этом во мне присутствует ещё: беспокойность, нервозность, болтливость, непостоянство (ну нет, последние два точно не моё). Не всегда могу начатое дело довести до конца, разбросанность, верхоглядство, дилетантизм (вопрос). Изворотливость, расплывённость, поверхностность (опять вопрос). Недостаток настоящих чувств, ненадёжность, нескромность, лживость, враньё, хитрость, вечные душевные муки из-за разлада между внутренними представлениями и реальным миром. Неустойчивость в отношениях.

Ну, не зна-а-ю! Много вопросов по недостаткам!

В соответствии с ещё одним показателем, что тоже с «подписью и печатью», так называемым кодом Души, моя цифра – пятьсот пятьдесят один. Это означает, что я – Испытатель. А Испытателю определено: огромные возможности творчества, ибо он знает смысл первопричины; он (то есть я) точно знает Закон, знает свою цель, ибо знает смысл первопричин, контролирующих порядок; он берётся за самое неизведанное и неизвестное при полной уверенности в успехе, на самых разнообразных и многочисленных путях самореализации; знает начало и конец, а возможность знать определяется степенью нарушения Закона.

У-у-у! Ничего себе, понаписали и «проштамповали!»! А что делать? – на то они Высшие Силы! Придётся теперь всю жизнь работать-пахать: позитивные качества сохранять и развивать, а негативные попробовать обнулить. Ну, посмотрим!

А пока... а пока выше кратко описано, «когда» и «кто» родился, и вот теперь – «где».

Нет-нет! Ещё не всё про «кто»! Про еду-то ничего не сказал. А как без этого? Хотя бы кратко! Итак, я – всеядный, больше всего люблю сладкое, булочки, пирожные. А ещё, и это очень важно, есть всё это на диване с книжкой.

Что касается здорового образа жизни, борьбы с повышенным холестерином и ещё со всяким таким, то в моё время доктора и всякие учёные с академиками только начали писать об этом свои диссертации. Йога, фитнес и тотальный отказ от алкоголя и мяса наступят в моей жизни только после пятидесяти...

Ладно, переходим к «где».

Так вот, в этот раз я родился в семье служащих, в самой большой стране мира – в Советском Союзе, городе-герое Москве, в родильном доме имени Клары Цеткин, что в Шелапутинском переулке, дом номер три. До революции в этом здании располагается богадельня Морозовых «для призрения бедных престарелых или лишившихся по болезни возможности к труду лиц обоего пола, всех сословий». Теперь тут один из лучших родильных домов Москвы. Говорят, что в сорок пятом году Клементина Черчилль после посещения роддома написала в книге посетителей: «Если бы мне снова довелось иметь ребёнка, я хотела бы доверить его судьбу этому учреждению».

Так вот, в этот, очередной раз именно тут начинается моя жизнь.

Из «Клары Цеткин» свёрток в синем одеяльце привозят сначала в Армянский переулок, в коммунальную квартиру, где в одной из комнат живёт часть моей семьи, состоящая из мамы, папы, бабушки и её второй дочери, маминой сестры. Через некоторое время, по случаю тесноты проживания, мы с мамой и папой переезжаем в большой коммунальный дом в Сокольниках, что на пересечении Поперечного и Четвёртого просек. Тут обитает моя вторая бабушка и другие родственники по папиной линии. А ещё через год бабушке Поле, работающей медсестрой туберкулёзного диспансера, выделяют на семью отдельную квартиру на Бойцовой улице, что на трамвае от метро «Сокольники», куда мы и переезжаем.

Мои мама и папа – простые советские люди, беззаветно трудящиеся на благо своей великой родины восемь часов в день с часовым перерывом на обед, шесть дней в неделю. Про шесть дней – не ошибка. Для своих молодых читателей разъясню: пятидневную рабочую неделю в стране введут после XXIII съезда КПСС, на котором будет принято решение о переходе на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Но только в марте следующего года указами и постановлениями Президиума Верховного Совета и ЦК КПСС в СССР введена стандартная «пятидневка» с восьмичасовым рабочим днём. Советские же дети и студенты (несчастные) учатся по субботам.

За свой доблестный труд, родители получают достойную зарплату, которая позволяет нашей семье радостно жить от полочки до полочки.

Главным отличительным свойством мамы и папы является их безграничная и безусловная любовь друг к другу и ко мне, своему единственному сыну...

Первые мои детские воспоминания, конечно, связаны с мамой, а ещё с дачей в Отдыхе. Как сейчас вижу яркую, солнечную картинку, где я еду... да какой там еду, мне ведь всего-то годика полтора! Скорее сажу и пытаюсь как-то достать до педалей новенького трёхколёсного велосипеда. Жарко, я в одних синеньких сатиновых трусиках. Песчаная дорожка тянется в сторону дома, кругом растут высокие сосны, и в воздухе пахнет абсолютным счастьем. Всё моё прозрачное, маленькое тельце содрогается от восторга и безусловной любви. Это оттого, что велосипед мой, а главное, потому, что по солнечной дорожке мне навстречу идёт молодая, красивая и улыбающаяся мама.

Семнадцать лет своей жизни Отдых – мой, почти каждое лето, в перерывах между пионерлагерными ссылками. Тут огромный двухэтажный дом, хотя, может, он мне только кажется таким?

Тот дом – это место с полным основанием можно назвать моей малой родиной.

Из Москвы до дачи мы едем на электричке от Казанского вокзала или от станции «Электровозовская», везём с собой огромные авоськи и рюкзаки с продуктами. До Отдыха поезд идёт около часа. По правую сторону от станции – город Жуковский (туда по пятницам мы ездим мыться в общественные бани), а по левую – наш дачный посёлок. От поезда мы идём пешком минут пятнадцать, по живописной грунтовой дорожке меж других дачных участков. Всё кругом утопает в зелени. Люди когда-то строили свои дачные дома очень бережно, сохраняя огромные сосны, берёзы, тополя.

Наш участок большой, и в самом его центре – двухэтажный сруб с тремя большими верандами и балконом-крыльцом.

С мамой и папой мы живём на втором этаже, в маленькой комнатке с балконом. Фанерные стены комнаты не оставляют меня равнодушным, я читаю их, как книжки с иллюстрациями: когда ложусь спать вечером или просыпаюсь утром. Я подолгу всматриваюсь в потемневшие от времени сучки и закорючечки, нахожу в них смешные или, наоборот, страшные рожи, экзотических животных, целые батальные сцены. Я всё это «раскапываю», скрупулёзно выявляю, причём каждый раз разное, а потом придумываю из всего этого истории: ни для чего, просто так, для интереса.

Попасть к нам можно через отдельное крыльцо по деревянной лестнице. Когда мои руки и ноги становятся длинней, для понтов на второй этаж я могу забраться по опорным столбам балкона. Но чаще всё же по лестнице.

Очень много личного у меня связано с этой лестницей. Она – основное место игр, особенно во время дождя. По перилам можно скатиться вниз, а можно лёжа на животе, подтягиваясь на одних руках, без помощи ног, забраться наверх. Каждая ступенька мне лично знакома своими сучками и трещинками, имеет важнейшее значение для разных игр и мечтаний: на этих трёх, например, разворачиваются горные баталии с участием оловянных солдатиков, на промежуточной площадке – Бородинское сражение или война с немцами, а на нижней площадке, под лестницей можно (так уж и быть) разыграть дочки-матери с двоюродными братишкой и сестрёнкой.

Поднявшись по лестнице, попадаешь на небольшую площадку, на которой обустроена кухня. Тут два столика, один разделочный, а на другом – керогазы, керосинки, а много позже – двухкомфорочная газовая плитка и маленький газовый баллон к ней.

Холодильника нет, и поэтому продукты, привезённые из Москвы, а также готовую пищу хранят в погребе, что в сарае. Но проблемы с едой всё же случаются, особенно в жару. Както в котлетах обнаруживаются маленькие такие, беленькие червячки с чёрными головками и, естественно, срывают обед.

Для попадания в нашу комнату надо повернуть с кухонной площадки налево и открыть дверь, которая застеклена в верхней своей части.

Если передумать и идти прямо, то попадаешь в комнаты, в которых живёт мамина мама, бабушка Соня со своей младшей дочерью Ниной, моей тётёй и одновременно маминной младшей сестрой. Соня, конечно же, моя дорогая и любимая бабушка. Она бабушка «по вызову» и для «ссылки» (думаю, что моему уважаемому читателю не надо объяснять, что это такое).

Позже тут образуется ещё тётё-Нинин муж дядя Витя и почти сразу, из ниоткуда, их дети – те самые двоюродные брат и сестра, с которыми мне приходится играть и вообще воспитывать.

Ещё у меня есть дедушка Авенир, мамин папа. До моего рождения он уходит из семьи и на даче уже не появляется, но в нашей семье об этом говорить не принято.

Из комнат, где живут бабушка Соня, тётя Нина, дядя Витя и их дети, попадаешь на огромный (гораздо больший, чем наш) балкон с великолепным видом на участок и большую дорогу. С нашего балкона, кстати, вид похуже – виден только сарай с погребом да соседняя дача, но зато у нас точно тише.

Дачный участок угловой, на пересечении двух дорог. Одна идёт из Жуковского, через переезд, потом пронизывает весь дачный посёлок в сторону леса и сворачивает в местный совхоз. Дорога поменьше начинается от Т-образного перекрёстка и направляется в другую часть посёлка, где упирается в маленький сельский магазинчик. Меня в него уже с семи лет посылают за хлебом. Надо идти к определённой времени, к приезду хлебовозки, терпеливо очередь отстоять и доставить домой авоську с парой буханок на три дня.

В совхозе тоже есть магазин, он больше и богаче, но до него дальше и только в сопровождении бабушки или тётё Нины.

Теперь стоит описать первый этаж. Тут тоже несколько больших комнат. В одной части дома комнаты, которые занимают дедушка, а вернее, мой прадедушка Еремей и прабабушка Ева.

Именно прадед Еремей строит эту огромную дачу за пару лет до начала войны. В конце ноября сорок первого года вся семья вместе с малолетней мамой и беременной бабушкой эвакуируется отсюда в Куйбышев. Там на свет появляется тётя Нина, а дедушку Авенира после никчёмных обвинений лишают брони и призывают в армию, в штрафной батальон. К счастью, дедушке удаётся выжить, пройти всю войну и вернуться домой в орденах и медалях только в сорок шестом.

Весной сорок пятого вся семья возвращается в Москву, в Отдых, где вдруг обнаруживается, что дача разгромлена. «Добрые люди» вынесли всю мебель, вскрыли полы, ободрали стены, был перекопан весь участок. Дедушка Еремей рассказывает, что искали дореволюционное золото-серебро. Но не нашли, ведь ещё во время революции и Гражданской войны всё улетучилось.

Я очень хорошо помню деда Еремея, он умер в возрасте девяноста семи лет, когда я стал уже старшим школьником. Прабабушка Ева умерла много раньше. Не уверен, что прадед проявлял ко мне какие-то родственные чувства, по крайней мере, сидящим у него на коленях я себя не вижу. Помню только неизменные «Известия» у него в руках, за которыми он отгораживался от всего окружающего мира, в том числе и от назойливо-любопытного правнука. Но вы знаете, уважаемые читатели, при всём при этом ощущение величия и значимости этого родного мне человека я сохраняю и по сей день.

В комнатах прадедушки и прабабушки я бываю не часто и плохо помню, как всё внутри. Память сохранила только образ большой, заставленной разнородной мебелью веранды и прилегающий сбоку низкий балкон-крыльцо, через который тоже можно войти и выйти. А ещё помнится, что прабабушка и прадедушка часто в разговоре неожиданно переходят на непонятный мне, какой-то «космический» язык – словно отгораживаясь от всего земного.

Из их веранды по трём ступенькам можно спуститься на песчаную дорожку к калитке – основному входу на участок. Вообще есть и другие калитки, но они чаще замотаны наглухо медной проволокой для непроходимости.

В другом блоке первого этажа я бываю ещё реже. В нём живёт дядя Аля, родной брат бабушки Сони, со своей женой тётёй Любой и их сыном Мишей. К их блоку тоже примыкает большая застеклённая веранда, которая смотрит на ту часть участка, которая обращена к большой дороге. От веранды идёт залитая солнцем аллея, на которой всё лето цветут очень красивые тётё-Любины цветы. Тут же, неподалёку – колодец, единственный источник воды на даче.

Дядя Аля – обаятельный мужчина с маленькими усиками по моде сороковых-пятидесятых, а также с видом и замашками аристократа. Мне это очень нравится в нём, и некоторые его черты и повадки я интенсивно «впитываю». Где и кем он работает, я не знаю, но все намекают на что-то очень важное и засекреченное.

По-моему, дяде Але интересно со мной общаться. Он часто экзаменует меня, прося решать всякие математические задачки и ребусы: за решённые с улыбкой не хвалит, а за нерешённые – необидно обзывает бестолочью.

Тётя Люба – душевная и на редкость красивая женщина. Постоянно возится со своими цветами в саду. Очевидно, осознавая свою красоту, всё время ходит по участку в полупрозрачном нижнем белье из двух предметов, при этом излучая во все стороны аристократичность и величие. Должен признать, что этот её вид возбуждает во мне неосознанные, ещё детские позитивно-эротические фантазии.

Их сын Миша, как теперь бы сказали, тинейджер, вечно гоняет на мопеде по дачному посёлку. До меня, малолетки, ему нету ровно никакого дела.

В той части участка, куда как раз обращён наш балкон, размещается уже упомянутый сарай с погребом и чуть левее, в дальнем тёмном углу – туалет теремком. Бывает, если приспишит вечером или даже ночью, мама или папа сопровождают меня туда. В пути лучик фонарика «вырывает» из темноты огромных злых комаров, контуры сказочных животных и разбойников. Потом, когда мы наконец доходим, я сижу на «очке» с открытой дверью и всё время ёрзаю. Это же понятно?! Ну, чтобы кто-нибудь неизвестный и страшный снизу, из туалетных недр, не успел прицелиться и схватить за попу, а потом уволочь в подземелье теремка.

Позднее дядя Аля строит вблизи своей веранды отдельно стоящую кухню, а возле сарая-погреба – гараж, поначалу для «горбатого» «Запорожца», а потом – для белой «копейки». На этой стройке – я главный! Наблюдатель! А дядя Петя, вечно пьяный рабочий-строитель из совхоза, на этот период – мой лучший друг.

Весь участок утопает в зелени, по сути дела, дом стоит в лесу. Солнце слабо пробивается сквозь кроны деревьев, под ними всегда тень и прохладно даже в самые жаркие летние месяцы.

Ну, а где во всём этом великолепии я? – возможно, дополнительно захочет уточнить читатель. Да везде. Я излазил все закоулки участка, особенно те, на которые никогда не ступала нога взрослого человека. Я играю в ножечки возле сарая, катаюсь на велосипеде по дорожкам, качаюсь на качелях меж двух сосен, с разрешения дяди Али кручу руль, жму на все педали и дёргаю за все рычаги у «Запорожца» или «копейки», играю в машинки или вожусь в песочнице. Без всякого сомнения, Отдых – это место и время полной гармонии, счастья и защищённости, это совершенно точно – мой рай на земле.

Ещё одно такое место или малая родина – это квартира на Бойцовой улице, дом номер (не помню), второй подъезд, второй этаж, квартира двадцать пять. Это маленькая двушка в хрущёвке (как теперь принято говорить) со смежными комнатами и малюсенькой кухней.

В маленькой дальней комнате я живу с бабушкой Полей, а после её смерти эта комната полностью переходит в моё владение. В ней кушетка, на которой я сплю, и позднее, к школе, тут появляется письменный стол. К этой комнате примыкает кладовка, в которой хранится всякое барахло, а главное – это основное моё тусовочное место.

В большой комнате стоит большой раскладной диван, где спят мама с папой и который, кстати, жив и сейчас. Тут ещё светлая, по моде шестидесятых, простенькая советская мебель с креслами. Позднее шкафы сменяет югославская стенка, ради размещения которой приходится чуть сдвинуть дверной проём в мою комнату.

Очень важной достопримечательностью нашей квартиры одно время являются аквариумы, которые папа мастерит сам. Их два, размещены они на стильных конструкциях из алюминевых труб. Рыбок много и разные: барбусы, меченосцы, неоны и ещё какие-то экзотические. Папа очень любит это дело, и мне тоже нравится. Летом мы ходим на расположенные рядом Архиерейские пруды ловить мотыля для наших водоплавающих. Но позднее, к сожалению, любительская ихтиология заканчивается – в воспитательных целях аквариумы заменило ненавистное мне пианино «Лира».

Вход в квартиру начинается из крошечного коридора, в котором имеется ещё дверь в совмещённый санузел с характерным (типовым) для хрущёвок окном на кухню. Именно в этом санузле однажды мама случайно закрывает меня и уходит на работу. Я тогда вынужденно сижу там почти весь день, но это отдельная история.

Из большой комнаты – проход на кухню, площадью метров пять квадратных. В ней умещается холодильник «Юрюзань», раковина с плитой, маленький шкафчик для хранения посуды и ещё чего-то, а также небольшой обеденный стол.

Из этой самой квартиры, моего земного рая, я впервые выхожу в мир. Сначала в детский сад, потом в школу, а потом в институт и уже потом жениться.

Вот! Значит!.. Значит, вот с этим исходным «багажом» или бэкграундом, если хотите, я и пришёл на этот раз в этот мир.

Не знаю!.. Что-то подумалось вдруг, а может, моим искушённым в литературе, читающим читателям показался затянутым, перегруженным, что называется, приведённый выше текст. Ну, мол, слишком много подробностей про места жительства там, про события дня и года рождения. И вообще, что тут такого нового-интересного? Только «тупое» описание какого-то дачного участка, комнат в квартире, аквариумов и пианино?! И диалогов нет, неинтересно, скучновато читать. А вот ещё – автор сходил в Ленинку и просто переписал события дня и года рождения из центральных газет. И это творчество, это литература?

Не знаю, серьёзное замечание, обвинение прям даже. Дайте подумать...

Что ж, отвечу. Не по порядку. В библиотеку ходил, хожу и буду ходить, в первый, профессорский кстати, зал. Ну поймите, основная линия, если хотите, фабула моей литературы приходит откуда-то самопроизвольно. Впрочем, я уже говорил об этом. А вот дальше без уточнений и некоторых исторических привязок ну никак не обойтись. При этом я вывел аксиому: Интернет знает многое, но не всё! И, значит, без «старорежимной» и малооплачиваемой библиотечарши ещё долго не обойтись, что, может, и хорошо. А об «излишних» подробностях... Ну, если читатель считает, что затянуто, – пропускайте. Да-да, я уверен, пропускайте такие места. Я не обижусь, честно, а для «ваяния» глубины образа у меня заготовлены и другие литературные приёмы. Увидите! Но прошу понять правильно – не рассказать об этом не могу, правда. Это же всё моё, моё пространство, как и Ё – моё. Да и потом, осваивал я всё это моё пространство гораздо дольше, чем описывал.

Ладно! Будем считать, что более или менее понятно: когда, кто родился и где? Надеюсь, понятно, но теперь второй вопрос: а что дальше? Что дальше, скорее всего, дополнительно спросит читатель? Ну, что?.. Как известно, Бог даровал людям свободу выбора... Кстати, спорное решение, но Он – Бог, Ему виднее, и, значит, быть посему. Что выберу я, покажет время и нынешняя жизнь, а читатель, если захочет, узнает об этом из моей «книги глаголемой».

Разговор с Учителем

Учитель берёт руку, открывает ум и трогает сердце.
Народная мудрость

Ну вот, уважаемые читатели, мы и начали движение по моей биографии. Искренне благодарен вам, что дочитали до этой страницы и попробовали на «зуб» мой «слог», так сказать. Кстати, «слог на зуб» – это метафора, если помню из школьного курса, а может, аллегория или гипербола, скорее аллегорическая метафора, или гиперболическая метафора, или метафорическая аллегория, гипербола. Ладно, не важно, не отвлекаемся.

Предполагаю, что кому-то непросто читать всё, понимаю, а каково мне это писать? Зато интересно, мне кажется. Ранее уже звучало авторское предупреждение о том, что болтать нас будет в разные стороны и с разной амплитудой, ну, как на «американских горках». При этом я планирую поначалу побереечь вашу психику и напомнить ещё раза три об этом, через пару «виражей», например, но потом перестану, так что дальше уж сами, если хотите.

А пока двинули дальше, помолясь...

Проснулся я сегодня удивительно поздно. Сколько сейчас? Не знаю, но, похоже, много – уже совсем светло. Сквозь наглухо закрытые занавески в спальню весело пробивается солнышко.

Подумалось: «Странно, обычно я просыпаюсь очень рано, часов в пять или в шесть, ещё темно, и лежу до семи, жду, когда прозвенит будильник. Не спится: возраст, наверное, уже, да и не переставая крутится “бетономешалка” не самых позитивных мыслей». Это знаете, как в анекдоте: «Если женщина стала рано просыпаться, значит, она уже бабушка (заменяем женщину на мужчину, а бабушку на дедушку, и получаюсь я со своими заботами)!»

Ну, всё! Значит, проспал. Надо вскакивать и бежать на работу. Странно, на тумбочке нет телефона-будильника. А, понятно, забыл с вечера его в другой комнате и оттуда его не услышал. А почему меня тогда не разбудила жена? Кстати, где она, вон холодная постель рядом пуста.

Встаю, иду в гостиную. Никого, и телефона нигде нет. Что ж такое, без него как без рук. Вот ещё закавыка: нет настенных часов, и мои наручные куда-то делись.

На большом обеденном столе лежит записка с почерком жены: «Привет! Ждать не стала, уехала на занятия. Каша на плите. Тебе звонили из соседней школы и просили обязательно зайти. До вечера!»

В голове журавлиным клином проносятся вопросы: «Почему она уехала без меня, почему не разбудила, да и зачем мне идти в эту школу для одарённых детей?» Ну, ладно, разберёмся.

Странно, при всей абсурдности и нелепости ситуации почему-то во мне селится стойкая уверенность, что в школу эту я должен сходить.

Быстро завтракаю, почти не ощущая вкуса пищи. Одеваюсь как обычно: хороший, дорогой костюм, молочного цвета рубашка с красным галстуком, зимнее пальто.

Отмечаю про себя, что за окном погода великолепная: морозно, светит яркое солнце, искрится первый снежок. Пока спускаюсь по лестнице со второго этажа, визуализирую позитивную мысль о том, что у подъезда, как всегда, стоит моя персональная машина, и я плюну на эту школу и поеду привычно на работу.

Но нет! Машины всё-таки нет! Подумалось: «Вот паршивцы, бросили меня одного и уехали. И тут ещё нужно зачем-то в школу идти!» Ладно, делать нечего. Иду. Школа расположена тут, совсем рядом, через забор от нас. Это современное четырёхэтажное здание, построенное года три тому назад, носит название «Школа-сад гуманной педагогики. Европейская

классическая прогимназия». В простонародье – «Школа для одарённых родителей», понятно, наверное, почему.

Выходя из ворот нашего двора, спрашиваю у охранника, видел ли он, когда и как уезжала жена? Говорит, что видел: утром приехала моя машина, жена села в неё и уехала. В общем, всё как всегда, но без меня. От этих слов гнев и недоумение ещё активнее замесались в промежутке между темечком и под ложечкой. Решаю звонить на работу или жене из будки охранника. Но опять облом: телефоны-то я не помню, они все в записной книжке исчезнувшего телефона.

Всё, ладно, иду в школу, может, там что-то прояснится.

Тут чуть вверх, вдоль забора и равняюсь с тамошним охранником. Только разеваю рот, чтобы спросить и объяснить свой необычный визит, как тот радостно улыбается, делает вид, что знает меня уже сто лет, и обращается по имени-отчеству со следующей фразой: «Здравствуйте, вас давно ждут! Проходите, пожалуйста, и поднимайтесь на третий этаж в кабинет номер 551».

Во дела, меня тут знают и ждут. Понятно, что я многим уже известен в этом городе, но чтобы до такой степени, тут, в школе?

Ладно, посмотрим. Вхожу в здание, поднимаюсь не спеша на третий этаж и попадаю в большую рекреацию, выкрашенную в весёленький лаймовый цвет.

Про себя отмечаю гул собственных шагов по ламинированному полу. Кроме этого, – тишина, а где все дети, ведь время урочное, может, сейчас на прогулке или на физкультуре?

Почти в центре – светлая дверь, на которой табличка с цифрами «551» и чуть ниже надпись: «Лаборатория».

Ничего не понимаю. Ладно бы это кабинет директора был, а сюда-то мне зачем?

Нажимаю на ручку, дверь подаётся, она явно очень тяжёлая, но открывается легко.

На всякий случай говорю: «Здравствуйте» и вхожу.

В кабинете светло от солнечных лучей, беспрепятственно врываются через три огромных окна, но пусто. Оглядываюсь.

Справа от входа стоит огромный учительский стол, он же лабораторный. Отдалённо он напоминает мне тот самый стол в кабинете химии в моей школе номер триста восемнадцать. Он явно не первой свежести и выкрашен в ужасный коричневый цвет моих воспоминаний о нём.

Стоит этот стол на ещё более заслуженном дощатом полу, по которому ходили, носились и шаркали наверняка несколько поколений младших школьников.

В центре кабинета – одинокая двухместная парта, плохо отмытая от чернильных пятен, с откидывающимися на рояльных петлях частями столешницы, двумя продольными ложбинками для перьевых ручек и двумя же дырками, в которые в моём школьном детстве вставляли чернильницы с фиолетовыми или синими чернилами.

Вид этого кабинета, мягко говоря, удивляет. Безобразие, современная школа и такая допотопная лаборатория! Почему только одна парта?

И вообще, странно всё!

К мечущемуся гневу и недоумению, в упомянутый ранее промежуток, добавляется ещё возмущение.

Но тут я замечаю на стене за учительским столом современную интерактивную доску. Ну, слава богу, оборудование-то хоть у них современное, а на мебель и ремонт, похоже, денег не хватило.

Подхожу к окну, в него виден наш дом и дерево рядом, облюбованное для бесед семейством чёрных воронов (Владивосток всё-таки). И тут вдруг за спиной слышу отдалённо знакомый голос: «Андрей, здравствуй!» От неожиданности вздрагиваю и поворачиваюсь. За лабораторным – учительским столом стоит женщина лет сорока, с незапоминающимся лицом, абсолютно без макияжа, седеющие и неокрашенные волосы собраны в большой старомодный

пучок на макушке. Она в строгом синем костюме с юбкой ниже колен и в белой блузке. Кого-то она мне явно напоминает... «Галина Александровна?!»

Боже мой, это же моя учительница и классный руководитель в средней и старшей школе! Помнится, сначала она во мне души не чаяла, а потом наши отношения подпортились, двойки с тройками пошли.

Но нет, не может быть, той же сейчас должно быть уже много лет, наверное, как маме, а эта даже моложе меня. Мягкий, но строгий голос подтверждает:

– Ну, что ты, Андрей, меня зовут Александра Геннадьевна, ты что – забыл?

После этих веских слов я выдавливаю из себя только:

– Да?! А почему на «ты» и по имени?

Ответ следует веский, строгий и не оставляет вариантов:

– Я учитель, садись!

Тело тут же почему-то вспомнило детские, школьные повадки и съёжилось, стал запикивать себя в парту. Тогда, в детстве, она казалась огромной, а сейчас я еле всунул ноги, и то по очереди. Руки автоматически сложились перед собой, правая на левой.

Учитель согласно кивает головой и говорит:

– Хорошо, начнём первый урок.

Голова моя взрывается: «Какие уроки, при чём тут я! Мне же надо на работу ехать!»

Она как будто прочитывает мои мысли:

– Сегодня мы начинаем цикл занятий-уроков, которые включают в себя практические и лабораторные работы. А тема их имеет к тебе, Андрей, непосредственное отношение: «Твоя болезнь – твой учитель».

Честно, в этот момент мне почему-то сильно захотелось домой. Но вот незадача, ноги неподъёмные, как две двухпудовые гири, – двинуться не могу. А строгий голос назойливо продолжает:

– Андрей, достань из портфеля тетрадку и ручку, будешь записывать!

Я перестаю сопротивляться, затихаю, становится страшновато, нагибаюсь к портфелю. Странно, вместо моего начальственного и недешёвого портфеля, с которым я пришёл, под партой лежит маленький дерматиновый, чёрный, потёртый портфельчик из моего детства.

Открываю, в нём действительно лежит тетрадка в линейку за две копейки и простенькая шариковая ручка из белой пластмассы (таких теперь и не делают уже) с обгрызленным от мечтаний колпачком.

Строгий голос снова возвращает в класс:

– Так, повторяю, записываем! Тема цикла наших уроков следующая: «Твоя болезнь – твой учитель!»

В этот момент в руках Галины, то есть Александры, появляется длинная деревянная указка, а за её спиной зажигается интерактивная доска.

На ней сначала медленно, а потом всё ускоряясь и ускоряясь до мелькания, проносятся волнующие кадры моей жизни. Я вижу себя: сидящим на горшке в детском саду; прыгающим через забор, для того чтобы разбить бровь и не выйти из-за этого на сцену для чтения стихов; на ветке дерева в пионерском лагере на Оке; на выпускном вечере; в институтской аудитории. Вижу свою свадьбу, рождение детей, похороны Брежнева и последующую перестройку, свою бесконечную работу в науке и в должностях.

Я сижу замороженный и не могу пошевелить ни рукой, ни ногой от восторга и изумления.

Мне показалось, что этот фильм про жизнь шёл всего несколько минут. Однако, когда мелькнули кадры про переезд во Владивосток, я обратил внимание, что за окном уже темно, а в кабинете горит искусственный свет. Это не удивляет, я уже перестал вообще всему удивляться.

В тот момент, когда жизненный поток притормозил, учитель говорит:

– Итак, чуть более года назад ты и твоя жена приехали в этот город с важной миссией, но обсуждать сейчас это мы не будем. Сейчас наша цель в другом. Записываем!

На доске появляется синяя цифра «1» с точкой, а следом медленно всплывает фраза: «Полное погружение в работу, до самоотдачи. Работа с утра до позднего вечера. Без выходных и отпуска. И ни на что другое времени нет, включая твою семью!»

Сразу, как только в конце последнего предложения медленно, словно в замедленном кино, появляется восклицательный знак, звучит вопрос учителя:

– Ты согласен с тем, что тут написано?

Спорить бессмысленно, и я киваю. За этим сразу появляется вторая синяя фраза: «За истекший год пять раз ты попадал в больницу, один из которых – в реанимацию».

Подумалось: «Неужели пять раз?»

Но считать некогда, я записываю, а на доске уже вырастает третья фраза: «Сеульское обследование выявило... да, в общем-то, ничего не выявило».

Только записал это, как на доске сразу появляется следующий текст: «Несмотря на обследование и лечение симптомов, тебя продолжает преследовать плохое самочувствие, высокое давление и головокружение».

И сразу дальше: «Появились страхи и даже фобии. Реально, ты боишься оставаться один, ходить на работу и даже гулять. Ты устал от негативных мыслей. Ты надломлен и уже несколько раз думал о смерти как возможном и лёгком избавлении от того, что с тобой происходит».

Во время очередной медленно образующейся точки я успеваю подумать о том, что тексты, в общем-то, страшные, но абсолютно правильные, соответствующие действительности и, самое интересное, что в последнее время я встречаю что-то такое периодически среди вороха своих мыслей.

Учитель подтверждает:

– Вижу, что тебе не нужно доказывать очевидность этих исходных данных. Тогда сформулируем цель нашего цикла: осознать и прожить те уроки, которые тебе «подбросила» болезнь. Зачем, для чего тебе дано это всё? Тема урока...

Пока на доске выписываются все слова, а в моей голове крутятся описанные выше мысли, я периферийным зрением наблюдаю, что несколько раз в кабинете сменяется освещение от естественного до искусственного, а за окном ночь периодически высвечивается ярким и солнечным днём. Меня это чуть удивляет, но точно не волнует, мне уже очень важно всё, что тут происходит.

В тишине звучат слова:

– Так, Андрей, не отвлекайся, записывай тему первого урока.

На доске уже повисают зелёные готические буквы, складывающиеся в слово «Гордыня».

Прочитываю и тут же выпаливаю с места:

– Я так и думал, что!..

Это вступление обрывает строгий голос:

– Андрей, в чём дело? Ты что, забыл, как надо вести себя на уроках? – А потом более смягчённый: – Ну, ладно, объясни, как положено!

Я подчиняюсь, медленно вытаскиваю себя из-за парты и отвечаю подрывающимся голосом:

– Гордыня является темой первого урока, потому что... потому что... Мысли путаются. – Нет, тут коротко не скажешь!

– Мы не торопимся, говори, – кивает учитель.

Я громко сглатываю, чтобы чуть смочить горло, и отвечаю как по выученному:

– Слово «гордыня» периодически приходит ко мне. Чаще всего я слышу его от самого близкого мне человека – жены. Раньше, как только оно звучало, я сразу начинал прополку

собственного «огорода» от зарослей этой самой гордыни. Чем больше полол, тем реже звучало это слово. А сейчас...

– А сейчас, последнее время, ты постоянно только отмахиваешься от слов жены про гордыню. Разве не так? Чего стоит недавний случай с твоим секретарём, которая почему-то в воскресенье должна была тебе напомнить про твои же личные дела? Что-то ты давно не полол свой «огород»! Конечно, может быть, ты думаешь, что в части гордыни к другим людям можно предъявить больше претензий, чем к тебе. Может быть, но сегодня – твой урок, с тебя и больше спрос.

– Да, – выдавливаю я из себя.

– Ну вот и приступим к разработке темы нашего урока. Для этого напишем классное сочинение. Тема объявлена, время пошло, и не забудь отразить в сочинении такие важные для тебя аспекты, как значимость и ответственность.

Я снова втискиваю себя в парту, привычным движением вырываю из тетрадки двойной листок, надписываю его в правом верхнем углу и начинаю писать, но почему-то левой рукой.

Предложения рождаются очень нелегко. На листе постепенно появляются корявые слова, смысл которых я понимал и раньше, но наиболее очевидными в своём сочетании они становятся только сейчас – на бумаге.

Одновременно вся моя писанина проявляется и на интерактивной доске: «Значимость. Именно значимость того, что я делаю, чем занимаюсь, всё время возрастала, а значимость нынешней моей работы подскочила до небес. Но вот удивительно, весь парадокс в том, что её величина является таковой только для меня. Для других людей то, что я делаю, может ведь и не иметь такого значения или даже быть полным нулём, пшиком».

Пока всё это писалось, вдруг стал очевиден вывод, и его тут же вывела рука: «Из-за значимости, которую я придаю своей работе, отчётливо выглядывают “ослиные уши” гордыни».

На весь кабинет торжествующе звучит:

– Да-да. Правильно. Жги дальше!

Левая рука отваливается, но я всё равно пишу дальше: «Моя жена считает, что последнее время для меня возросла ещё значимость собственной болезни. Пожалуй, эта вторая даже затмила собой значимость работы. Я ловлю себя на мысли, что постоянно говорю и думаю об этом. Меня уже самого это порядком утомляет, а каково это всё терпеть любимому человеку?»

Тут останавливаюсь на мгновение: «Ну, вроде всё с этим?!»

Но учительский голос не даёт расслабиться:

– Как всё? А собственная значимость, она-то уж точно разрослась до невероятных размеров. Разве не так? Помнишь название сталинской работы «Головокружение от успехов»? Тебе это ни о чём не говорит?

– Да, в общем, да! – выдавливаю я из себя, а рука пишет: «Конечно, приходится признать, что это гордыня в чистом виде. От огромных перспектив и колоссального интереса работы в этом городе у меня захватило дух, и в результате закружилась голова в переносном, а потом и в прямом смысле этого слова».

– Вот-вот. Именно так. Ладно, теперь про ответственность. Продолжай!

Ободрённый похвалой, я пишу дальше: «То, чем я занимаюсь сейчас на работе, а также то, что делаю последние лет пять, я делаю с чувством величайшей ответственности. Мне кажется, что я потерял, не заметил того момента, когда перешёл от состояния “просто хорошо и качественно делать своё дело” к состоянию “постоянного перетаскивания невероятно тяжёлого для себя груза ответственности”. Чем больше и дальше я тащу этот груз, тем невыносимее и тяжелее он становится. Это последнее время сопровождается ещё постоянной неудовлетворённостью собой. Чем тяжелее груз и чем дальше я его тащу, тем хуже всё получается, чаще и изощрённее я себя ругаю за это!»

Тут я вздрагиваю от неожиданности прозвучавшего за спиной голоса:

– Да-да. А кто ты, собственно, такой, чтобы брать и нести такую ответственность без Божьей поддержки? Вот это уже и есть гордыня! Ладно, продолжаем.

Рука самопроизвольно выводит дальше: «Гордыня – потому что тащу груз, который не мой. А ещё потому что не принимаю себя таким: ругаю и осуждаю».

Дальше – как озарение, и занемевшая рука выводит: «Именно гордыня, проявляясь через ответственность, как мне кажется, приводит к повышению давления. Причём повышенное давление как результат ответственности сопровождает меня по жизни уже давно. А вот не принимать себя, пожалуй, явление относительно новое для меня и развилось особенно сильно последний год, то есть после моего приезда сюда».

Мои размышления прерывает Александра Геннадьевна:

– Ну что ж, самокритично. Вопрос в том, что теперь делать со всем этим?

Заметив тут, видимо, растерянность в моём взгляде, она говорит:

– Ладно, положи ручку, давай разбираться. Во-первых, надо отдать свой неподъёмный груз Богу, да просто попросить Его помочь тебе! А во-вторых, попробуй для снятия ответственности «сдавать» себя в аренду работе. Вот увидишь, это позволит тебе просто и качественно, без экстремизма и излишней ответственности делать своё дело.

«Звякнуло: где-то я это уже слышал, а может, читал где? Но насколько важно и нужно мне услышать это ещё раз, именно сейчас!»

Поразмыслить дальше над этим мне не дают:

– А вот со значимостью посложнее будет. Сказать просто – сделать сложнее. Надо ежедневно, ежечасно «выпалывать» свою значимость, причём как в словах и делах, так и в мыслях.

В момент выговаривания учителем этих слов они проявляются в золотисто-красном цвете на доске: «В словах, в делах и в мыслях».

– И ещё, ты ведь неплохо знаешь историю? Ну-ка, назови мне фамилию архитектора китайского экономического чуда.

Я, ни секунды не мешкая, выпаливаю:

– Дэн Сяопин!

– Вот-вот. А теперь знай, что дословный перевод его имени и фамилии звучит так: «обычный маленький человек». Так-то! В следующий раз, когда твоя значимость «зачешется» в тебе, вспомни этого человека, может, и голова перестанет кружиться в прямом смысле этого слова. Ну, хорошо, мы будем заканчивать этот урок. На дом тебе я задаю очень серьёзную и непростую работу, о которой только что сказала. Андрей, сдавай сочинение, оценка, видимо, тебя не интересует. Сейчас важен процесс. Начинаем следующий урок.

Звонит звонок и сразу второй, а это значит, что перерыва не будет.

– Итак, следующий урок мы проведём в форме практического занятия. Его тема: «Твоя зависимость».

– Зависимости? – изумляюсь я. – Но у меня их...

– Не торопись. Давай разбираться. Кстати, вот твой телефон, да и часы.

На учительском столе из ниоткуда проявляется мой телефон, великолепный с чёрным отливом iPhone – и не менее красивые швейцарские часы.

Вырвалось:

– А как?.. Ну да! Я без телефона как без рук.

– Вот!!! – буквально визжит в ушах и сразу: – Это зависимость номер один. Не по значимости, а по порядку.

Подумалось: «Ну, в общем, да. У меня сложные отношения с телефоном. С одной стороны, я его очень люблю, это дорогой и очень хороший телефон, а с другой – он всё время прилипает ко мне, как банный лист. Вот и сейчас. Какой телефон? Ведь такие важные занятия».

Эти мысли стали проявляться на доске весёленьким сиреневым текстом.

– Ну что ж, мы на правильном пути, к телефону надо добавить часы. Но развивай мысль дальше.

Я высказываю, если так можно выразиться, из-за парты и с энтузиазмом начинаю говорить. Сразу вспоминается автоматический измеритель давления. С одной стороны, хорошая вещь. Я даже веду дневник по давлению. Но реально это очень сильная моя привязка, и измерение давления становится последнее время даже навязчивой идеей – без него и командировка не командировка.

Дальше. Конечно, персональный автомобиль. Его наличие тешит моё самолюбие. Я всегда мечтал об этом. Но если разобраться?.. Это как в анекдоте: «В мире всё фигня, кроме пчёл; но если разобраться, то и пчёлы тоже фигня!»

Ещё дальше – это, конечно, работа. Это что-то огромное и ужасно важное для меня. С одной стороны, тут присутствует страх: ну, потеряешь работу – потеряешь стабильный доход, а с другой стороны, мне нравится ощущать собственную значимость.

Александра подбадривает:

– Да-да. Продолжай.

Ещё-ещё дальше – я нахожусь в сильной зависимости от мнения людей. Мне очень важно, что думают и говорят люди обо мне. Я всё делаю, чтобы меня любили и уважали люди вокруг, особенно на работе.

Снова подбадривает:

– Ну вот, ты и признался себе в этом. Это хорошо. Ещё!

Я разошёлся. Дальше, конечно, жена. Да, надо признать, что сейчас я испытываю значительную зависимость от неё, от её мнения и суждения. Кроме того, любое её отсутствие, выходящее за рамки привычных схем, сразу может вызвать у меня страх и, как следствие, повышение давления (как в Сеуле).

И, конечно, больница, лекарства и всё такое. Надежда на помощь медицины и скорейшее чудесное выздоровление. Мнимая защита в виде больницы и лекарств вселяет в меня некоторое чувство уверенности и стабильности. Хотя, если честно, даёт только временную передышку.

А ещё... Я глубоко вздыхаю:

– Не знаю!..

– Пожалуй, этого достаточно. Смотри, в твоём перечне есть зависимости от вещей, людей и мнения людей. Я очень рада, что именно на уроке произошло такое осознание. Теперь вопрос: а что со всем этим делать? Да, пожалуй, надо бы избавляться от этих зависимостей.

«?????»

– Самое простое в твоём случае – это вещи. При этом никто не запрещает тебе иметь их – такие функциональные и красивые вещи. Надо снизить значимость их в твоей жизни. Попробуй оставлять телефон, как, впрочем, и часы, дома хотя бы на время прогулки. Остальные зависимости присутствуют только из-за страхов, которые живут внутри. Страхи, ну, во-первых, это просто страхи, которые ты сам себе придумывал. Во-вторых, надо прекратить подпитывать собственные страхи негативными мыслями и энергиями. И ещё. Надо принимать решения в твоей сегодняшней жизни, противоположные тем, которые тебе диктуют страхи. Да-да, тут придётся поработать, без серьёзной домашней работы ты материал не усвоишь.

Запиши задание, и переходим к третьему уроку. Его тема следующая: «Твои взаимоотношения с женой».

Оранжевые буквы с завитушками названия урока тут же высветились на доске.

Моё лицо вытягивается от изумления.

На это тут же следует ответ:

– Сейчас всё станет понятно. Занятие мы проведём в форме лабораторной работы.

Как только она перестала говорить, на лабораторном столе появляются две большие колбы, наполненные жидкостями. Одна слева – бело-жёлтого цвета, а справа – искрящегося жёлто-оранжевого.

На стекле постепенно проявляются, выведенные моим почерком, синие слова: «Андрей» (слева) и «Елена» (справа). Да, в общем, мне и без подписей сразу ясно, кто есть кто.

– Ну вот, – деревянная указка замахала в сторону колб, – мы видим два сосуда, которые уже долго находятся вместе. Вместе строили свою семью, рожали и воспитывали детей, строили дом и решали другие многочисленные бытовые проблемы. Самое главное, что во всём этом живёт любовь. Это здорово. Но в новых условиях тебе, вам вместе, надо без суеты, просто научиться вместе дальше жить, любить и красиво стареть. Смотри!

Я, замороженный, смотрю на лабораторный стол. Из каждой колбы тут поднимаются струйки пара своего цвета. Высвободившись, они соединяются и закручиваются вместе в искрящуюся спираль, которая постепенно превращается в алмазно-белый мощный поток, бьющий в потолок и осветивший весь кабинет. Одновременно с увиденным я ощущаю невероятный заряд любви, уважения и в то же время спокойствия. На глаза наворачиваются слёзы умиления и счастья.

– Так, мы достигли нужного результата. Реакция прошла полностью, осадка нет. Твоё задание на дом – просто сохранять и развивать в ваших отношениях эту «святую троицу»: любовь, уважение и спокойствие. Непросто, но старайся, у тебя есть время для этого.

А за окном при этом всё мелькают яркие дни и тёмные ночи. Уверенность, что это ещё не всё, и я тут же слышу подтверждение:

– Ну и наконец, завершающий на сегодня урок: «Творчество».

Салатовые буквы этого слова сразу же появились на доске.

– Андрей, давай разберёмся. Да, я абсолютно согласна с тем, о чём ты думаешь. В твоей жизни, безусловно, присутствует творчество. Оно было в науке, которой ты с интересом занимался. Оно присутствует и в работе, которую ты сейчас делаешь. Но сейчас, в настоящий момент, только творчества в работе уже мало. Вся твоя жизнь, во всех её аспектах, должна быть пронизана творчеством, но и любовью, конечно. Во всех, ещё раз повторяю! Не меньше! Твоя Душа не согласна на меньшее! Давай поразмышляем над этим, говори!..

Я снова поднимаюсь и начинаю, сначала медленно, а потом всё активнее и увереннее:

– Мне всегда хотелось писать. Ну да, конечно. Мне ещё в детстве одна пожилая женщина предрекла будущее писателя. У меня уже много написано в науке. И это неплохие вещи.

На доске вдруг зажигаются кадры из фильма «Семнадцать мгновений весны». На них Плейшнер закадровым голосом Ефима Капеляна мечтает о пустых листах будущей книги, которые ждут его дома, и это несмотря на все ужасы войны.

Параллельно звучит голос:

– Я специально для тебя включила этот эпизод в сценарий фильма.

«??????»

– Не удивляйся и продолжай!

– Ну, в общем, да, конечно, что тут удивляться. Когда я раньше писал книги и статьи, Душа у меня точно пела. Именно это у меня происходит и сейчас, когда я пишу биографию!

Проговорив это, останавливаюсь и задумываюсь.

Мысли тут же озвучиваются:

– Да, насколько ты сам себя обкрадывал последние годы, лишая творчества. Ты даже представить не можешь, насколько гармоничнее была бы у тебя жизнь в творчестве. Но не всё потеряно. У тебя есть ещё шанс. Ладно, подводим итоги, промежуточные выводы и общие по всему циклу уроков. Первое: ты и твоя жена неслучайно приехали в этот прекрасный город. Второе: тебя привели сюда и приостановили для того, чтобы ты, наконец, разобрался в самом себе, чтобы ты вспомнил, кто ты есть на самом деле, чтобы ты, наконец, вспомнил свою нераз-

рывную связь с Богом, чтобы любовь, творчество и радость снова вошли в твою жизнь и больше не покидали тебя, чтобы ты снова ощутил то состояние Души, в котором и должен постоянно жить гармоничный человек. Так! Теперь пора приступить к самостоятельной работе. У тебя есть на это время.

Я слушаю замороженный и одновременно счастливый. Как хорошо, что я пришёл сюда.

– Ну что же, согласна, мы неплохо поработали. Результат ты скоро увидишь. Я смотрю, ты устал. Закрой глаза на минуту, пускай отдохнут, и ещё – перестань бороться с болезнью, её нет. Лучше учи уроки!

Я закрываю глаза и сразу понимаю: что-то изменилось – в комнате темно.

Я лежу?! На кровати?! Дома?! Рядом чувствую тёплое тело спящей жены. Открываю глаза и скашиваюсь на тумбочку. На ней лежит мой классный, дорогой телефон-будильник, который показывает 6:00.

А где же кабинет номер 551?

И тут – мысль: «Фу-х-х – это же был сон?!» Но тут же следующая, более спокойная и уверенная, которая ставит всё на своё место: «Это не просто сон! Со мной говорил Бог!»

Путешествие в бухту Радости

*Человек умирает, когда в нём заканчивается радость.
Кто-то из великих*

Вот уже несколько дней я живу под впечатлением разговора с Учителем. Конечно, это сон, тут нет вариантов. Но та яркость, объёмность, чёткость, а главное, актуальность произошедшего всё же теребят душу сомнениями. Со мной такого никогда раньше не было. Решил доверить всё бумаге – она выдержала! Чуть поразмыслив, прочитал жене и вот теперь, по прошествии семи с лишним лет, решился доверить эту историю и вам, мои уважаемые читатели. Пожалуй, вы должны оценить мою открытость, понять ту глубину кризиса, в котором я оказался, и простить некоторую слабость.

А может быть... я надеюсь, а даже, пожалуй, уверен, что кто-то из моих читателей возьмёт на вооружение мой опыт самовытягивания из болота, жопы, творческого или душевного, послеродового или возрастного кризиса (тут предлагаю заинтересованному читателю самому подставить любое своё определение вместо перечисленных).

Справедливости ради надо сказать, что вытягивал я себя сам, но, конечно, при Божьем провидении и поддержке. Мне обязательно нужно было сильно-сильно-пресильно этого захотеть, и тогда вся Его рать выстроилась в единый фронт помощи мне: через сны и видения, сказки и были, через телевизор и уста родных и неизвестных мне людей, чередой целых событий, материализацию и исчезновения.

Не верите? Зря. Собственно, всё это я и собираюсь рассказать вам, и уже начал. Без всего этого моя биография не будет полной.

А тогда я решаю просто прочитать «Разговор с Учителем» жене: плакали мы вместе. Честно говоря, я думал, что уже разучился это делать. Живём в общем-то мы неплохо, не бедно, но вот что-то радости в нашей жизни маловато.

Я задумался – действительно. А ведь раньше было не так. Что же произошло? Почему количество радости уменьшилось в нашей жизни? Любовь, слава богу, есть. Но ведь и любовь не может долго жить без радости, хиреет. Да и сам человек без радости может умереть (смотри выше).

Надо с этим что-то делать, причём в дорожной карте по выходу из жопы этот пункт значится.

Начал я с литературы на эту тему: медицинской, художественной, психологической, эзотерической. Рецептов много, но что выбрать?.. И тут случайно, а теперь я уверен, что по Его провидению, ответ подсказал телевизор. В воскресенье, когда я смотрю в это чудо корейской промышленности с почти двухметровой диагональю, мне всё объяснили.

Идёт передача о путешествиях в разные замечательные страны и красивейшие места. Невероятно счастливый ведущий рассказывает о своём посещении бухты Радости. Он говорит об удивительной красоте этого места, о комфортабельных и одновременно дешёвых гостиницах. Но главное – это его рассказ о необычайно радушных жителях бухты Радости, которые излучают счастье и радость.

Я сразу понимаю: «Вот! Это, видимо, влияние самого места. Ведь недаром бухта носит название “Радости”».

Всё, спасибо соседней Корее и её продукции, решено, мы должны поехать в бухту Радости и подзарядиться этой самой радостью, её сейчас действительно поубавилось.

Рассказываю жене, она тоже загорается. Вопрос в том, как ехать. Вопрос «Когда?» не стоит. Оказывается, что за выходные можно обернуться, даже если идти тихим ходом, по тому самому океану, на берегу которого мы сейчас живём, правда, пока с дефицитом радости.

Ну, решено, а плыть на чём? Нужно плавсредство, а где ж его взять?

Долго я думать не стал, беру в кабинете с полки жены книжку «Арт-терапия», где в целом обобщённо сказано: «Что нарисуете, то обязательно материализуется!»

Ну, терять мне нечего, впереди целая неделя (сам поставил себе этот срок), будем материализовывать плавсредство.

Беру чистый лист бумаги, набор карандашей в двадцать четыре цвета и рисую. Для себя решаю: чем подробнее я его нарисую, тем качественнее и надёжнее он материализуется. И ещё это должен быть большой катер, футов семьдесят или даже сто. Правда, я не знаю точно, что означают эти футы, но местные спецы говорят, что это очень круто.

Тут важно сделать краткое, но важное отступление: я художник-то никакой! Это не характеризует меня ни с плохой, ни с хорошей стороны – это просто клинический факт. Что в данном моём случае оказывается и не важно. В книжке про терапию чёрным по белому и сказано: для материализации художественные способности не обязательны.

Так вот, в результате катер получался у меня синего цвета, высокий, с белоснежной палубной надстройкой и мощным мерседесовским мотором. Внутри разрисовать всё мне долго не удавалось по оговорённой выше причине, и поэтому я просто намечтал там много всего.

Конечно, там будет большая, вся в диванах, кают-компания. Из неё я запланировал лестницу вниз, где располагаются две комфортабельные каюты с биотуалетами. На корме – удобные места для загорания и купания, а на просторной верхней палубе, закрытой тентом от солнца, я расположил капитанское место со всеми необходимыми атрибутами для управления судном. Там присутствует всё самое необходимое и современное: штурвал, эхолот, всякие важные кнопки и рычажочки.

Ну а теперь самое главное – название. Ведь известно, как судно назовёшь, так оно и поплывёт. Именно поэтому моё судно получает название «Надежда».

Так, всё, я поработал на славу. Рисование заняло около часа, и теперь ждём четыре дня до пятницы, чтобы всё осуществилось. В завершение делал, как учили, – помедитировал, отпустил намерение, и мы с женой стали собираться.

Сегодня пятое декабря, в России, как известно, в это время всю зиму. Но мы точно решаем, что в бухте Радости мы будем купаться в тёплом океане, и первое, что приготовили, – это купальные принадлежности и крем от загара.

Так, стоп, зима. Амурский залив ещё не замёрз полностью, но всё равно без помощи ледокола нам в открытое море не выйти. Хорошо, этот вопрос в принципе решаемый, а вот без ледовой защиты корпуса катеру не обойтись. Сказано – сделано. Я снова достаю рисунок, утолщаю корпус и очень довольный своей предусмотрительностью еду руководить.

Ну что же, начало получилось, по-моему, весёлым. Как будет дальше – посмотрим, а пока я откладываю рисунок в сторону и, честно говоря, забываю о нём.

Каково же было моё удивление, когда я вошёл в свою приёмную в пятницу утром! На пороге меня встречает секретарь с удивлённым видом и протягивает синенький бланк со следующим напечатанным текстом: «Уважаемый владелец плавсредства “Надежда”, – далее в пустое место от руки были вписаны мои фамилия, имя и отчество, а потом печатным шрифтом: – Довожу до Вашего сведения, что Вы обязаны в течение ближайших трёх рабочих дней погасить задолженность за аренду причала № 13 на Корабельной набережной – места стоянки Вашего плавсредства». Далее располагалась закорючка подписи, сопровождаемая текущим числом и неразборчивой печатью.

Сохраняя внешнее спокойствие (что творилось у меня внутри после прочитанного, уважаемый читатель может себе представить), я решительно кидаю своё тело в машину и еду на Корабельную набережную. Ещё издали, подъезжая к месту высадки на берег русских первопроходцев Дальнего Востока, я вижу гордо стоящий у причала бело-синий катер под названием

«Надежда». Не веря ещё своим глазам, я вылезая из машины, прохожу по причалу к катеру. Ни на берегу, ни на палубе никого нет, и я вхожу по опущенному трапу.

Покричал внутрь и, не получив ответа, отодвигаю стеклянную дверь, захожу в кают-компанию. Ещё раз кричу, пусто. Удивительно, всё вокруг выглядит именно так, как я себе наметал. На столе лежат документы, вчитываюсь в них.

После из меня выходит поток идиоматических выражений, на которые я в принципе способен, но которые использую крайне редко и то – только для убеждения.

Документов много, но главные из них: права на вождение плавсредства и паспорт этого самого плавсредства с указанием в графе «Владелец» моих ФИО.

Чуть подуспокоившись, я подхожу к месту капитана и вижу ключ, вставленный в замок зажигания, вокруг которого написаны известные каждому автомобилисту английские слова.

Рука тянется к ключу. Поворот. Раздаётся характерный рёв, катер чуть вздрагивает, откуда-то снизу чувствуются запасы необыкновенной мощи.

От неожиданности вздрагиваю, рука сама поворачивает ключ в исходное положение, всё стихает.

Я всегда считал себя человеком мыслящим и здоровым, но всё, что произошло дальше, свидетельствует об обратном.

Выскакиваю из катера и прыгаю в машину.

Звоню жене и кричу в трубку:

– Всё, мы завтра в шесть утра идём в бухту Радости.

Абсолютно не удивляюсь тому, что она тоже без всякого сомнения в голосе спокойно отвечает:

– Здорово. Давай приезжай, собираемся. Только купи по дороге кефир, там его может не быть.

Потом звоню секретарю, говорю, что до вечера на важном совещании в администрации края, а сам еду домой.

Как прошёл остаток дня, я сейчас не помню. Помню только, что сами сборы заняли у нас минут семь.

На следующее утро без пятнадцати шесть мы с женой подъезжаем к причалу номер тринадцать. Проезжая по пути центральную площадь города, мы видим большой уличный градусник, который грустно показывает минус восемнадцать градусов Цельсия.

Пока ехали, решили: самозванцев нам не надо, капитаном буду я, но поручить жене, конечно, дам. Она будет исполнять обязанности креативного директора нашего мероприятия и одновременно первого помощника капитана – штурмана.

Багажа у нас немного: маленькая сумка, в которой уместились купальные принадлежности, ласты, маска и трубка, а также две литровки кефира.

Вышли на причал и обомлели: катер стоит освещённый всеми огнями, а трап снова опущен. Слова в этот момент не обязательны, а шквал чувств по поводу происходящего захлёстывает нас с головой.

Возникает мысль: «Как мы выйдем? Лёд!» Но вопрос вышел глупым. Оказывается, что весь лёд по маршруту нашего выхода из залива заботливо прорублен ледоколом, ещё, видимо, ночью.

Всё, вперёд, путь открыт. Заходим, располагаемся. Ключ на старт.

Одновременно с рёвом двигателя включается бортовой компьютер. Приятный, но синтетический женский голос по-русски оттуда предлагает: «Введите пункт назначения. Включить автопилотирование?»

Я набираю на клавиатуре: «Бухта Радости». Да.

И тут я понимаю, что зря назначил себя давеча капитаном. Мотор ревёт ещё громче, трап сам складывается, и мы сначала медленно, а потом всё ускоряясь выходим из бухты. Можно

расслабиться и позавтракать. В холодильнике всё самое необходимое на наш вкус, и кефир мы, оказывается, брали зря.

Мы выходим из залива Петра Великого. На горизонте показывается утреннее радостное солнце, которое предвещает удачу нашей «Надежде».

Когда очертания острова Русский пропали за горизонтом, стало уже совсем светло, и мы заметили явное потепление в атмосфере. На верхней палубе можно уже находиться без тёплой одежды.

А где-то через час мы уже надели купальные принадлежности, и пришлось достать благоразумно взятый с собой крем от загара.

Прошло ещё примерно два часа, и на горизонте показалась полоска берега, а ещё через час мы подошли к причалу номер тринадцать, точно такому же, как в нашем городе, но утопающему в зелени и экзотических цветах.

Катер сам причалил, и мы сошли на берег.

– Удивительно! – вскричали мы одновременно. – Как этот город похож на город, в котором мы живём и который тоже находится на берегу самого большого океана!

Действительно, это так. Улицы, сопки, дома были удивительно схожи. Даже бухта по форме и размерам тоже поразительно напоминает бухту Золотой Рог. Единственное отличие заключалось в том, что везде море зелени и цветов. Но самое главное, что всё, включая невероятно улыбчивых людей на улицах, излучает счастье, любовь и радость.

Мы перестали удивляться всему и решили наслаждаться и впитывать в себя радость.

Мы гуляем по городу, обедаем в очень вкусном китайском ресторанчике под открытым небом, купаемся в тёплом, чистейшем море на городском пляже до самой ночи.

Утром следующего дня, переночевав на катере, мы снова вышли в город для подпитывания радостью. Но вот чудо: мы обратили внимание на то, что радость уже начинает струиться из нас самих. Мы опять гуляем, купаемся, дурачимся и смеёмся так, что животы заболели.

После обеда в другом не менее вкусном китайском ресторанчике мы решаем, что, пожалуй, пора возвращаться в зиму. Для этого нас на причале номер тринадцать ждёт наша «Надежда», и настроение отличное.

Я уже привычно поворачиваю ключ зажигания и на вопросы синтетической женщины отвечаю:

– Курс – на город у самого большого океана. Да.

И мы плывём, то есть идём.

Обнявшись на верхней палубе и следуя за солнцем, обсуждаем, что же с нами всё-таки произошло. Коллективный разум, а также сердца, наполненные радостью и любовью, вырабатывают следующую формулу. Не место и территория способствуют повышению градуса радости, а сами люди. Конечно, мы подпитались радостью тут, в бухте Радости. Но теперь нам надо всячески культивировать её в себе для того, чтобы делиться ею со своими родными, близкими людьми, городом у самого большого океана, где мы живём.

Мы абсолютно счастливы теперь от осознания всего этого.

Единственное, что вызывает вопрос по итогам прошедших дней, – это тот факт, что теперь придётся платить кругленькую сумму за стоянку «Надежды» у причала номер тринадцать.

Я подумал чуть над этим вопросом и сказал себе с улыбкой: «Ладно, отработаю с радостью!»

Бабочка

Хочу внести ясность! Бухта Радости всё-таки существует! При этом, ходили мы туда на катере из владивостокской зимы или нет, не важно! Важно то, что сработало (спасибо психологии), и немножко радости мы с женой получили.

Гораздо более важно, что есть Душа. Вот я и предлагаю поговорить сейчас об этом, я думаю – самое время...

Уважаемые мои читатели, я вовсе не применяю тут парадоксальный способ переключения внимания, ну, чтоб интереснее было. Кому-то, может, так показалось, но нет, это не тот случай. Просто всё, что происходит со мной, основано и определяется двумя базовыми понятиями – это Бог и Душа. Понятия эти, несомненно, настолько огромные, что обсудить всё невозможно в рамках моего произведения в целом, а тем более одной главы.

Я хочу, и надеюсь, что получится, только прикоснуться к ним, а тут – про Душу! Она живёт в каждом человеке вне зависимости от того, верит он в Её существование или нет.

Душа – это такая неизмеряемая Божественная субстанция, которая живёт вечно, и от осознания вот этого мне, например, очень хорошо. На другое я категорически не согласен, не греет. А вот слова некоторых людей о том, что жизнь конечна и одна, кажутся мне скучными и неубедительными. Так решил Бог, а я это чувствую, в это верю. Отчего, почему? Не знаю, по жизни!

Душа может прийти на планету под названием Земля в теле какого-нибудь строителя пирамид, например, или короля всех франков, пожить, получить полезный или не очень опыт и уйти.

Потом снова прийти, уже в другом теле и за новым опытом. И так сотни, тысячи, многие тысячи раз: от первобытства при динозаврах и ранних млекопитающих; через каменный и бронзовый века; внутри греков и римлян; китайских императоров и крестьян, буддийских монахов; с полным погружением в Средневековье и становление Киевской и Московской Руси – очень подробно, в переплетениях восемнадцатого-двадцатого веков.

Об этом всё знают даосы, буддисты и многие православные священники, а также знают-верят, подсознательно чувствуют миллионы людей, в это верю и я.

В этом месте, после десятка предложений, написанных выше, я вполне допускаю, что некоторые мои читатели сморщатся и с негодованием швырнут эту, нелёгкую в прямом и переносном смысле, книгу в урну. Ладно, хорошо – это их право. Менять убеждения не просто, знаю по себе.

При этом очень надеюсь, что большинство так не сделают, потому что либо тоже верят в моё вышесказанное, либо сомневаются, и любопытство перевешивает.

Спасибо вам всем, включая тех, кто зашвырнул.

Теперь предложение: тем, кто со мной, – насладитесь, а кто сомневается, – прислушайтесь к моей истории.

И ещё, может быть, даже некоторые из зашвырнувших пораскинут, поразмыслят, достанут и присоединятся к сомневающимся – я и им расскажу свою историю.

Итак – Душа! Я теперь точно знаю: надо слышать и слушать свою Душу. Получается – есть надежда, а нет – до свидания! Сначала любящее Её ведение за руку, потом вежливые и даже нежные намёки, дальше – подсказки, может быть, подталкивание, а уж коли со слухом проблемы и видится не так – лёгкие недомогания, а уж коли вообще не туда, вот тут – пинок, тяжесть которого определяется рецидивом.

Мне, честно говоря, не хочется даже рассматривать тот случай, когда всё время не туда и рецидив зашкаливает, – тогда всё, «костюмчик» придётся менять.

Но – это схема, только схема, даже часть схемы! Господь придумал наверняка всё гораздо сложнее, тоньше, сочнее и для людей непостижимо. Значит, и осознание схемы и части схемы тоже сильно помогает.

Вот смотрите, как у меня всё это. После сильного не туда и мощнейшего пинка за это стал прислушиваться. По маленькому шажочку, по крупинке и по зёрнышку, стиснув зубы, на ощупь, как по минному полю, но жизнь стала налаживаться. Пусть так, по чуть-чуть, косяков, видимо, много, ладно, ничего, хорошо.

Вот и получается, что бухта Радости стала одним из таких маленьких шажочков, подсказанных моей Душой.

А сейчас, уважаемые читатели, вас ждёт история про ещё один такой маленький шажок, маленький-премаленький.

Началась эта история в воскресенье, примерно два с небольшим месяца назад.

Хотя нет, пожалуй, даже на неделю раньше, да, действительно.

Итак, за неделю до того знакового воскресенья мою жену пригласили на мастер-класс по древней китайской даосской йоге для женщин, о чём она радостно мне и объявила.

Отмечу, что в тот момент позитивным это сообщение являлось только для неё. Это ведь тот временной отрезок моей биографии, который красноречиво описан в главе про жопу, помните?

Поэтому, услышав «радостную» новость про мастер-класс, во мне сразу сработала сигнализация сомнений в собственных силах. Но до ближайшего воскресенья ещё почти неделя, я на всякий случай разыграл мысленно негативный сценарий будущего, но дело ещё не скорое, и я благоразумно перешёл к решению повседневных проблем, связанных с нахождением в жопе.

В нашей человеческой реальности время, как известно, течёт только вперёд и довольно быстро, особенно на работе, и неминуемо пришло время «Ч».

Уже с самого утра меня сильно колбасит. Давление вроде нормальное, но общее беспокойство по поводу отъезда жены присутствует.

В голове всё время крутится уже известная моим читателям «бетономешалка» с кучей вопросов: «Как я тут буду один? Как минимум три часа, а может быть, и больше. Вдруг мне станет плохо? Закружится голова и поднимется давление. Помочь мне будет некому. А когда жена вернётся, она, возможно, найдёт моё уже холодное тело».

В связи с последней мыслью я даже придумываю ход: не закрывать дверь на ключ, чтобы оставить беспрепятственный доступ к телу.

И тут приходит спонтанная мысль, которую я тут же озвучиваю жене:

– А что если нам поехать вместе? Я тоже поучаствую в семинаре.

Следует немного удивлённый, но утвердительный ответ:

– Неужели тебе будет интересно заниматься йогой? Ладно, поедем!

Я сразу чуть успокаиваюсь на время, но тут же сомнение, волнение, а как я смогу выдержать такую сложную для себя поездку? А вдруг меня будет тошнить в автобусе? А вдруг у меня закружится голова во время семинара? Ну и дальше по известной схеме, а в самом конце – про холодное тело.

Я мысленно раскладываю всю поездку на составляющие и прощупываю подходы, как я буду справляться с каждой отдельной составляющей. Ладно, решим.

Непосредственно перед выходом из дома начинается довольно сильное волнение. Ещё не паническая атака, но почти. Когда вышли, пытаюсь с этим справиться, вспоминаю различные психологические штучки типа переименовать себя в кого-нибудь повеселее. Утром вот видел в окно прыгающую по дереву белку и сейчас решительно переименовываю себя так: «Я белка, весело прыгающая с ветки на ветку!» Повторяю несколько раз своё новое имя, пока идём от дома к остановке автобуса, а это примерно семь минут. Пришли. В целом хорошо, ждём.

Несколько машин пропускаем – другой маршрут. И тут моё тело «отработало», не справившись с невероятным напряжением, которое я ему подбросил. Скрутило так... ну, вы понимаете?!

Подходит маршрутка, жена в неё вынужденно садится, а я бреду с ускорением домой, на толчок.

Думаю: «Ладно, и хорошо. Вот пересажу на белоснежном керамическом друге, посмотрю телевизор, а потом решу: может, поеду в город за женой, а может, и нет».

Когда закончил отсидку, наваливается следующая атака страха. В теле всё сжимается, повышается давление. Очевидно, что не высижу один дома.

Встаю и обречённо бреду на остановку автобуса. Во время ходьбы немного успокаиваюсь и снова жду.

Но не тут-то было, после сорока минут ожидания (пробки же кругом) я понимаю, что на автобусе мне сегодня не уехать.

Снова иду домой и вызываю по телефону дежурную машину. Неудобно, конечно, в выходной, но ладно, придётся воспользоваться служебным положением: диспетчеру скажу, что на работе важные дела...

Ну, всё, подъехал к дому, где семинар, стучу, дверь не открывают.

Боже мой, что ещё? Что случилось, в чём проблема?

Но ведь, казалось бы, зачем волноваться? Я точно знаю, что жена за дверью, но организм подвёл и в этот раз – снова началась паническая атака. Выбора нет, кое-как справляюсь, и через полчаса открыли. Вхожу, мои мытарства наконец закончились.

Вижу жену и устало улыбаюсь ей, здороваюсь с преподавателем по йоге. Я так устал в тот момент от переживаний и страхов, что задаю ей единственно возможный, глупый вопрос:

– А для мужчин даосская йога подходит?

На это получаю единственно умный и деликатный ответ:

– Поскольку у мужчин тоже есть позвоночник, печень и селезёнка, то да!

Вот так экзотически я впервые знакоюсь с йогой. Позже, через две недели, забирая жену с занятий йогой, я спрашиваю у преподавателя о возможности позаниматься индивидуально, ну, для пробы. Ответ позитивный и лаконичный:

– Да, в среду, в тринадцать тридцать.

И вот свершилось. Я прихожу на первое индивидуальное занятие йогой. Оказывается, что даосские йоги занимаются, сидя на специальной подушке, набитой гречкой. Прикольно, но с непривычки очень болят и затекают колени. Первое занятие теоретическое, практика – позже.

Меня с самого начала поразило и в общем-то продолжает поражать и сейчас это духовное учение. Каждый раз с первого занятия меня не покидает ощущение приобщённости к чему-то многовековому, великому и по-народному простому. А ещё меня удивляет и одновременно радует реакция собственного тела. Оно, моё родное и единственное, совсем отвыкло от такого внимания, которое ему теперь уделяется. Мало того, им стали заниматься, причём регулярно.

Каждый раз перед занятиями йогой я слышу звучащие в ушах вопросы: «Неужели это серьёзно? Может, это опять только очередная оздоровительная кампания? Сколько я (тело) уже их проходило. Как пить дать, мой хозяин опять поиграет в эти игры и скоро бросит. Может, мне, то есть телу, тогда расслабиться и ему (хозяину) только подыграть чуть-чуть? Ну а потом будем с ним жить, как жили!»

Действительно, иногда во время занятий мне так жалко себя, хочется поддаться слабости и просто полежать. И ну их, может быть, надолго, эти занятия. Но нет. Держусь, не поддаюсь. Собираю тело и разум, как учат даосы, и еду на занятие.

Кроме разговоров, тело сигнализирует о своём удивлении скрипами, спазмами и болями в различных своих частях. Создаётся впечатление, что все внутренние органы постепенно приходят в движение. Часть из них только в «низком старте», а часть уже сорвались со своих при-

вычных, залежалых мест и с испугу подключаются к процессу. Мне остаётся только прислушиваться к таким подвижкам и относиться к ним с пониманием, приятием, а также надеждой на то, что все части моего ещё не изношенного тела выстроятся для пользы своего хозяина. А я за это возлюблю своё тело ещё больше, и продолжится у нас с ним долгая и счастливая жизнь в условиях взаимной любви и уважения. Ну вот вроде бы пока и всё, что я хочу сказать...

«Стоп-стоп! – возможно, вскричит кто-то из моих дотошных читателей. – Как это всё? Это что, конец? А при чём тут бабочка?»

Уважаемые, кто-то из моих читателей! Во-первых, то, что написано выше, – это не конец, а только начало, и, надеюсь, очень счастливое. А во-вторых, бабочка – это символ. Символ Души, которая бессмертна и которая, несмотря на мои сомнения и метания, всё же привела меня к такому замечательному и многообещающему началу.

НОВЫЙ ГОД

*Это мой первый опыт, а потому волнуюсь.
Плету слово за слово, часто, просто, а через
рифму – тушуюсь.
Но что же, делать нечего, и, помолясь, стараюсь...
Может, по мнению некоторых,
Слова, что белым стихом написаны, —
банальны, просты и от времени прокисли.
Но мне наплевать, что скажут
Те самые некоторые.
Слова не для них – для Тебя прописаны.
Не важно, что я говорю их Тебе на протяжении,
И по отдельности, и с выражением...
Но в сторону предисловия, ведь повторение —
Мать учения!
Так вот, Ты – Любовь моя, Муза, Звезда!
Маяк путеводный и Света стороны!
Ты светишь мне днём – Солнышком, а ночью –
Лунной иль фонариком!
И это точно не банальность, а правда и
объективная реальность!..
А теперь подпись: Я (не поэт покамест)!*

Посвящается моей жене

Впереди новогодние праздники. Через несколько дней люди Земли встречают новый, две тысячи двенадцатый год. Для меня Новый год, как, впрочем, наверное, и для многих людей моего поколения, безусловно, праздник номер два. Номер один – это день рождения, а вот номер два точно – Новый год.

У нас в России встреча Нового года – всегда некоторое подведение итогов, а уже потом, вторым тостом – выстраивание планов на будущее.

Вот и сейчас, перед началом года, мне не случайно захотелось вспомнить и положить на бумагу некоторые мысли по поводу того, как я встречал этот праздник в своей жизни.

Конечно, восторг и ожидание Нового года идёт из детства. Однако в целом детских воспоминаний на эту тему почему-то сохранилось немного. Пожалуй, только помнятся живые ёлки до потолка в углу большой комнаты нашей квартиры на Бойцовой улице. Все эти ёлки смешались у меня в памяти в одну. На ней, кроме ёлочных игрушек, которые и сейчас ещё живы, родители развешивают на верёвочках конфеты и дефицитные мандарины. Эти ёлки ещё ассоциируются с легендарным чёрно-белым фильмом «Четыре танкиста и собака», который неизменно показывают в школьные каникулы. А ещё – с радиопередачей «Пионерская зорька».

Новогодние каникулы бесконечно длинные, ведь я целыми днями один. Сначала скучно, тяжело и даже временами страшновато (об этом потом). Но со временем я привыкаю, учусь сам себя развлекать. Я читаю, играю, просто думаю и мечтаю, мне одному становится даже спокойно.

Ещё помню новогодние представления в различных домах культуры или концертных залах, куда меня довольно часто водят родители. Всё это обозначается ёмким словом «ёлки». Наиболее запоминающимися «ёлками» являются представления в Колонном зале Дома сою-

зов, ледовые представления в «Лужниках», ну и конечно, много позже – в Кремлевском дворце съездов.

Удивительно, все перечисленные мероприятия тоже смешались и спрессовались в один радостный и светлый массив. Видимо, таково свойство моей памяти, но от этого мои детские новогодние воспоминания не стали менее значимыми и радостными.

А сейчас хотелось бы повспоминать события уже из зрелого возраста. Так сложилось, что для меня по-настоящему зрелый возраст начался в тот день, когда, в полном соответствии с замечательным анекдотом, судьба догнала меня и затащила в ЗАГС: в пять часов вечера, в начале ноября, в проливной дождь.

Мой уважаемый читатель может спросить, а какое отношение имеет свадьба автора к Новому году? Что, свадьба в Новый год? Нет, не в Новый год, но имеет самое непосредственное. Новый год для меня, как, впрочем, и для многих моих читателей, – это семейный праздник. Поэтому без краткого воспоминания о собственной женитьбе рассказ о новогодних праздниках будет неполным.

Ещё важно, что на момент свадьбы мне исполнилось восемнадцать лет, поэтому считаю необходимым в этой главе привести некоторые разъяснения и соображения по этому поводу.

Действительно, жениться, да и выйти замуж, так рано, ведь моей юной и ослепительно красивой избраннице тоже стукнуло только восемнадцать, тогда, в наше время, было событием неординарным. Причин для того, чтобы это свершилось, как минимум две. Первая по порядку, но не по значимости – осознание мною того факта, что я очень рано обзаведусь семьёй. Не знаю почему, но уверенность в этом появилась во мне действительно очень рано, где-то с пятнадцати-шестнадцати лет. Я даже проговариваю несколько раз это на разных тусовках со своими школьными друзьями. Такие мои заявления неизменно вызывают дружный смех у одноклассников по понятным причинам. Но я не обижаюсь и не спорю, для меня всё очевидно и решено. Мало того, именно в те времена я уже стал подбирать себе вторую половину. Как потом оказалось, недолго. Вторая по порядку, но, без всякого сомнения, первая по значимости причина моей ранней женитьбы – любовь. Да-да. Я бесконечно благодарен Господу за то невероятное чувство, которое Он даровал мне возможность испытать. Я очень сильно люблю свою юную невесту. Душа поёт, постоянно хочется кружиться в вальсе от переполняющего чувства.

При этом мой уважаемый читатель может себе только представить, какое нужно было иметь терпение, такт и приятие нашим родителям, чтобы без конфликтов пройти через ту ситуацию, которую им преподнесли их взрослеющие отпрыски. За это им низкий поклон и уважение.

Ну так вот, зрелость моя наступила. Семья – ячейка социалистического общества – создана. Тем самым в новогоднюю ночь после женитьбы и начался отсчёт новогодних праздников, проведённых мною в кругу собственной семьи.

Эти первые наши совместные праздники совпали со студенческими каникулами, а проводим их мы втроём с ныне покойной тётцей на даче, в глухом тогда северо-восточном углу Московской области. Мы с женой катаемся на лыжах в лесу, на санках по нашей крутой улице, играем в снежки. Как сейчас помню раскрасневшиеся на морозе щёчки моей молодой теперь уже супруги, от вида которых у меня захватывает дух. А потому в моменты отсутствия тётки дома (за что ей большое спасибо) мы наслаждаемся друг другом. Мы молоды, счастливы и полны планов на будущую жизнь.

Планы. Планы. Ещё хороший анекдот к месту: «Если хочешь рассмешить Господа – расскажи ему о своих планах». Вот и у нас получилось так, что через два года мы встречаем Новый год тоже втроём, но на этот раз с новорождённой дочкой. Помню, что в ту новогоднюю ночь супруга заснула, сидя во время кормления грудью, а я под бой курантов раскладывал потом своих дорогих женщин по кроваткам.

Таким образом, моя семья превратилась в полноценную ячейку из трёх человек, а дни, месяцы и годы понеслись сначала рысью, а потом галопом, в полном соответствии с расхожими афоризмами, но не всегда – с выстроенными планами.

Именно так в нашей семье появился четвёртый член ячейки: через три с половиной года, в июне, на Троицу – родился сынишка, а мы невероятно рады его приходу.

В первую свою новогоднюю ночь наш мальчик проснулся и больше не дал нам спать ни в эту, ни в последующие ночи. Мы не ропщем, мы счастливые родители, а наша жизнь продолжила галопировать в сторону конца застоя и перестройки.

Новогодние праздники мы встречаем дома или на даче, очень редко вне дома. Как правило, это скромные застолья, на которых неизменно присутствуют и таращат глаза в ожидании Деда Мороза двое наших малолетних отпрысков. Потом их укладываем спать, а подарки под искусственную ёлку Дед Мороз приносит только под утро.

Так завершается перестройка, начинаются девяностые годы, по телевизору показывают боязливый ГКЧП и балет «Лебединое озеро», приказывает долго жить Советский Союз, а в феврале этого же года у нас рождается ещё мальчик – пятый член семьи.

Наперёд хочу сказать и сразу сориентировать читателя: следующее увеличение численности моей семьи произойдёт не раньше чем через шестнадцать лет с рождением внуков.

А тогда через год я встречаю праздник отдельно от семьи, пожалуй, первый раз. Причина уважительная – я подался на заработки в Китай.

Помните, эти годы одни из самых тяжёлых в стране. Плохо с едой, зарплаты не успевают за ценами. Мне предлагают поездку в Китай на сорок с лишним дней. Выгодно по тем временам, и на семейном совете мы решаем: ехать. Описывать эту поездку не буду, скажу лишь только, что я действительно заработал денег, на которые накопил много всякого нужного барахла, а следующим летом мы провели газ и отопление на даче. Во время командировки я только смог отослать семье телеграмму – поздравление с Новым годом.

Следующие несколько лет мы проживаем непросто, как и вся страна, но счастливо. Я покупаю в дни зарплаты батончик «Сникерса», который мы делим на пять равных частей. Яблоки скармливаем детям, а кожу от них едим сами. В один из новогодних праздников у нас накрыт шикарный стол, на котором в том числе красуется торт из батона белого хлеба, промазанный малиновым вареньем и взбитым белком. Но вот удивительно – это не мешает нам быть радостными и счастливыми.

Все материальные трудности в результате преодолены, закончился двадцатый век, наступил и всячески накручивает года век двадцать первый.

Мы продолжаем вместе встречать Новый год, правда, всё чаще и чаще старшие дети откалываются и встречают его в своих компаниях.

А потом в нашей семье появился первый внучек и чуть позже второй, и меня и мою ослепительно красивую, но уже немного повзрослевшую супругу занесло во Владивосток.

И вот сегодня, в ночь, пока не наступил новый, мы сидим за столом и вспоминаем, что принёс нам год уходящий. А дал он нам возможность познакомиться с этим прекрасным городом, расположенным на берегу самого большого океана, великолепной природой края. Он предоставил нам возможность познакомиться с прекрасными людьми, которые стали нашими друзьями. Этот год предоставил лично мне возможность притормозить и задуматься о том, кто я есть на самом деле. Он вернул мне творчество.

А впереди самый загадочный и таинственный год: телевизор и газеты говорят про конец света – от индейцев майя и что-то там ещё. Что принесёт грядущий год нам, посмотрим, а может, попробуем сами себе наколдовать что-нибудь хорошее.

А сегодня... а сегодня наш стол опять скромный, но не от бедности, а потому, что это не главное, да и для здоровья полезнее. Главное сегодня то, что мы по-прежнему вместе, и у меня,

как и тридцать с лишним лет назад, захватывает дух от вида покрасневшихся на морозе щёчек моей жены. А раз так, то с Божьей помощью всё впереди будет хорошо.

Мой город на берегу самого большого океана

*Есть на карте город дальний
Среди сопок и морей,
Словно теремок хрустальный,
Светит тысячей огней.
Он встречает криком чаек
И гудками кораблей,
Город голубых туманов,
Город давних детских дней.
Там дома, как великаны,
Подпирают облака.
И глядят, как в море спорит
С ветром пенная волна.
На зеркальной глади моря
Отражается луна.
Тихо-тихо... гаснут звёзды...
Город снял оковы сна.
Вот проснулся город ранний.
Спит Москва, и спит Ростов.
С добрым утром, город славный! —
Город-порт Владивосток.*

Лариса Рыбникова

Мой город зовётся Владивосток, от словосочетания «Владей Востоком». Вот так, не больше и не меньше.

Вообще-то я москвич, в Москве жили и живут все мои родственники до прабабушек и прадедушек. Я люблю Москву, о её предательстве даже речи не идёт. Просто в данный момент я во Владивостоке, и именно сейчас – это мой город.

У каждого города есть характер. И у моего города он, конечно, тоже есть. Его характер невозможно описать одним словом и даже одним предложением. Попробую расписать.

Ну, во-первых – это точно не уездный-провинциальный и даже не губернский город. Это точно дальневосточная столица России. По крайней мере, сам город так себя позиционирует. Я с этим определением абсолютно согласен, но только с важной оговоркой. Он, безусловно, станет таковым в самое ближайшее время, только над этим ещё надо изрядно потрудиться, в том числе и мне.

Во-вторых – это город очень основательный и гордый. Своей историей, своими военными и морскими традициями. Я уже успел с ними немного познакомиться, но не это главное, а то, что именно традиции и дух города дают основание не сомневаться, что дальневосточная столица России состоится именно на берегах залива Петра Великого.

Так, с основными чертами характера разобрались. Но, как известно, всё великое – в нюансах, поэтому именно в нюансах характера города будем разбираться.

Главное, что тоже определяет его характер, – конечно, люди, которые в нём живут и создают его, а они тут замечательные. Это стало очевидным практически сразу, а пожив уже тут, понял про людей этого города гораздо больше. Во-первых, люди в большинстве своём хорошо образованны. Очень высок интеллектуальный потенциал города. Большое количество учебных заведений разного уровня сделали своё дело. А ещё не случайно решение создать федеральный университет именно тут, на острове Русский. Во-вторых, и это, наверное, глав-

ное, – открытость, доброта и отзывчивость людей. Это подкупает сразу. Они очень хотят помочь, они креативны и изобретательны. Правда, в самом начале общения присутствует некоторая настороженность и ощущение, что тебя изучают и оценивают: «Ну-ну, посмотрим, чего стоят эти москвичи. Что от них ждать?» Справедливости ради надо признать, что эта напряжёнка быстро прошла. К счастью, сохранились конструктив и взаимное творчество.

Темп города, конечно, не московский, но надо отдать должное людям, они быстро переобучаются и по качеству и количеству труда могут посоперничать со столицей.

Правда, одно «но» всё же есть, и это заметно. Когда имеешь дело с каждым в отдельности, всё замечательно, но когда жители города собираются в группы больше трёх, чаще всего начинается нытьё, типа: «Всё плохо. А будет ещё хуже. И ничего из этого всё равно не получится!..» Далее в текст можно подставить любую фразу из нижеприведённых: мост, строящийся с разных берегов, не сойдётся посередине; если сойдётся, то обязательно рухнет при эксплуатации; новая дорога из-за того, что разворованы деньги, построена наспех и неправильно и тоже разрушится сразу; и так далее, и так далее.

Но тут требуются разъяснения. Мне кажется, что всё это потому, что у людей этого прекрасного города нет или очень мало позитивного опыта. Действительно, вся страна уже давно рванула из кризиса девяностых годов в динамичное и позитивное развитие. Оказывается, вся, но без своих отдалённых регионов. Их просто забыли. Забыли и мой город, в котором я живу и который расположен на берегу самого большого океана.

Забыли и побросали, когда отсюда уходили армия и флот. Забыли, когда много лет регионом правили по понятиям, а не по закону. Забыли, когда взлетели цены на авиабилеты, и люди очень отчётливо почувствовали всю пронзительность и глубину их отрыва от центральных регионов страны.

Слава богу, всё это давно позади, город развивается и хорошеет на глазах, но людям ещё пока трудно преодолеть чувство страха, одиночества и брошенности. Для того чтобы уйти от этого, надо потрудиться, в том числе самим людям моего города. Один из путей тут – всяческое культивирование в себе чувства радости, а спасёт – юмор, который, безусловно, есть в моём городе.

Ещё одна очаровательная мелочь. Меня как москвича часто безошибочно идентифицируют в магазинах или на улице по манере и особенности речи – аканье выдаёт. Но и тут у них есть свои особенности. Например, очень мило, если они соглашаются с чем-то, то всегда говорят: «Ага-ага». Причём очень чётко и с ударением произнося букву «г». Так говорят практически все поголовно – это отличительная черта местного наречия.

Внешний вид и архитектура города, конечно, тоже влияют на его характер. Внешне мой город не похож ни на один город России и мира. Его специфику определяет природа этих мест и, конечно, в первую очередь присутствие моря, огромного массива воды самого большого в мире Тихого океана. Я был во многих городах, расположенных у моря, – в Санкт-Петербурге, в Калининграде, Сочи, Амстердаме, Роттердаме и Гааге, Ванкувере, Пусане и Даляне, Брисбене и Кернсе. Ничего похожего на мой город я не встречал.

Город расположен на огромном полуострове, который с востока омывает замерзающий зимой, относительно мелководный, малосолёный и неширокий Амурский залив. С запада – огромный, незаметно переходящий в Японское море, незамерзающий Уссурийский залив.

Безусловным центром и доминантой города является необыкновенно красивый залив – бухта Золотой Рог. С высоты эта бухта действительно похожа на большой рог буйвола. Ещё более красивой эту бухту делает мост, который растёт двумя крыльями пролётов навстречу друг другу с противоположных берегов. Эта бухта с самого момента освоения этих земель выполняла роль тихого пристанища кораблей. И сейчас это в основном порт, место стоянки флагмана военно-морского флота, а также место сосредоточения всякой другой важной морской инфраструктуры.

От берегов бухты вверх по сопкам начинает расти город. Сопки, сопки – они везде. Если Москва – город, расположенный на семи холмах, то мой город стоит на семидесяти семи, а может, и больше.

В целом в городе большая проблема найти хотя бы относительно горизонтальный участок местности. Всё сплошные подъёмы и спуски, причём часто с очень большой градусностью. Крутизна – это, конечно, очень красиво, но она же становится большой проблемой зимой. Дороги сейчас почти не чистят, и передвигаться по сопкам по льду и снегу на неполноприводных автомобилях невозможно. А каково женщинам на каблуках? Но ведь ходят, и как изящно.

В центре города много зданий, построенных в конце девятнадцатого или в начале двадцатого века. Эти здания, безусловно, украшают город. Но все остальные постройки советских времён часто «разбивают» архитектурную целостность города. А ещё если к этому разнообразию добавить многочисленные частные дома, в том числе имеющие вид полуразвалившихся хибар, то облик города приобретает эклектичный и, я бы сказал, безалаберный вид.

Всё это дополняется ещё разбитыми дорогами и дворами, часто имеющими вид местности, на которой давно прошли боевые действия. А люди, живущие в этих дворах, смирились с таким видом и терпеливо перепрыгивают через воронки от взрывов, перешагивают через траншеи первой линии обороны и переходят вброд залитые водой и заваленные разбитой бронетехникой противотанковые рвы.

Над этой проблемой работают, что займёт, может быть, не один десяток лет, но выбора нет – столице Дальнего Востока нужны лоск и архитектурно-фасадная определённость.

Ещё в городе удивительно мало зелени. Говорят, всё дело в сильных ветрах, которые мешают озеленению и созданию парковых зон. Не знаю, но надо с этим тоже что-то делать: летом в городе тяжело дышится.

Безусловным украшением города скоро станет остров Русский, строящийся университет на нём и огромный мост через пролив Босфор Восточный.

Теперь о дорогах, машинах и людях на дорогах. Это, конечно, важнейшая составляющая, которая тоже определяет характер города. Конечно, люди в России стали жить лучше, у многих в семье есть автомобиль и не один. Но в моём городе дороги, автомобили и автомобильная культура – это что-то особенное. Я уже писал о том, что Владивосток – одна большая стройка и одна большая пробка. В городе невероятное количество автомобилей. Мне приводили цифры: оказывается, город занимает одно из первых мест по количеству автомобилей на душу. В основном преобладают японские огромные, праворульные, полноприводные кони. Почему? Становится понятным почти сразу, как поездишь по ужасным, разбитым дорогам и крутым сопкам, покрытым зимой неубранным снегом и льдом. И ещё. Большой привет тем, кто проектировал когда-то город. В него ведёт только одна дорога. Я, как автомобилист с тридцатилетним стажем, задаю вопрос: «Как это вообще возможно?» И это основная причина пробок.

Конечно, сейчас дороги ремонтируют. Построена ещё одна великолепная объездная дорога. Вот-вот будет достроен мост через бухту Золотой Рог. Всё это, конечно, положительно скажется на движении.

Но всё равно безалаберность на дорогах моего города ещё присутствует. На каждом шагу, в том числе и на центральных улицах, разрешены левые повороты. Это создаёт хаос и приводит к большому количеству мелких аварий. Результат известен: город встаёт моментально.

Очень мало регулируемых перекрёстков, а водители, как и везде у нас в России, мало обращают внимания на знаки.

Кстати, водители. Вот они и культура вождения – впечатляют. Я такого не встречал нигде в России. На дорогах все уступают друг другу. С лёгкостью, приятием и без упоминания мелкого рогатого скота. И ещё всегда пропускают пешеходов, даже нарушающих.

Супер! Молодцы, но даже это всё равно не спасает от неразберихи на дорогах.

Вот вам пример. Сегодня, когда после большого совещания вечером я еду домой, мы сразу упираемся в непролазную пробку, традиционную для города в часы пик. Такая пробка, в соответствии с большим опытом, предвещает как минимум часовое переползание-толкание до дома. И вдруг я слышу звук сирен и проблескивание мигалок нескольких полицейских машин. Мой водитель сворачивает вправо с крайнего ряда и пропускает кортеж из трёх чёрных джипов. Я тут вспоминаю: в городе сейчас находится один из федеральных министров, и это, видимо, его эскортируют в аэропорт. Водитель с озорной улыбкой смотрит на меня в зеркало заднего вида и спрашивает: «Можно?» Я сразу всё понимаю, вспоминаю, что мы тоже едем на чёрном «Лексусе» с «красивыми» номерами, и согласно киваю.

Водитель моментально реагирует, и уже через три секунды мы несёмся в сторону моего дома в кортеже министра. Смотрите: не за скорой помощью или пожарной машиной, причём не обращая внимания на знаки и разметку.

В результате такого маневра до дома я добрался за пятнадцать минут. Но это ещё не всё. Тут важно отметить, что во время нашего такого скоростного пути моему водителю стоит огромных усилий не пустить впереди себя ещё несколько десятков таких же «умельцев». Город-то богатый. Больших чёрных машин в нём много, и все хотят. Они, кстати, пристраивались сзади, а кортеж министра моментально вырос до нескольких десятков машин.

Читатель тут законно может спросить: «А где полиция?» Ответ у меня простой: «Где-где, в Караганде!» Не знаю, в каком городе такое ещё возможно, а в моём городе возможно. Вот...

Пока, наверное, достаточно. Я уже говорил, что не претендую в этом тексте на исчерпывающий анализ. Пожалуй, у меня получился некий срез, а пока мне кажется, что у нас с моим городом началось очень тёплое взаимное чувство. Я бы сказал, даже любовь, не с первого взгляда, но сильная...

Уважаемые читатели, этот текст написан около шести лет назад. Справедливости ради надо сказать, что мой город уже сильно изменился к лучшему. Достроили все мосты, и они сошлись, новые дороги сильно разгрузили город. Всех очень радует остров Русский, университет, океанариум. Путь к столице Дальнего Востока сильно сократился, но ленточка на финише далеко впереди.

Прошёл ещё год. Есть, всё – Владивосток столица.

Приморская пленница

Заканчиваются новогодние праздники. Вчера было Рождество Христово, которое мы с женой провели в спокойствии и вдохновении. Весь день у маленькой иконы Богородицы с младенцем горела свеча. Хорошо, свободно.

Сегодня вспомнились события прошлогодней давности, когда мы с друзьями из Уссурийска ездили в село Спасское, что под Спасском-Дальним. Там питомник одного из институтов Академии наук, в котором в естественных, природных условиях содержат и изучают самую большую кошку Земли – амурского тигра.

Встали мы в тот день рано, поскольку дорога обещала быть очень долгой. Водитель сказал, что до места всего двести или двести пятьдесят километров, но из-за выпавшего несколько дней назад снега ехать придётся медленно.

От нашего дома сначала едем в сторону аэропорта, а потом сворачиваем в сторону города Уссурийска.

Тут подхватываем своих друзей и теперь уже компанией из четырёх человек двигаем в сторону тигров по необыкновенно красивой дороге.

При этом ещё раз отмечаем, не сговариваясь, значительное отличие Уссурийска от нашего города. После холмистого и сопочного Владивостока второй по величине город Приморского края смотрится необыкновенно плоским, маленьким, но очень милым.

Во время нашего небыстрого движения белоснежные поля сменяются сопками и лесами, на деревьях лежат шапки белого, искрящегося на солнце снега. На фоне этого белоснежного великолепия контрастируют огромные чёрные вороны, которые, сменяя друг друга, реют с обеих сторон дороги вдоль нашего движения, словно эскортируют.

В Спасске-Дальнем мы обедаем и примерно через час подъезжаем к тигровому питомнику. Это территория в несколько квадратных километров, надёжно окружённая несколькими рядами заборов и колючей проволокой, через которую пропущен ток. Животные, а тут не только тигры, но и медведи, копытные, мелкие обитатели края, хорошо знают о жалящих проводах и не предпринимают попыток к бегству.

Самый крупный по размеру загон отдан в полное и свободное владение тиграм. Дикая копытные животные в том числе предназначены для корма тиграм. Хищники ведь не должны забывать охотничьи инстинкты.

Нас встречают хозяева, местные жители и одновременно научные сотрудники этого питомника – муж и жена Юдины (привожу тут их подлинную фамилию, честь и хвала этим людям за их сподвижничество), немолодые уже люди, но необыкновенно светлые, наверное, от постоянного общения с природой.

Мы много говорим, осматриваем питомник. Гималайские мишки сейчас в спячке, и их посмотреть не удаётся.

Но это не важно, мы увидели то, за чем приехали, – тигров. В питомнике сейчас живут тигрица и её полуторогодовалый отпрыск, огромный тигр вполне взрослого вида. Отец их семейства несколько месяцев назад умер, как говорят, от старости.

Нам очень везёт: мы наблюдаем довольно редкую картину. Оба хозяина тайги охотно вышли из глубины леса и всячески демонстрируют себя, за что были одарены несколькими огромными кусками медвежатины (оказывается, несколько дней назад браконьеры подстрелили мишку, и лесники привезли изъятое мясо тиграм). Особенно свободно чувствует себя молодой тигр. Он ходит кругами в непосредственной близости от нас, смачно метит территорию, с удовольствием валяется в снегу, демонстрируя нам себя.

Тигрица показывается менее охотно, но всё же периодически выходит и испускает не очень дружелюбные рыки в нашу сторону.

Мы дружно решаем, что не зря сюда приехали, фотоаппарат стрекочет не переставая. Самодемонстрация продолжается около полутора часов, после чего оба тигра сразу уходят и больше не соизволят показываться.

Здорово. Сейчас пишу эти строки и сам себе завидую – как всё здорово прошло, такое ведь не часто увидишь.

Мы горячо прощаемся с хозяевами, они дарят мне свою монографию – многолетний труд, посвящённый изучению, разведению и возвращению в живую природу этих великолепных животных.

Дорога назад менее интересна и потому более утомительна. Где-то на середине пути решаем заехать поужинать в ресторан, стилизованный под охотничий домик. По случаю прошедшего новогоднего праздника ужин сопровождается несколькими рюмочками холодной водки, а потому дальнейшая дорога проходит в тишине, тепле и полудрёме.

И вот в какой-то момент – то ли во сне, то ли наяву – мне вспомнилась следующая картинка из детства.

Как-то раз мама и папа спрашивают меня: «Может, пойдём в кино, на “Кавказскую пленницу”»? Фильм вышел на экраны Советского Союза как раз тогда, когда я учусь в первом классе. Мы с папой и мамой иногда ходим в кино, в основном на популярные тогда индийские фильмы. Смутно помню какую-то картину с песнями и танцами, перепутанными близнецами или потерянным ребёнком. Женщины, в том числе мама, плачут, выходя из зала.

Согласившись пойти в кино, я всё же поклянчил чуть-чуть: «А может, мы пойдём лучше на “Фантомаса”?» Этот фильм тоже только вышел на экраны, и все в нашем классе уже посмотрели его. Разговоров вокруг этого фильма много. Говорят, что очень интересно, но страшно. Именно последнее обстоятельство стало основной причиной, почему мы пошли всё же на «Кавказскую пленницу».

Фильм понравился очень, невероятно смешно, но два обстоятельства сильно взволновали мою детскую душу. Это ощущение несвободы и сопереживания пленнице. Я даже физически чувствую всю несправедливость этих моментов. А ещё под конец, во время сцен мести товарищу Саахову, – очень страшно, и я отворачиваюсь от экрана. Но всё это не испортило общего хорошего впечатления от фильма, и после просмотра я, счастливый, иду домой из кинотеатра «Янтарь», за руку с мамой и папой.

Кстати, фильм про Фантомаса я посмотрел много позже, уже в пионерском лагере, и в общем-то ничего страшного в нём не обнаружил.

Машину трянуло, и я открыл глаза. Ах да, дорогу ремонтируют. Какая милая детская история мне привиделась!

В Уссурийске мы попрощались со своими попутчиками и на центральной площади города посмотрели сказочно красивые ледовые фигуры, подготовленные китайскими художниками в канун китайского Нового года.

От той поездки сохранились самые добрые воспоминания, но, как потом оказалось, это была ещё не вся история.

Где-то осенью, вроде в конце сентября прошлого года, по местному телеканалу объявили, что из питомника сбежала тигрица. Я попросил выяснить: та или не та. Ответ пришёл очень быстро – та.

Вот оно что! Вот почему тогда меня зацепили её грустные глаза! А может, мне это только показалось? Возможно, она уже тогда задумала побег и всё же сбежала за свободой и новой любовью.

Надо же, и тогдашние детские воспоминания про пленницу и её физическую несвободу оказались, что называется, в руку.

Я не знаю, отловили тигрицу или нет, да это и не важно. Важно, что хоть на время она обрела свободу.

Вот такая история, и красивая и немного грустная одновременно.

Подумалось: «А что такое свобода для человека?» Не внешняя свобода, которой лишают человека, например, размещая в местах не столь отдалённых, а внутренняя, может быть, духовная свобода. Что означает это понятие для меня, человека взрослого, самостоятельного и внешне свободного? А ведь вопрос! И ответ на такой вопрос требует размышлений.

Пожалуй, сейчас, для начала, я могу только определить, что такое внутренняя несвобода для меня. Я, уважаемые читатели, уже упоминал как-то про состояние «Жертвы», в которое человек (то есть я) часто ставит себя самого, – это и есть, безусловно, наша несвобода.

Вот смотрите: наши зашоренности, зависимости, деньги в малом или в очень большом количестве, наши хотелки или нехотелки, безусловно, не прибавляют нам свободы. Наши болезни и страхи тоже важные атрибуты несвободы. Ну и конечно, до кучи надо припомнить главный наш страх, делающий нас, человек, несвободными, – это страх смерти.

Возможно ли человеку достичь состояния полной свободы? Думаю, да. Достигну ли я этого состояния? Хочу надеяться, что да. Я выбираю этот путь – путь Любви, Свободы и Радости, а дорогу, как известно, осилит идущий.

Надо же, а всё из-за истории про пленницу...

Улицы

*Есть у нас в районе Молдаванки
Улица обычная, друзья,
Старенькие дворники
подметают дворники,
Чтоб сияла улица моя.
Улица, улица, улица родная,
Мясоедовская улица моя...*

Народная песня

Десятая улица, дом десять – это адрес, по которому мы живём сейчас во Владивостоке. Тут почти курортное место, всё летом утопает в зелени: сосны, дубы, клёны. Рядом Ботанический сад Академии наук, сюда ходим гулять через дырку в заборе.

В пятистах метрах от нашего дома – Амурский залив, который сейчас покрыт полуметровым льдом. Десятая улица – прекрасное место, тут очень хорошо и спокойно.

Мне нетрудно подсчитать: Десятая – это всего третья по счёту улица, где я живу за свои пятьдесят с лишним лет. Не думаю, что это о чём-то говорит и меня характеризует. Просто так сложилось: я только дважды менял своё место жительства. Вот сейчас и тридцать лет назад, когда женился.

Я сразу переехал в квартиру к своей жене, в дом на улице Архитектора Власова. Я, кстати, не знаю, что такого замечательного построил архитектор Власов и почему был удостоен стать улицей. Важнее, что она уже более сорока лет является моей родной улицей. Тут я живу с женой, здесь же родились мои дети.

Но сегодня поговорим не о Власове, а, пожалуй, о более дорогой для меня – Бойцовой улице. Дорогой потому, что на ней я прожил восемнадцать лет с младенчества до свадьбы (помните, да?). Расположена она неподалёку от Преображенки и реки Яузы, где зарождалась Петровская императорская гвардия. Улица эта для меня не похожа ни на одну другую улицу Москвы. По её центральной линии разбит сквер, засаженный молоденькими липками, а по «берегам» стоят новенькие, только что выстроенные блочные пятиэтажки. Начинается она от кинотеатра «Янтарь» и от Горки и упирается в часток кол бараков с земляными полами и обширными пустырями за ними.

Так было в самом начале – это сохранено в детских архивах моей к памяти. Позднее сквер уже утопает в зелени, а сама улица, стерев с лица земли бараки и пустыри, вытягивается более чем в два раза до самого универсама образца конца семидесятых годов.

К тридцатилетию Великой победы Бойцовую улицу переименовывают в бульвар Маршала Рокоссовского, но для меня она всё равно Бойцовая. На ней стоит дом, где я живу с папой, мамой и бабушкой Полей.

Поля! – родной мой человечек. Она строгая бабушка, но я всё равно всегда чувствовал её любовь.

Ушла из жизни она рано. Я первоклашка, в этот день сижу на уроке, и вдруг вижу тётю Олю – двоюродную бабушку по папиной линии, она неожиданно забирает меня из школы. Мы выходим на улицу, ранняя осень, я пострижен под полубокс, в серой школьной форме с октябрятским значком, в руках маленький чёрный портфельчик, в голове звучит радостное удивление оттого, что меня забрали так рано. Но вдруг слышу Олины тихие слова о смерти и сразу чувствую нахлынувшую обиду, горечь, пронзительное одиночество. Градом текут слёзы,

но я же мальчик – плакать нехорошо, отворачиваюсь и упираюсь в школьную стену – никто не должен видеть моей слабости.

Смутно помню похороны и поминки, на которых зачем-то всем рассказывали про мои скупые мужские слёзы.

А потом... удивительно, мои уважаемые читатели, меня очень долго не оставляет ощущение, что бабушка не умерла. Нет-нет, я уверен, она не умерла, только уехала ненадолго. Часто на улице или в метро я узнаю её. Я уверен в этом, но мама и папа, естественно, разубеждают меня в этом. Но я всё равно знаю – бабушка не умерла. Она часто приходит ко мне во сне. Я помню эти сны: раздаётся звонок в дверь, я бегу смотреть, кто пришёл, и вижу улыбающееся лицо бабушки. Я говорю ей: «Ты же умерла?!» А она отвечает: «Нет, что ты, Андрюшенька! Я только уезжала погостить в деревню. Я всегда буду с тобой». Безмерное счастье наполняет меня от таких слов. Потом я просыпаюсь и тихонечко плачу, чтобы никто не видел. Эти повторяющиеся сны я вижу несколько лет, они потом прекращаются, но бабушка всё равно остаётся со мной ещё долго.

После бабушкиной смерти маленькая комната переходит в полное моё владение. Но я, впрочем, уже писал об этом, когда проводил экскурсию по своей квартире. Одна её важная достопримечательность, ещё не описанная пока, – это санузел. Он знаменит в нашей семье тем, что именно в нём мама как-то случайно закрыла меня и ушла на работу.

Дело происходит так. Я учусь в начальной школе, но сижу дома из-за болезни. Вообще, туалет для меня ещё одно важное тусовочное место. Там можно под видом заботы о здоровье поиграть в машинки, почитать, скрыться на неопределённое время от игры на пианино или просто помечтать.

И вот в то утро, насидевшись на толчке и намечтавшись, я кричу: «Мам, принеси бумагу, пож!» Через минуту дверь открывается, и мамина рука в образовавшуюся щёлку просовывает небольшую пачку заботливо нарванной на мерные кусочки газетной бумаги. Для своих молодых читателей тут уточню: туалетная бумага в нашем нынешнем понимании в моё детское время в советских магазинах не продавалась.

Беру бумагу мне по одному листочку для мягкости и слышу: «Андрей, я позвоню. Полоскание на столе, обед в термосе», – и сразу характерный звук захлопывающейся входной двери.

Всё, мама ушла, и я опять целый день один. Но ладно, ничего, я уже привык всегда быть один. Посидел ещё немного, воспользовался (как учили) скомканной бумагой и взялся за ручку двери. Оп-па, закрыто. Подёргал и ещё подёргал – закрыто! Понятно! Мама машинально повернула задвижку с той стороны.

Ну и что, ладно: ни удивления, ни страха, ни паники. Закрыли и закрыли. Конечно, можно разбить окно в кухню и вылезти, но зачем? Какая разница, где быть одному. Так я и просидел весь день в туалете: играл в машинку, из неиспользованных газетных листочков делал кораблики и пускал их в ванной, считая количество раз до полного намокания и потопления. А потом в глубине квартиры засигналил безответный телефон, звонила и стучала во входную дверь соседка, подосланная встревоженной мамой. А когда начало темнеть, мама сама приехала, отпросившись с работы для моего спасения. Сколько смеха было потом, а папа вечером безвозвратно отковырял наружную задвижку.

В семейном альбоме есть фотография, на которой я сижу в большой комнате нашего дома с блестящим полом и играю на пианино. Этот инструмент – отдельная история. У папы как творческого человека есть вполне понятное отцовское стремление – воспитать из меня музыканта.

Для этого много делается: семь лет занятий у консерваторского преподавателя в доме напротив, попытки поступить меня в музыкальную школу. Результат нулевой: я отсиживаюсь в туалете, под всевозможными предложениями отлыниваю от занятий, занимаюсь из-под палки, одним словом, мука.

Нет-нет, музыку я понимаю и люблю, включая классическую, даже вроде слух есть, но извлекать музыку из себя не хочу совсем. Всё заканчивается тем, что однажды вечером, когда я уже лёг спать, папа кричит из большой комнаты: «Андрей, ты занимался сегодня на пианино?» Я бодро отвечаю: «Конечно! А как же!» – и тут же получаю очень мягкую и вежливую просьбу: «А сыграй нам с мамой!»

Не заметив подвоха, я вскакиваю и прямо в трусах подхожу к пианино. Оп-па, а крышка у пианино закрыта на ключ!.. Понятно, да?

До ремня тогда не доходит, всё-таки у меня современные и интеллигентные родители, но разговор состоялся серьёзный.

Ещё примерно месяц я проверяю каждый день, закрыто ли пианино, а потом родители жалеваются надо мной. Музыкантом я не стал, а пианино было продано, правда, только перед моей женитьбой.

Пока всё с квартирой, и теперь на улицу.

Я очень много гуляю в сквере напротив наших окон, и меня, наверное, хорошо видно маме. Летом мы с мальчиками и девочками много прыгаем в классики и через скакалку, я это люблю. Зимой из снега строим крепости и тоннели в сугробах. Как правило, я прихожу домой после таких снежных прогулок совершенно мокрый.

Вокруг нашего дома бушует стройка. Котлованы, траншеи, остовы строящихся домов. Ну, конечно, мы, мальчишки, всегда играем именно на стройках, а где же ещё? Наивысший кайф для нас – найти карбид, засыпать его, например, в стеклянную бутылку из-под кефира (других тогда не было), залить всё водой, закрыть пробкой и отбежать подальше. В результате бурной реакции бутылка взлетает или взрывается, осколки разлетаются в разные стороны. Если никого не задело, акция признаётся общественностью успешной. Нас гоняют со стройки, но это разжигает ещё больший интерес к поиску карбида и запуску ракет, ведь вовсю уже бороздят космос Гагарины и Титовы.

Котлованы и траншеи представляют для нас, мальчишек, дополнительный интерес, особенно зимой. В них замечательно играть в войну с немцами. После я прихожу домой грязный и мокрый от макушки до трусов и с целыми сугробами в валенках.

Гуляю я и в других местах. Хорошо помню один эпизод своего содержательного гуляния возле серого дома на задворках, который у нас называют «дом гостиничного типа», общежитие, иными словами. Я ещё дошкольник и по возвращении рассказываю маме и папе, что мы там пили яблочный сок, который тёк из трубы в стене. Могу сейчас представить себе, что за сок там проистекал.

Там же за домом – площадка для гуляния, на ней стоят качели, с которых мы, конечно, прыгаем, и я шлёпаюсь неоднократно. А ещё там хоккейная коробка, на которой зимой заливают ужасный лёд. Мои «гаги» по нему отказываются ехать, но мы с ребятами всё же режемся в игру, отдалённо напоминающую хоккей.

Теперь несколько слов обязательно скажу про упомянутую ранее Горку. Это безусловная достопримечательность и ландшафтная доминанта нашего микрорайона. Когда-то, может, в тридцатые или пятидесятые годы – это огромная городская свалка, которую в начале шестидесятых рекультивировали. Иными словами – просто засыпали землёй. В таком виде, заросшая травой и кое-где кустарником, она достаётся в безвозмездное пользование ребятам нашего района. Зимой она превращается вообще в парк развлечений: катание на санках и лыжах, с заледенелых спусков на попе или фанерке.

Читатели могут себе представить, какой снеговик – подарочек родителям приходит домой после таких гуляний. Сейчас, говорят, эту Горку срыли.

Не могу сказать, что я хулиганистый мальчик, нет. Хотя и мне иногда перепадает от родителей за проказы. Я дружу со всеми ребятами во дворе, даже с самыми-самыми, прикрепленными к детской комнате милиции. У меня со всеми ровные и простые отношения. Может,

потому, что я не маленького телосложения, а скорее, я так думаю, от врожденноприродной основательности. В классе я часто сижу с отъявленными хулиганами, никто из них не донимает меня, уважают.

В первый класс меня сначала водит бабушка, но после её смерти я сдан в группу продлённого дня. Там за нами никто не смотрит, и я в первый же день пропарываю себе ногу гвоздём, лазая во дворе школы по груде строительного мусора. Всё, для меня продлёнка закончилась, и я теперь после школы дома один и из школы прихожу сам.

На моей шее резиночка, как для трусов, с ключом от квартиры. Открываю дверь и попадаю в квартиру, где сразу становлюсь взрослым и самостоятельным.

Приходить-то прихожу, но сижу дома тихонечко-тихонечко – страшно. Мне кажется, что все шкафы в доме наступают-надвигаются на меня, как Мойдодыр у Чуковского, а из-под дивана или кровати какое-нибудь чудище обязательно вылезет и нападет. Если страх донимает меня особенно сильно, сижу в темноте, не зажигая свет, и даже не хожу на кухню, чтобы съесть еду в термосе, приготовленную мамой. Она очень расстраивается из-за этого и не очень верит моим рассказам про шкафы и чудищ.

Сколько живут такие страхи, не помню, возможно, я смог их преодолевать или договариваюсь с ними.

Через какое-то время я научаюсь быть всё время один: мечтаю, придумываю разные истории, рассматриваю картинки в книжках, а потом их читаю, буквально проглатывая. Телевизора у нас поначалу нет, а когда он появился, передачи в нём идут только несколько часов в день.

В школу я иду вдоль дома до первого подъезда. Там в палисаднике устроена большая клетка, где дяденька, живущий на первом этаже, содержит белку, которая всё время бежит в колесе. Я дружу с этой белкой, разговариваю с ней несколько минут и продолжаю путь в школу.

Перехожу дорогу и иду по скверу. Где-то на уровне молочного магазина я перехожу ещё раз дорогу и продолжаю путь в том же направлении до знаменитого на весь район киоска с мороженым. Между ним и книжным магазином прохожу во двор и наискосок до проулочка, ведущего прямо к школе.

Вот такая она – моя родная улица. Она и сейчас, точно, «стоит» там же, где и раньше. Уверен, что для других мальчиков моя улица становится малой родиной, только в других условиях.

Последний раз я был там лет десять тому назад, ведь некогда.

Пожалуй, только тут, на Десятой улице, я пронзительно почувствовал ностальгию по тем местам. Слетаю обязательно!

Садик

Пребываю под впечатлением текста под названием «Разговор», периодически перечитываю его и чувствую, что он всё ещё цепляет меня за невидимые крюпочки, достаёт в самых потаённых закоулочках.

Но главное, что я всё время ловлю себя на мысли, что меня реально тянет в эту самую школу-сад, где разворачиваются события «Разговора». Я ведь на самом деле никогда там не был. Каждый день утром и вечером, выезжая на работу или возвращаясь домой, мы лавируем сквозь грозди машин «одарённых» родителей, припаркованных на тротуарах вдоль забора школы. Периодически гуляя, мы с супругой проходим мимо, и я неизменно заглядываю через забор, меня тянет внутрь, как магнитом.

И вот сегодня, в воскресенье, около пяти часов вечера, проводив супругу к морю, на каток, я иду прогуляться по окрестностям. Погода великолепная, тепло, около трёх градусов мороза, солнце растапливает остатки льда на асфальте. Поднимаюсь по дороге к нашему дому, вижу забор школы и вдруг понимаю, что сегодня не могу не зайти.

«Ну и что? А что такого? Только посмотрю, как там в действительности всё выглядит, и пойду домой», – свободно течь этой мысли я позволяю, чтобы оправдать свои дальнейшие действия.

Решительно прохожу мимо наших ворот и равняюсь с будкой охранника школы. Рука опускается в карман пальто и нащупывает своё начальственное удостоверение: «Надо же, как кстати».

Корочка производит впечатление на охранника, он только говорит, что директора нет, – ведь выходной, но несколько преподавателей сейчас в школе. «Ладно, мне никто и не нужен, я всё равно никого не знаю, только посмотрю и назад», – ещё раз самооправдываюсь я.

Прохожу по небольшой площадке перед входом и поднимаюсь по высокому крыльцу. Пластиковая дверь впускает, огласив внутреннее пространство мелодичным звоном прикреплённых колокольчиков. Никого. Ладно, раз уж вошёл – поднимусь на третий этаж. Кабинета номер 551 там, конечно, быть не может...

– Может, – слышу я справа от себя удивительно знакомый голос, с сомнением поворачиваюсь, точно, она – Галина Александровна, улыбается.

– Вы же во сне?.. – хрипло выдавливаю я.

– Ну и что? Сон – это тоже часть жизни. Ладно, я рада снова тебя видеть, Андрей. Я жду тебя, заходи в кабинет.

Последние слова были сказаны уже возле знакомой мне двери с номером 551 и табличкой «Лаборатория».

Да, я ошарашен, такого поворота я никак не ожидал. Ну что ж, посмотрим, что будет, супруга прокатается ещё почти час, обернусь.

– Заходи, заходи. Вешай пальто на вешалку и садись, ты уже ведь тут был, – эти слова снова заставляют меня усомниться в реальности происходящего, но раз уж тут – вхожу.

Да, действительно, всё это я уже видел: вот лабораторный стол, интерактивная доска и дощатый пол. Да-да, этот пол, Боже мой, тут же нахлынули воспоминания: вот она, немного выпирающая из доски и отполированная моей ногой шляпка гвоздя у ножки парты, за которой я сидел в школе.

Парта, а кстати, где она? На её месте стоит маленький круглый столик, покрытый клеёнкой не первой свежести с розочками, и возле него маленький деревянный, неаккуратно покрашенный кремовой краской стульчик, на котором может уместиться только ребёнок лет трёх-пяти.

Словно прочитав мои мысли, Галина говорит:

– Садись, не бойся. Не сломаешь.

С опаской, но я всё же сажусь на стульчик, а он оказывается очень удобным и впору. Опять, уже привычно и быстро, начинаю привыкать к чудесам – всё вокруг странным образом увеличилось в размерах. Нет-нет, всё осталось прежним – это я стал маленьким. И ещё, я – это я, но почему-то теперь я одновременно вижу себя со стороны. Вот, смотрите: я сижу на стульчике, мальчик лет четырёх, рыжие волосы пострижены под полубокс, на мне рубашка в горизонтальную зелёную полоску с коротким рукавом, бежевые шортики на ляпочках и чулки в рубчик, прикреплённые резиночками к розовенькому поясу под шортиками. На ногах у меня надеты коричневые из грубой кожи, стоптанные сандалики.

– Андрюша, не волнуйся. Я всё объясню! – очень мягко, как с маленьким, начинает говорить Галина Александровна и продолжает: – Я позвала тебя, чтобы продолжить наши занятия. Ты молодец, хороший мальчик, и очень результативно поработал над домашкой, которую я задала тебе в прошлый раз. Об этом свидетельствует то, что ты пишешь. Работа ещё не закончена, но ты на правильном пути. Продолжай, а сегодня мы начнём новый цикл занятий, посвящённых твоим детским проблемам.

«????»

– Не удивляйся, люди Земли, как известно, все из страны под названием Детство. Оттуда тянутся многие проблемы и заморочки – об этом много написано у ваших психологов. Вот и ты не исключение, надо внимательно посмотреть твоё детство.

Да, я абсолютно уверена, время пришло. Начинаем работать, и тема первого урока: «Твой детский садик», – подытожила учитель.

Услышав последние слова, я не удивляюсь и понимаю, что работа будет непростой и долгой – я ведь про тот период своей жизни почти ничего не помню.

– Не волнуйся, Андрюша, я тебе напомню. Смотри! – И на интерактивной доске, как и в прошлый раз, «зажигается фильм» про мою прошлую жизнь.

Вот я, четырёхлетка, выхожу за руку с бабушкой из подъезда нашего дома на Бойцовой улице, мы идём в детский сад. Зима, на мне надето толстое ватное пальто в чёрную мелкую клетку с цигейковым воротником. На голове – чёрная шапка из такого же меха, очень напоминающая шлем гагаринского скафандра, чем я очень горд. На ногах – чёрные валенки с калошами, а на руках – шерстяные варежки, надёжно скреплённые резинкой, продетой сквозь рукава пальто. Холодно, рот закрыт повязкой из носового платка, чтобы не надыхаться. Волочусь за бабушкину руку понуро, без всякого желания, а что там может быть хорошего в этом саду, дома же лучше. Надо же, название: «детский сад», туда детей сажают, что ли?

Но плёнка крутится дальше. Мы доходим до Горки и поворачиваем налево, к булочной.

Вот-вот, точно – это та самая булочная, где бабушка периодически учит меня покупать хлеб. Сейчас уже всё получается, а в первый раз случается конфуз. Бабушка тогда выдала мне тринадцать копеек на батон белого хлеба и осталась ждать у входа. Я беру три батона, буханку чёрного и, прижав всё крепко к пальто, подхожу к кассе держать оборону. Тринадцать копеек почему-то не удовлетворили кассиршу, а на вопрос: «Мальчик, тут мало денег, ты чей?» я молча насупился. Кассирша включила сигнал SOS, на который прибежала бабушка, вернула лишний хлеб Родине, а мне объяснила, в чём ошибка.

Ну, ладно. Мои мысли возвращаются к экрану, на котором мы с бабушкой уже подходим к садику – это типовые одноэтажные здания, соединённые между собой переходами. Когда я понимаю, что расставание с бабушкой неминуемо приближается, настроение у меня окончательно портится, но не плачу, мне же объяснили, что я мужчина.

Бабушка здороваётся с воспитательницами: их две, одна молодая, худощавая и высокая – типичный ребёнок войны, а вторая много старше и гораздо полнее – солдатская вдова: как много таких женщин в стране в то время... Поздоровалась и с трудом вытаскивает свои побелевшие пальцы из моей «мёртвой хватки». В этой молчаливой схватке побеждает старость, а

я остаюсь один внутри детского социума. Но грустить долго нет смысла, я тут уже не первый раз, поэтому надо погрузиться в социум и попробовать получить удовольствие от общения с коллегами по «посадке».

Действительно, ещё только-только начинает светать, и на небе очень хорошо видна полная луна с большую тарелку. А если бегать туда и обратно по дорожке и смотреть на луну, а не под ноги, что из этого получится? Надо же – светило вместо того, чтобы висеть на месте, бежит вместе со мной и туда, и обратно, чудо! «Ребята, смотрите, луна бежит за мной».

Всё, теперь вся группа бежит вместе со мной и луной по дорожке. От счастья шапка съезжает набок, на лбу выступает испарина, а изо рта валит пар. Но всё хорошее кончается, луна растворяется на посветлевшем небе, а вспотевший социум воспитательницы под конвоем ведут в группу.

Заходим, вижу свой ящик с картинкой паровозика и начинаю нехотя раздеваться – настроение снова медленно сползает в пятки. Но толстая воспитательница торопит, надеваю сандалики и вхожу в игровую, она же столовая и она же спальня, если сдвинуть столы и поставить на освободившееся место маленькие раскладушки. Понуро сажусь на свой стульчик и слышу знакомый голос откуда-то сверху:

– Ну что же, смотри, как хорошо, – стал вспоминать, молодец. – И я понимаю, что снова в кабинете номер 551.

А дальше звучит:

– Кстати, не подташнивает, не кружится голова? Работа идёт серьёзная, может быть непросто. Если нет, продолжим. Сходи пока в туалет с мороза – вон дверь.

Я послушно встаю, открываю дверь, которой раньше не было, и вхожу внутрь. Прямоугольное большое помещение, по стенам которого слева и справа небольшое возвышение – ступенька с расставленными на ней эмалированными, желтоватого цвета горшками с такими же именными картинками, как и в раздевалке.

В углу комнаты – два унитаза для слива содержимого горшков, а прямо по ходу – три больших умывальника. Я безошибочно нахожу свой паровозик и начинаю обдумывать, как мне совершить нужное. Проблема в том, что такой одеждой, которая на мне надета, я пользовался последний раз более сорока пяти лет назад. Ну, пробуем: сначала отстегнём резиночки, которые поддерживают чулки, – ужасно не люблю этот девчачий предмет одежды. Единственная польза в нём – это игра: можно представлять себя мушкетёром в высоких сапогах из чулок, а шпага – любая палка. Ладно, резиночки сзади и спереди отстегнуты, и чулки автоматически собираются на щиколотках. Далее можно спускать шортики, синие сатиновые трусики и садиться на горшок. Тьфу ты, тоже мне доктор технических наук в будущем! При такой конструкции можно было не спускать чулки – всё забыл.

Но ладно, дело сделано, горшок полон и опорожнён в унитаз. Можно оглядеться. В комнате, кроме меня, белокрысый мальчишка с озорным лицом будущего хулигана, который тоже завершил важное дело, а ещё две девочки.

Одна рыжеволосая с двумя жиденькими хвостиками-рогами на голове, одетая в чулки и коротенькое цветастое чёрно-красное платьице, еле прикрывающее белые, не очень чистые трусики.

Вторая – явно будущая отличница и ужасно послушная девочка с русой косой до попы и большущими ресницами, издающими шелест крыльев при моргании. Обе представительницы прекрасного пола только что закончили умываться и вытирались полотенцами.

Белокрысый мальчишка от избытка энергии показывает девочкам язык, на что они обе скривились, девчонка с ресницами снисходительно, а рыжая с явным одобрением. Рыжая говорит хрипловатым с мороза голосом: «Вовка, а покажи ещё», – кивая при этом куда-то в центр белокрысого мальчишки, которого, оказывается, зовут Вовка. Поняв, видимо, о чём идёт речь, он кивает и тут же веско определяет условие: «И ты тоже!»

После этого он ставит горшок на ступеньку, одним порывистым движением стягивает с себя шортики вместе с трусиками, выпячивает вперёд живот и, улыбаясь во весь свой беззубый рот, демонстрирует миру и двум девчонкам свою статью. Демонстрация продолжается секунд десять, в течение которых Вовка делает различные движения тазом, а потом также быстро и одновременно натягивает оба предмета одежды. Во время показа отличница остаётся безмолвной, только её огромные ресницы взлетают гораздо выше обычного и не опускаются даже по окончании.

Рыженькая при этом хрипло хихикает и, обращаясь к отличнице, говорит:

– Я же тебе говорила, что у них по-другому. Я у младшего братика видела.

В это время Вовка, очень довольный собой, веским тоном, не оставляющим права на возражение, говорит:

– А теперь ты.

Рыжеволосая с готовностью, раз уж обещала, но с полным безразличием и характерной женской холодностью на несколько секунд стягивает с себя трусики.

Увиденное не производит никакого впечатления ни на меня, ни на Вовку. В результате он чешет стриженный наголо затылок и выбегает из комнаты, видимо, переключившись на другую игру. Девчонки тоже, щебеча что-то демонстративно друг другу на ухо, выскальзывают.

Иду и я, раздумывая своим взрослым умом: «Надо же, почему мне вспомнился именно этот эпизод?» На что слышу голос Галины Александровны:

– А что тут удивительного, ты с самого детства был сексуально озабочен, – которая, не дожидаясь моей реакции на сказанное, продолжила: – Ладно-ладно, я шучу. Не больше, чем все мальчики в этом возрасте. Ну хорошо, движемся дальше – это только начало.

А дальше в памяти и на интерактивной доске стали проноситься мои детсадовские картинки – эпизодами. Вот я сижу за столиком и рисую зелёный танк с красной звездой на занятиях по рисованию, а вот я пою со всем социумом «Тачанку-ростовчанку». А вот голос молодой воспитательницы:

– А сейчас, дети, мы дружно идём делать уколы. Кто первый?

Конечно, я! Ощущаю свою руку, взлетающую вверх, и тут же получаю одобрение:

– Молодец, Андрюша. Ты настоящий мужчина и будущий солдат. Берём пример с Андрюши, дети, и строимся на уколы.

На следующих кадрах – Новый год. Ёлка, Дед Мороз со Снегурочкой, я в меховой чёрной шапке и с меховым шариком на шортиках сзади – медвежонок. Все дети дружно кричат: «Ёлочка, зажгись!» Я счастлив и подпрыгиваю часто-часто от избытка чувств.

Откуда-то сверху звучит знакомый голос:

– Хорошо. Поток пошёл беспрепятственно. Продолжаем. В группе уже пообедали, впереди тихий час.

Буква «с» в часе ещё звучит в эфире, а в лаборатории уже быстро, как в мультиках, меняется обстановка.

Вся комната уже заставлена рядами маленьких раскладушек, на них укладываются такие же, как я, мальчики и девочки. Я стою мгновение у своей раскладушки в одних трусиках, но, услышав строгое «хм-м» толстой воспитательницы, обращённое ко мне, быстро ныряю под одеяло и оказываюсь нос к носу с пухлой девочкой из нашего подъезда, из квартиры этажом выше, – кажется, её зовут Маринка. В её глазах тоска и безысходность: «Пристали вот с этим тихим часом».

Боже мой, как я тоже не люблю этот самый час. Во-первых, не час, а полтора или все два, а во-вторых – это же издевательство над практически взрослыми людьми – заставлять их спать, когда им этого совсем не хочется.

Но делать нечего, раз уж «посадили» в сад, приходится терпеть и эту муку. Периодически приходит толстая воспитательница – шикает и хмыкает на всех, кто ёрзает или даже лежит

с открытыми глазами. Ладно, буду делать вид, что сплю, а узких щёлочек, в которые отработанным приёмом сложились ресницы, хватит, чтобы контролировать ситуацию в окружающем пространстве.

Всё, тишина, некоторые представители нашего детского коллектива спят, а остальные, как и я, с разной степенью мастерства маскируются.

Не знаю, сколько времени проходит в засаде и мечтах, но в спальне становится шумновато. Многие возятся и перешёптываются, а белобрысый Вовка громко хихикает и балагурит с рыжей напарницей по стриптизу – их раскладушки оказываются чуть впереди и слева от моей.

Заходит толстая воспитательница и прямо с порога начинает кричать на Вовку:

– Ты что балуешься? Почему не спишь и мешаешь другим детям?

От этого крика все, кто спал до этого, конечно, тут же просыпаются, а улыбающееся лицо Вовки искажается в страхе и удивлении. Он вытягивается в струнку и демонстративно закрывает глаза.

Нисколько не удовлетворённая подобной реакцией, воспитательница подходит вплотную к Вовкиной раскладушке, жёстко и веско говорит:

– Я при всех говорю тебе в последний раз: если ты ещё раз будешь себя так вести и мешать спать группе, я накажу тебя так, что ты запомнишь это надолго! – И тут же гаркнула: – Всем спать!

На сказанное Вовка не продемонстрировал никаких признаков жизни и лежит с плотно зажмуренными глазами; весь коллектив в спальне погружается в тяжёлую тишину. Видимо, удовлетворившись на этот раз достигнутым результатом, воспитательница выходит из спальни.

Я наблюдаю за всем сквозь свои щёлочки, проползает взрослая мысль: «Надолго ли тишина?» – а в груди поселяется ощущение чего-то неминуемого.

Мысль материализуется: уже минут через десять или пятнадцать тишина разъезжается по швам, а ещё через пять минут окончательно лопается от Вовкиного хихиканья, сопровождаемого активным роже-показыванием в окружающее пространство.

И тут свершается: рывком открывается дверь, ударяясь с оглушительным грохотом о прилегающую стенку, и влетает толстая воспитательница с искажённым от злости лицом. Она подлетает к Вовке и кричит на всю спальню так, что дребезжат стёкла в оконных рамах:

– Я же предупреждала! Я говорила тебе и всем, что накажу?! Говорила или нет?

Ответа ждать бесполезно, Вовка уже в шоке и столбняке от надвигающегося. Я всем своим существом чувствую, что воспитательнице не важен ответ – акция заранее спланирована. А дальше так: с Вовки сорвано одеяло, которое летит на рыжую соседку, а потом – застиранные трусики. Затем он выдернут за руку с раскладушки и выволочен на самый центр спальни, где следует вердикт:

– Я держу свои обещания, ты запомнишь этот день надолго. Дети, смотрите на этого хулигана, так будет наказан каждый, кто будет плохо себя вести, а сейчас встаём и одеваемся, собираем постели. Ну а ты будешь так стоять, пока я не разрешу тебе!

Шок от произошедшего пронизал всех, почти никто не смотрит в Вовкину сторону, все тихонечко, почти не дыша, встают и одеваются.

«А что же Вовка?» – спросит мой уважаемый читатель. А он стоит в центре комнаты, вытянутый в струночку, как столбик, закрывает лицо руками и тихо воет. Тихо, потому что от громко будет ещё хуже, хотя куда уж хуже? Закрыв лицо руками, он искренне думает, что так никто не видит его маленькое голенькое тельце с иссиня-белой кожей в мурашках. Я тоже встаю и быстро одеваюсь, во мне всё клокочет от несправедливости и сопереживания Вовке. Сажусь на свой стульчик и слышу сверху голос Галины Александровны:

– Да, ситуация. Очень хорошо, что ты это вспомнил. Мы наконец докопались – этот эпизод оказал сильное воздействие на твою последующую жизнь. Как бы ни было тяжело, теперь тебе надо погрузиться в этот эпизод и вспомнить как можно больше подробностей – это важно.

Если надо, будешь проживать эту историю и пять, и десять, и пятнадцать раз. Столько, сколько нужно!

«Ладно, надо так надо», – и вот я снова на раскладушке, запущен марафон: снова и снова проживаю ситуацию с Вовкиной казнью, каждый раз всё глубже и глубже погружаясь в неё и вспоминая все, самые мельчайшие подробности. Искажённые черты лица толстой воспитательницы, красное пятно от свёклы на её белоснежном халате, скрип рывком открывающейся двери, расцветку занавесок на окнах, запах кислых щей, проникающий из кухни. Я очень ясно вспоминаю своё состояние в этот момент: в голове проносятся те необыкновенно взрослые мысли о вопиющей несправедливости и неадекватности наказания, внутри всё сжато и необыкновенно муторно. Я вижу недоуменное и испуганное лицо пухлой Маринки со слезами на глазах, проникаюсь уважением к молодой воспитательнице, которая, прикрывая и согревая собой Вовку, быстро его одевает и ведёт умыть в туалетную комнату.

Подумалось: «Уф, всё, не могу больше».

– И хватит, результат достигнут. Урок на сегодня закончен. – Я снова слышу очень нужный мне в этот момент голос учителя. – А тебе надо восстановиться, для этого я отправлю тебя в одно из твоих мест силы. Запомни его и, если случатся трудности, отправляйся туда, – поможет. Закрой глаза.

Послушно закрываю их на несколько секунд, а когда открываю, вижу себя снова взрослым и лежащим на небольшой, окружённой хвойным лесом поляне, летом. Я лежу на спине в траве в одних мокрых плавках, и это не удивляет. Рядом слышно журчание маленькой речки-переплюйки, значит, я только что вылез из воды. Светит очень яркое солнце, настолько яркое, что плывущие по небу маленькие облачка не способны даже создать хотя бы малейшую тень. Вот облачко, похожее на слоника, а вот паровозик с моего детсадовского шкафчика – нет, бесполезно, им не справиться с солнцем. Прищуриваясь, вижу вблизи своего лица ромашку и зависшую над ней, как вертолёт, стрекозу, стрекохут кузнечики, пчёлка старательно обрабатывает жиденький клевер. Заметив периферийным зрением что-то чёрное слева, определяю – это огромный чёрный ворон сидит высоко на сосне и оценивающе смотрит на меня. «Ну и пусть, за посмотри денег не беру», – мелькает мысль, и на меня вдруг наваливается такая сладкая истома. Сегодняшние картинки детсадовской спальни медленно, но полностью растворяются в летнем тёплом воздухе, а на их место в моё сердце проникает искрящееся, бело-жёлтое, бриллиантовое, солнечное тепло. Наверное, времени так проходит уже очень много, я полностью высох.

На лбу выступают капельки пота и, постепенно наполняясь и соединяясь друг с другом, начинают стекать маленькими струйками, щекоча лицо, – жарко. «Ну и снова пусть. Бодрящая речка рядом, но я всё равно не двинусь никуда. Вот оно, счастье и гармония, не хочу прерывать это мгновение – пусть оно продлится». От этой мысли глаза самопроизвольно закрываются.

Но практически сразу откуда-то сверху, может, с верхушки сосны, звучит голос учителя:

– Андрей, пора возвращаться в здесь и сейчас. Андрей, слышишь, пора вставать. Андрей, вставай, опоздаешь на работу.

«Как на работу? А сколько времени?» – вопросы повисают без ответа в воздухе. Темно, звонит будильник-телефон. Семь часов, понедельник? Рядом тёплое тело жены – она уже вернулась? Боже мой – это же опять сон?!

А какое счастье и радость переполняют моё сердце сейчас!

Гланды

Моя память что-то неохотно выдаёт детские картинки из своего дальнего-дальнего архива. Не знаю, как у вас, мои уважаемые читатели, но мне, пожалуй, понятно, почему так. Ведь жизнь рядового советского ребёнка проста, размеренна и в основном безмятежна. Я живу в любви, сыт, одет и потому в памяти фиксируются только экстраординарные события, как с плюсовой, так и с минусовой окраской. Болит горлышко, голова, ушки – вот это помнится. Вовкина казнь, например, в садике – тоже, ещё хохотушки с мамой, поездки с папой и мамой в отпуск и всякое другое такое.

И, точно, вот ещё помнится: мне в глубоком детстве вырезали гланды. В те, мои детские, начала шестидесятых, годы врачи решили, что такой атавизм, как гланды, должен быть непременно удалён за ненужностью. Тем более что у меня к тому были показания. Как говорит мама, замучили бесконечные простуды: ангины, просто частая боль в горле. Сейчас, я слышал, позиция у врачей изменилась, ну а я вот уже так и остался без них.

Сколько мне тогда было лет? Пожалуй, годика три. Да, точно! И потому очень мало помню эту историю. Получается, что почти ничего, только всего две «вспышки» воспроизводятся памятью.

Вот вижу свои маленькие ножки в чёрных валенках. Калоши с них сняты и понуро ждут своего хозяина в углу врачебного кабинета. В такой обуви, кстати, в те годы зимой ходила вся Москва – и взрослые, и дети: в кроличьих шубах и валенках.

Я «утоплен» в специальном кресле, по типу стоматологического. Зачем я тут, пока не понимаю, но огромная голова доктора в белом колпаке и с вогнутым зеркалом с дырочкой посередине, а также занесённые надо мной его волосатые руки с чем-то металлически блестящим не предвещают мне ничего хорошего.

А ещё медсестра, которая мило, но по-дежурному улыбается мне, просит открыть ротик, обращаясь почему-то по имени Мишенька. Потом, скосившись на какую-то тетрадку, исправляется, назвав Андрюшенькой, прижимает своими холодными ладонями мои руки к подлокотникам кресла и добавляет нарочито небрежно: «Не бойся, не бойся! Будет не больно!»

Начиная с этого момента я окончательно осознаю, что дело плохо, и включаю все свои защитные механизмы. А их не так много на самом деле, а точнее, только один – это ноги в валенках. Руки, как все помнят, зажаты медсестрой, а голова с открытым ртом прижата руками доктора к подголовнику. Конечно, можно закрыть рот «на замок», стиснуть зубы, и враг ни за что не пройдёт, но поздно. Там уже какая-то металлическая штукавина не даёт это сделать, и доктор шурует внутри, звеня металлом. И значит, действительно, для обороны остаются только ноги. Они и включаются тут же. Всё начинается с хаотических ударов попеременно то левой, то правой ногой, но в основном в «молоко».

А когда внутри меня что-то хрустнуло и всё существо пронизала нестерпимая боль, удары валенкового оружия стали более точными. Я попадаю несколько раз в грудь, пару раз по рукам, а один раз – точно в докторский подбородок. После таких атак человек в белом халате произносит несколько неизвестных мне слов, а потом бубнит сестре: «Вот паршивец! Держи ноги, Нюра!»

Та послушалась, что становится их общей стратегической ошибкой, ведь навалившись на ноги, Нюра невольно освободила руки, которые тут же «встали» на мою защиту. В основном, конечно, от них был нанесён невосполнимый урон лицу и шее доктора, но и руку медсестры я с удовольствием расцарапал...

Что было дальше, детская память не сохранила почему-то. Но очевидно, что та борьба была неравной. В итоге двое взрослых медиков, конечно же, безжалостно надругались надо мной, и я безвозвратно потерял часть своего организма.

Второй эпизод на тему «Гланды» короче, но чувственнее, мне кажется. В нём я вижу собственные руки, которые тянутся к мороженому. Тут «стержень» в том, что в первые дни после удаления гланд, по рекомендации тех же врачей, невинно обрезанному полагается чаще есть мороженое для ускорения выздоровления. Вроде бы здорово, супер! Скажите! Кто не любит это сладкое холодное лакомство, но это в здравии.

А тут всё плохо: жутко болит горло, от всего пережитого накануне шатает. Но главное – грудь, её сжимает неизвестное ранее чувство несправедливости, а в уме звонко звучат вопросы: «За что? Почему? Для чего?» То есть не только на мороженое, но и вообще на еду смотреть не хочется. Но мама кричит с кухни:

– Андрюшенька, иди, съешь мороженое!

И я нехотя поднимаю свой обиженный и частично покромсанный организм с постели и плетусь в кухню.

Тут мороженое в рожке стоит в стеклянном стаканчике в глубине кухонного стола. Его максимально привлекательный вид на мгновение улучшает моё настроение, и я, встав на цыпочки, тянусь правой рукой в его направлении.

И... с невольным воплем отдёргиваю её назад – на траектории моего движения оказывается горячий утюг. Точно – это же бабушка закончила что-то гладить минуту назад.

Ещё большая обида, ещё больше укрепившееся чувство несправедливости, ну и, конечно, слёзы по малолетству следуют за этим.

Но... конечно, то самое мороженое и потом ещё несколько последовавших за ним сглаживают и скрашивают всё.

Хотя осадок, как говорится, остаётся. Я ведь до сих пор постоянно разбираюсь по жизни с вопросами, сначала: «За что и почему я?», а последнее время всё чаще: «Для чего?..»

Иногда всё совсем не так, как видится...

*Никогда не верь
зеркалам и газетам.*

Джон Осборн

Ну вот, мои уважаемые читатели! Настал момент анонсировать следующий кульбит в моём повествовании – очередной, так сказать, «скачок».

Но прежде чуть-чуть про число тринадцать – номер этой главы.

Не хочу долго распространяться по поводу банальной «чёртовой дюжины», суеверий, связанных с этим числом. Хотя во многих странах к этому очень серьёзное отношение: в гостиницах, например, могут отсутствовать тринадцатый этаж и номера, содержащие эту цифру.

Но для меня эта цифра, пожалуй, счастливая. Вернее, не совсем так – она для меня обычная, как все остальные, я её часто вообще не замечаю, не выделяю, точнее. Хотя иногда, если есть возможность выбора места в кино, поезде или самолёте, я выбираю именно её. У меня нет объяснения этому, но лететь или ехать в кресле под номером тринадцать приятно. И всё, пожалуй, всё о ней!

Хотя... вот получается, что дописался до тринадцатой главы – и тут тормоз! Не с главой, а с введением к ней. Всего-то пара страниц, а вот туго идёт. Думал почему, и вот – давайте разъясню.

Получается, что в этот конкретный момент я заново переписываю вступительные страницы к главе номер тринадцать. Переписываю, и дело тут, наверное, совсем не в цифре, а в важности того материала, который хочу представить своему читателю.

Итак, речь пойдёт о скачках.

Первый вариант текста я написал, как обычно, довольно быстро, мало правил, и мне сразу понравилось. Но потом, за важностью материала, решил показать написанное двум экспертам, ценителям моего творчества и специалистам по тематике. Мнения обоих ценителей и специалистов мне бесконечно дороги, но они оказались местами диаметрально противоположными. Один считает, что надо усилить и обострить, а второй, наоборот, сгладить и перестраховаться.

Не знаю?! Я «пораскинул» на это своим «серым веществом» и принял решение переписать всё в третий раз. Что-то с учётом мнений, а вернее, то, где можно было творчески совместить все три, включая моё.

Но в большинстве мест решаю не слушать никого, а исключительно себя любимого, своё сердце! Мои уважаемые эксперты, конечно, тут же увидят всё по прочтении, но, надеюсь, простят за экстремизм.

И вот поговорим про скачки!

Кто-то из моих уважаемых читателей, возможно, спросит: а что это вообще такое – сны, не сны, видения?

Отвечу так: «Не важно!» Правда, поверьте: это не имеет значения. Но я уверен, что это истории из моей прошлой жизни, а вернее, из моих многочисленных прошлых жизней.

Мы давеча чуть коснулись теории многожизния Души, и вот предлагаю ещё поразмышлять на эту тему.

Но сначала... да-да, и это очень важно, хочу сказать, что представляю вашему вниманию исключительно свой собственный-личный опыт. Показываю картину так, как вижу её сам, при этом не хочу, не могу, не имею права навязывать её.

Я чувствую, мне кажется, что происходящее со мной, и особенно в части этих самых скачков, является Божьим провидением, Его даром. Не знаю за что, но смиренно принимаю как благо и обязанность поведать информацию вам, своим читателям.

Ну, так! Если многожизние в принципе возможно, то информация о прошлых жизнях моей Души, да, впрочем, и вашей, каждого из нас, должна где-то храниться. А как же? Не знаю где, и это тоже не важно, а очень важно найти способ как-то к источнику этой информации подключиться. Причём образно работает это примерно так: вы как бы втыкаете штепсель в розетку, и зажигается лампочка – от этого и видно всё становится сразу, как в тёмной комнате, или запрашиваете в каком-нибудь поисковике требуемую информацию и тут же её получаете на экране компьютера или смартфона. Возможны, наверное, и другие образы, но главное, чтобы результат был.

У меня, кажется, получается. Это может произойти со мной во сне, во время медитации, утром в переполненном вагоне метро, в сауне атлетического клуба, на белоснежном керамическом друге, на природе.

А как понять, что это не глюки? – спросит мой уважаемый, но сомневающийся читатель. Смотрите: во-первых, это возможно только помолясь Богу, а во-вторых – в полном сознании, по отдельно-специально сформулированной просьбе и под водительством кого-нибудь из Его «Рати».

А с чего ты взял, что это про тебя, наш уважаемый писатель? – спросит мой уважаемый читатель. Тут всё дело в нюансах и приметах, а их много. Попробую разъяснить.

Первое: ты чувствуешь, ощущаешь – это ты, и нет сомнений в обратном.

Второе: ты видишь себя и всё происходящее ещё одновременно и со стороны.

Третье: твои мысли – это твои мысли, только в другом теле, человеческом существе из другого временного периода.

Четвёртое: ты очень подробно, во всех мельчайших деталях видишь своё тело (а оно может быть как привычно для меня мужским, так и женским), одежду, которая на тебе надета, общаешься с людьми другой эпохи, погружаешься, если хочешь, в самые глубокие нюансы и закоулки происходящего вокруг.

Тут только очень важно сразу после этого, ну, как всё закончилось, бежать за стол с бумагой и ручкой или за компьютер и записывать всё-всё, вспоминая самые мельчайшие подробности. Иначе всё можно расплескать. А ещё тут можно пережитое осмыслить и проанализировать, а главное, сделать выводы для современности.

Я перечислил сейчас самое основное, а есть ещё пятое и десятое, но это уже совсем тонкости, и для начала достаточно.

Друзья, коллеги, читатели, пожалуйста, обратите внимание, что всё вышеперечисленное – это мои пункты и мой личный опыт. У вас может быть всё совсем по-другому.

Да, ладно, движемся дальше. Тут возможна ещё очень важная вещь! Там, то есть в прошлых жизнях, можно не только порыскать, погулять, насмотреться, навоеваться, настрадаться и налюбоваться, но кое-что ещё и аккуратненько-легонечко подправить, подрихтовать, спрося, конечно, предварительное разрешение на то у «водителя» из Его «Рати». В целом дело очень увлекательное.

И, наконец, возможно, мой уважаемый читатель спросит, а как это всё освоить, хотя бы заглянуть одним глазком, мы тоже хотим?

Вот на этот вопрос ответа от меня не ждите, пожалуйста. У меня свой путь (читай предыдущие и последующие главы), у вас наверняка будет свой. Может быть, всезнающий Интернет что-нибудь подскажет, может, книга. Но лучше, чтобы с вами, хотя бы поначалу, был знающий человек – Учитель, у меня, слава богу, так и получилось. В любом случае хочу предупредить: самостоятельно делать это без «разрешения» свыше и соблюдения определённых мер техники безопасности не следует.

И ещё, пожалуйста, не делайте этого только из любопытства! Конечно, очень интересно посмотреть, где мы там «наследили» в прошлом, согласен – сам такой, каюсь. Но точно могу сказать, что просто любителям истории не сюда – небезопасно. При прочих, вышеописанных условиях «скакать» можно только тем и тогда, кто и когда очень хочет изменить что-нибудь в своей нынешней жизни, то есть терапии ради...

Ну вот!.. Обратите внимание: я начал введение в главу номер тринадцать со слов «Ну вот!», ими и заканчиваю безо всякой на то причины, но исключительно для красного словца, да ещё для шутки юмора – без него нельзя!

И тем не менее: ну вот, уважаемые читатели, сейчас предлагаю вам погрузиться в повествование про очередное моё путешествие Души.

Я мужчина, ну и слава богу, ведь в женском теле как-то не очень комфортно. Мне лет тридцать с небольшим, похоже.

Густой туман вокруг рассеивается, и я вижу, а главное, понимаю: кто я и где нахожусь.

На мне доспехи... а значит, снова воевать!.. Да, ещё, это не Европа – точно Восток.

До (кованая кираса) из двух панцирей, защищающих спину и грудь, покрытая лаком и кожей с изящными, в чеканных орнаментах, золотыми пластинами-вставками. Такая же гэссан (латная юбка) ниже колен, раздвоенная спереди и сзади для конного боя. Далее татэ-огэ (наколенники) и сунэатэ (поножи). На ногах сабатыны (латная обувь) с отдельным большим пальцем – когакэ.

Сверху ещё содэ (наплечники) и дальше котэ (наручи), а ещё дальше тэкко (полурукавицы) и югакэ (перчатки).

Все пластины в доспехах скреплены между собой кумихимо (альыми шёлковыми шнурами).

В правой руке у меня тэссэн (боевой веер) и одновременно символ власти со стальными, заточенными, как бритва, спицами-пластинами с золотыми и перламутровыми вставками.

Чувствую я себя спокойно и уверенно, с явным превосходством. Периодически резко раскрываю веер, а потом так же резко складываю и постукиваю им по левой закованной руке.

Пелена тумана ещё более рассеивается, и я вижу, что стою на высоком крыльце своего дома-дворца, а вокруг слуги, оруженосцы и внизу много простолюдинов.

Один из оруженосцев держит в руках мой кабуто (шлем), украшенный золотыми кувагата (фигурными пластинами) в форме рогов. К шлему алыми шнурами привязана мэngu (золотая маска), на которой домашний кузнец отчеканил брови, нос, рот, прорези вместо глаз и даже усы и бороду. Акеми говорит, что эта маска очень напоминает черты моего лица. Может быть, наверное.

Другой оруженосец нарочито торжественно держит в вытянутых руках цуруги (старинный прямой заточенный с обеих сторон меч) – родовую реликвию. Этим мечом более четырёх веков владели старшие мужчины нашего славного рода Абэ.

Ко мне по наследству он перешёл от отца Абэ Тадаёси. Это оружие уже давно не используется в бою, но неизменно сопровождает главу нашего рода как атрибут знатности и власти.

Третий оруженосец держит дайсе (длинный и короткий мечи) – катана и вакидзаси. Вот они уже – для боя, и я часто пускаю их в дело.

Чуть поодаль двое других оруженосцев в качестве дополнительного вооружения держат тати (большой длинный изогнутый меч для конного боя) и нодати (полутораметровый меч для ношения за спиной).

Да, такое богатое вооружение может быть только у меня – даймё – владетельного князя княжества Оси в провинции Мусаси региона Токайдо на острове Хонсю.

Зовут меня Абэ Тадааки. Я переведён в Оси совсем недавно, чуть больше года назад, своим владетельным сувереном, третьим сёгуном из династии Токугава – Токугава Иэмицу.

До этого я, как и мой покойный отец, владел меньшим по размерам и богатству княжеством Мибу в провинции Симоцукэ...

Я поворачиваюсь влоборота влево и вижу своего первого министра. Он в чёрном плаще, седые волосы собраны в пучок на голове, висячие усы с проседью.

Бросаю в его сторону вопрос:

– Почему так?

Тот как-то невпопад и странно-нейтрально, с поклоном отвечает на это:

– Да, господин!

Ловлю себя на мысли: «Зачем спросил? Что он мог ответить на такое? – И ещё: – Я ведь и без него точно знаю, почему так...»

Но в сторону все сомнения. Решительно спускаюсь с крыльца вниз по лестнице. Люди вокруг – мои подданные – как бы нехотя расступаются и пропускают. Делая вид, что не замечаю их суровые и даже враждебные взгляды, я прохожу через двор замка, который окружён каменной изгородью – стеной, покрытой черепицей, – и выхожу за ворота, охраняемые каменными драконами.

Тут слуги держат под уздцы коня в броне, а вокруг вооружённая и тоже закованная в броню конная свита, состоящая из слуг и приближённых самураев. Все они готовы повиноваться мне безпрекословно.

Один из слуг кидается на колени, подставляя спину. Я ступаю на неё коваными саботами и ловко, несмотря на тяжесть панциря, вскакиваю в седло.

Дайсе на поясе, тати пристёгнут к седлу, а нодати за спиной. Только кабуто надёжно пристёгнут к седлу оруженосца.

Всё, можно двигаться. Сильно бью пятками в бока коня, и мы все устремляемся вскачь...

Сильный, влажный ветер с моря приятно холодит чуть разгорячённое лицо. Несусь быстро вниз с горы, к пристани. Мелькают лачуги крестьян, рыбаков, ремесленников. Некоторые из них вышли на улицу и провожают меня очень недобрыми взглядами. Но мне не до них, я же даймё – их повелитель. Могу казнить, могу миловать.

На берегу ждёт большой корабль.

Чувствую решимость, уверенность. Зачем плыву пока не знаю. А может, знаю, ведь есть уверенность, что очень надо и, конечно, надо вернуться.

Я со слугами, самураями и лошадьми на корабле. Чёрный министр остаётся на берегу. Пльвём.

Ко мне подходит какой-то, видимо, приближённый и говорит: «Господин, вы уверены, что мы правильно делаем, оставляя всё?»

Я отвечаю на это: да, уверен. Ведь там остаётся преданный мне министр, он справится. При этом я чувствую уверенность и, можно сказать, даже высокомерную уверенность.

Человек, который ко мне подходил, погрузнел, он готов беспрекословно подчиняться, но явно сомневается в правильности моего поступка.

Мы плывём вдоль берега на север.

Но тут во мне неожиданно рождается сомнение. С каждым часом я всё больше и больше сомневаюсь в правильности своего решения и на третьи сутки приказываю повернуть назад.

Я понимаю, что не могу плыть дальше. Былая уверенность исчезла куда-то, я не нахожу себе места, и высокомерие пропало куда-то.

Странно, для меня это очень необычно. Я ведь всегда уверен в своих решениях и никогда не поворачиваю назад.

А ещё ближе к дому рождается страх – это вообще незнакомое мне чувство. Я опасюсь, что в моё отсутствие может произойти что-то совсем плохое.

Мы возвращаемся. Ещё при заходе в бухту я вижу на горе чёрный дым и языки пламени, которые пожирают мой замок. Я объявляю тревогу и со своей свитой скачу туда, наверх.

Но вот единственная дорога, по которой можно проехать, перегорожена поваленными деревьями и каким-то скарбом. Оказывается, это баррикада, за которой явно кто-то есть. Я кричу в их сторону и приказываю пропустить меня, но в ответ в нас стреляют из одноразовых аркебуз – этого плебейского оружия.

В этот момент всё вокруг меня как бы замедляется, такое происходит со мной уже не раз. Именно во время сражений и опасности происходящее часто замедляется, и оказывается, что бой, который, как кажется, длится несколько часов, на самом деле скоротечный и продолжался всего несколько минут.

Вот и сейчас я вижу, как из бамбуковых стволов, обмотанных джутовыми верёвками, вырываются струи пламени. Грохота при этом поначалу не слышно – он ударяет по ушам позднее. Пламя в основном жёлтого цвета, только на периферии алое, а по центру – даже с белыми искрами. При этом два или три бамбука разрывает в клочья при выстреле, видимо, поражая стрелявших. Из остальных вслед за пламенем вырывается и летит картечь, медленно-медленно направляясь в мою сторону. Мне всё очень хорошо видно до мельчайших подробностей.

Понятно, что бунтовщики набили в свои орудия всё, что попадалось под руки, – это и крупная галька с берега моря, и рыболовные грузила, и куски железа различных размеров.

Несколько таких смертоносных предметов пролетают с шипением слева и справа от меня, поражая самураев и слуг из свиты. А вот два зазубренных куска железа и свинцовое грузило с рыбацкой сети пробивают бронированную грудь и шею моего коня. От невероятной мощи такого удара в сторону нападающих вырывается фонтан тёмно-красной жидкости, а самого коня вместе со мной в седле через круп опрокидывает в противоположную сторону.

В момент удара картечи, который сотряс и меня целиком, замедленная картинка снова вдруг ускоряется, а моё натренированное тело, сгруппировавшись, «выстреливает» в сторону от бездыханного уже коня и позволяет оказаться на земле, готовым к бою ещё до того, как бронированная туша накрыла бы меня при падении.

Выясняется, и я это вижу, всем руководит мой министр в чёрном. Вон слышу, как он командует: «Схватить его!»

Я негодую: «Как же так?» Я не понимаю, что происходит, за что? Я, конечно, жёсткий правитель, но зря никого не наказываю!

Несколько простолюдинов и даже изменники из самураев подсакивают сзади и хватают меня за руки, срывают с головы кабуто, выбивают из рук тэссэн, отнимают другое оружие.

«Что с моими родными?» – безответно кричу я в сторону чёрного министра.

Всё как в тумане, кровь из разбитого при падении лба застилает глаза. Меня ведут под руки на площадь, ставят на колени. Вокруг люди – это крестьяне, рыбаки, самураи – все мои подданные.

Чья-то кованая нога упирается в середину позвоночника и прижимает к земле. Понятно: сейчас меня казнят. Я уверен, что это несправедливо, но честь превыше всего – просить пощады я не буду. Есть единственная мысль, что с родными, но она прерывается свистом меча, и вокруг всё становится абсолютно чёрным...

Страшно от открывать глаза. Но что – я не мужчина, что ли? Надо сделать усилие над собой и посмотреть, наконец, чем всё закончилось. Ну... ладно-ладно, может, ещё чуть повремени, ведь действительно страшно. А что я чувствую? Надо разобраться, где я и жив ли?..

А, вот! Жив, точно... потому что чувствую... чувствую, как сердце бешено вибрирует в груди, что лежу на спине, которая даже сильно затекла. Попробую пошевелиться, но нет... не очень получается! Заблокирована правая рука и... тоже сильно затекла – что-то тяжёлое придавливает её и всё моё тело – не повернуться! От осознания этого становится ещё страшнее. По-прежнему не открывая глаз, пытаюсь ощутить, что же на мне, и хотя бы чуть пошевелиться.

Странно, но эта очередная попытка даёт некий результат – то, что, а вернее, кто на мне, тоже начинает шевелиться. Фух! Слава богине солнца Амаэрасу, прародительнице и покровительнице императорской семьи!

Со мной рядом... на мне – женщина. Она, похоже, спит и прижимается всем своим соблазнительно-обнажённым и размякшим ото сна телом к моему правому боку, придавливая к мату и подголовной скамье. Её головка с ароматной шапкой волос лежит на моём плече. Вот оно, ещё одно подтверждение, что жив, – я, оказывается, запахи чувствую. Я чувствую, ощущаю её маленькую грудь и чуть выпуклый живот. А ещё – правую ручку, которая лежит на моей груди и левом плече, и – правую ножку на обеих моих ногах чуть ниже источника силы и творчества.

От осознания всего этого волна возбуждения, зародившаяся самопроизвольно именно там, начинает распространяться по всему телу вверх к голове. И пока она не ударила в мозг всей своей мощью, я окончательно понимаю, что жив и просто только что проснулся в обнимку с обнажённой женщиной.

Фух! Слава Амаэрасу: то был сон! Но что за сон?! Странный, надо будет потом поразмышлять о нём и посоветоваться с толкователем, ведь просто так отмахнуться и забыть будет неправильно.

А, вот уже и светает. Открываю глаза и вижу первые лучи солнца, настойчиво надрывающие полумрак комнаты. Всё-таки как хорошо, что тогда был только сон, я жив, я даймё большой провинции, и на мне спит соблазнительная молодая женщина.

От этих моих мыслей и невольного шевеления тело на мне тоже потягивается, просыпаясь.

Видимо, поначалу только почувствовав во мне нарастающее возбуждение, она подтягивает для проверки свою правую ножку прямо к его источнику и, убедившись, что не ошиблась, просовывает туда же правую ручку, до этого лежавшую на моём левом плече. Окончательно меня чуть не уносят в небеса тёплые губы, которые в дополнение упираются в ложбинку между плечом и шеей.

Ох, как эта девушка хороша! Она одна из шести наложниц, живущих в моём доме. Неделю назад свою дочь прислал мне один из самураев, мой вассал. Я не помню ещё её имени... а, нет, помню: Кику, по-моему, – хризантема!.. А вот, оказывается, чем так тонко пахнут её волосы.

Со мной она всего третий раз, и я, пожалуй, понимаю только вчера, но и сейчас, конечно, тоже, что она лучшая из всех.

Тот первый раз не в счёт – она была смущена и скована, ведь боль и кровь часто сопровождают девушку.

Видно, что она хорошо воспитана, нежна со мной, скромна и одновременно от природы похотлива и опытна в искусстве любви. Вот ведь церемонию омовения она провела вчера просто замечательно. Дубовая бочка с остывшей уже водой стоит в дальнем углу комнаты...

Но нет! К сожалению, не сейчас! Вчера всё было очень хорошо, но не утром. Я нежно отстраняю её со словами:

– Ладно, Кику! Не сейчас, мне надо делами заняться. Иди, дорогая, и приходи сегодня вечером!

Действительно, пора. Надо проводить совещание с министрами, ведь скоро ехать к сёгуну.

Кику беспрекословно, но с явным сожалением и напоследок чуть сжав правой ручкой источник возбуждения, отстраняется и осторожно вылезает из-под алого шёлкового одеяла. Я из последних сил сдерживаюсь от её такого озорства и с большим удовольствием наблюдаю за тем, как в лучиках солнца сверкает соблазнительной белизной тело, как она набрасывает халат и выскальзывает за ширму и из комнаты.

Ну, всё, теперь действительно всё. Надо подниматься и работать. Хлопок в ладоши, и в комнате моментально появляются трое слуг. Меня ждёт омовение в той самой бочке для бодрости, потом они вытирают меня и одевают.

Далее быстрый завтрак, упражнения фехтования и верховой езды с несколькими ближними самураями, и дальше меня ждёт совещание с моими министрами, а также Совет младших старейшин.

Совещание, как всегда, проходит в большом зале моего замка. С моего разрешения поднимается тот самый первый министр в чёрном. Я сразу настораживаюсь, но слушаю с большим вниманием. Он, этот человек, много сделал для моей власти, я, конечно, доверяю ему, но картинка из сна не даёт расслабиться.

Он говорит и даже требует провести дополнительные реформы, аналогичные тем, что проводит сёгун. Считает, что необходимо дальнейшее значительное увеличение налогов.

Но это всё для меня не ново, чёрный министр и раньше требовал повышения налогов. Я соглашался и шёл на это, а сейчас сомневаюсь, жалко людей. Да, пожалуй, я и раньше сомневался в необходимости таких жёстких мер, но думал, что чёрный министр знает лучше. Тем более что мне его прислал сёгун как своего доверенного и знающего человека.

Я начинаю спокойно и вежливо объяснять свою позицию, задаю вопрос, а могу ли я поступить по-другому? Он активно и довольно резко не соглашается, ссылаясь на сёгуна.

Вот тут, не знаю почему, возможно, из-за сновидения, я тоже на повышенных тонах начинаю высказывать своё мнение и окончательно отказываю ему.

Чёрный министр в недоумении и поначалу не знает, что делать.

Теперь поднимается тот самый приближённый, один из моих министров, который активно поддержал меня во сне. Он мой дальний родственник и солидарен с моим решением сейчас. Говорит, что я прав и сейчас не следует повышать налоги, народ любит меня, хоть ему и нелегко живётся.

Чёрный министр делает ещё раз попытку переубедить меня и бесцеремонно намекает на то, что пожалуется сёгуну.

Я, конечно, чту своего господина, но я сейчас прав, и буду делать то, что решил.

Чёрный министр сильно удивлён и с явной агрессивностью, но милостиво просит отпустить его от моего двора.

Это меня удивляет, я негодую:

– Как? Как ты смеешь противиться мне – это проявление нелюбви ко мне, своему господину! Все мои вассалы должны любить меня и повиноваться. – Раздражённый, я кричу ему: – Пошёл вон!

Весь остаток дня я возбуждён и негодую. Смешанные чувства уверенности в правильности совершённого и страх перед гневом господина бешено спорят внутри меня, теребя и холодея сердце, и заполняют мозг негативными мыслями. Спасает Кику, которая ночью согревает, успокаивает своими ласками сердце и полностью очищает голову.

На следующее утро я стою на крыльце так же, как и тогда – во сне, облачён в броню и готовый к путешествию.

Так же, как и тогда, – поворачиваюсь налево и вижу там не чёрного министра, а своего нового первого министра-родственника.

Дальше скачу со свитой на берег и на корабле плыву в сторону замка Эдо, к своему господину.

Он встречает меня в парадном зале замка. Поначалу я чувствую напряжение, мне кажется, я боюсь, что буду наказан за своеволие, за то, что не послушал мнения ставленника своего господина.

Встав на колени, объясняю господину всю ситуацию, рассказываю о своём решении и о том, как прогнал чёрного министра.

Удивительно, но сёгун на это отвечает мне спокойно и даже с некоторым весельем. Он говорит, что даже не помнит моего бывшего министра, не знает, кто это, и мне его не присылал. Говорит, что не надо думать о всяких самозванцах, и считает, что я поступил правильно, в данный момент в Японии действительно не следует повышать налоги.

После таких слов на душе становится спокойнее. Разговор переходит на другую тему. Господин очень любит соколиную охоту и приглашает меня на неё завтра утром.

После аудиенции я выхожу на высокое крыльцо замка и размышляю обо всём, что со мной произошло, о том знаменательном сне, о сёгуне.

Мой господин, благодетель, суверен, сёгун – Токугава Иэмицу, старший сын Токугава Хидэтада и внук великого Токугава Иэясу. Господин чуть постарше меня, но его детство и юность проходят гораздо тяжелее и напряжённее. Семья Токугава всё это время борется за власть со своими противниками, а окончательно побеждает их только через несколько лет, ближе к совершеннолетию господина.

С самого рождения у него сложились очень непростые отношения с младшим братом. Дело в том, что до совершеннолетия и объявления наследником титула он живёт в постоянной борьбе за расположение своего отца.

В юности господин практикует сюдо и в шестнадцать лет, как говорят злые языки, принимая ванну с двадцатиднолетним любовником, вонзает вакидзаси, висевший на стене купальной комнаты, прямо ему в грудь, между третьим и четвёртым ребром. Те же языки, которые в ярких подробностях (как будто сами присутствовали при этом) рассказывают о том убийстве, намекают на то, что именно из-за того события господин часто болеет не только телом, но и душой.

Моё детство и юность безоблачнее, но и я вынужденно прохожу через сюдо. Отец настаивает на этом, когда мне исполняется четырнадцать лет. Он зовёт меня тогда в главную комнату нашего дворца и говорит, что все юноши нашего рода становятся мужчинами таким образом, ещё и большинство самураев в Японии. Я как будущий самурай и даймё тоже должен познать это, и представил мне скромного белолицего юношу. Я очень хорошо его помню, ему тогда только исполнилось восемнадцать, и зовут его Иуоо – Каменный цветок. Это имя, кстати, очень подходит ему: его худощавое, но сильное тело напоминает искусное рукотворное изваяние из белоснежного мрамора. Иуоо очень многому меня научил, и, пожалуй, я даже полюбил его тогда. Мне кажется, что он само совершенство, и я действительно по-детски, как мне теперь кажется, просто влюбляюсь в его умную голову и в это необычно белоснежное тело. Он учит меня искусству любви. Мы много времени проводим в философских разговорах и медитациях, купаемся в горячих источниках под вулканом. Он учит меня процедурам омовения, делает массаж, при этом объясняет, как правильно расходовать мужскую силу, как её сохранять. То время – как наваждение какое-то, я с каждым днём всё больше и больше хочу этого, не могу ни о чём думать, кроме как о своём Каменном цветке.

Большое спасибо моей доброй покойной матушке, которая, видя всё это, убеждает отца срочно прекратить мои встречи с Иуоо и взять в дом наложницу.

Ту девушку зовут Джунн. Она действительно послушна, тоже старше, и мне сразу понравилась. Она нежна со мной и прилежно переучивает всему в искусстве любви.

И вот сейчас, уже в тридцать, я точно знаю, что своего сына буду воспитывать по-другому. Мне наплевать на традиции, я точно не хочу этого, сейчас мне даже противно вспоминать об этом.

С Джунн я успокаиваюсь, в голове даже наступает какое-то просветление, что ли. Теперь с повышенным рвением я продолжаю практиковать боевые искусства, верховую езду и каллиграфию, более осмысленно помогаю отцу в управлении княжеством.

Когда мне исполняется шестнадцать, отец решает меня женить, а мою Послушную выдаёт замуж за одного из ближних самураев.

Мне жаль расставаться с ней, но от молодой жены, которая на год младше меня, грусть очень быстро куда-то улечувивается. Она дочь давнего союзника отца, даймё одной из соседних провинций, и зовут её Акеми (Яркая красота).

Действительно – её красота настолько яркая, что я буквально ослеплён и долгое время не могу даже смотреть в сторону других женщин. В моём доме сейчас ещё две жены. Они появляются только через восемь лет, и то только потому, что Акеми рождает мне только дочерей. Это становится уже проблемой, ведь отсутствие сыновей ослабляет мои позиции в княжестве и вообще ставит под вопрос само продолжение рода Абэ. Мой отец уже ушёл к духам предков, и именно мама настояла, чтобы я взял в свой дом ещё новых жён.

Конечно, я ведь могу вернуть Акеми в родительский дом, но люблю её. И поэтому ей приходится мириться с присутствием ещё двух жён и шести наложниц. Вторая жена тоже оказалась очень хорошая, но и у неё тоже получают пока только девочки.

А вот третью жену точно придётся возвращать отцу – она оказывается не способной родить ребёнка. На днях у неё произошёл уже третий выкидыш подряд.

Не справляются со своими обязанностями и наложницы (правда, Кику пока не в счёт). Три – бездетны, а две – рожают девочек.

Всех дочерей я горячо люблю, но только девочки – это точно проблема для меня.

Хотя... вот старшей дочери от Акеми, которой уже четырнадцать лет, – красавице, такой же яркой, как и её мать, – я приготовил серьёзную государственную роль. Я привёз её в прошлый раз сюда, в замок Эдо, к своему господину в качестве заложницы. Очень надеюсь, что она будет не только живой гарантией моей верности сёгуну, но и приглянется ему. Может, тот возьмёт её в жены или хотя бы в наложницы.

Ладно, посмотрим! А пока снова вспоминается нелёгкая судьба моего господина. Из-за преждевременной смерти старшего сына в роде Токугава возникает проблема наследования. Вместо моего господина его родители принимают решение передать титул младшему брату.

Однако, по счастью, в дело вмешивается основатель рода – великий дед моего господина, Токугава Иэясу. Тот решает спор в пользу старшего внука, которого и провозглашают наследником.

Надо отдать должное моему господину – он всегда относится к своему великому деду с почтением и способствует его возвеличиванию и сейчас, после его ухода из этого мира.

По смерти своего не очень любимого отца, когда господин становится наконец полноправным правителем всей Японии, со своим младшим братом он поступает как достойный суверен с оппозицией роду Он конфискует все его земли и заставляет совершить сеппуку. Поскольку господин не верит, что всё-таки будет совершено самоубийство, он поручает доверенным самураям организовать всё как надо. Ритуальный кинжал – кусунгобу заменяют на веер, и в тот момент, когда брат господина касается веером обнажённого живота, один из самураев сносит ему голову мечом.

Это событие оказывает сильное воздействие на всех сомневающихся вассалов. И даже сам император, когда во главе огромного войска сёгун прибывает в столицу, вручает ему пост министра высшей политики.

А дальше для уменьшения влияния министров-старейшин, назначенных ещё его покойным отцом, господин решает ввести посты младших старейшин. Именно тогда и я, будучи одним из командиров гвардии, становлюсь младшим старейшиной и получаю направление в Оси.

Правление моего господина отмечено многими важными реформами. При нём самураям запрещается переходить на службу к новому хозяину без согласия прежнего, у крестьян из соображений безопасности изъято всё оружие вплоть до кухонных ножей, всем жителям страны при этом предписано регистрироваться в храмах по месту жительства.

Он приказывает конфисковать владения неблагонадёжных даймё, которые в прошлом имели связи с врагами рода Токугава. Он вносит поправки в указ о воинской повинности и в закон о военных домах. Также вводит систему повинностей для региональных властителей, которые должны проводить год в ставке господина и заниматься строительными работами в замке Эдо за счёт казны своих княжеств.

Позднее эти и многие другие реформы господина превращают Эдо в мощную державу, но, однако, и вызывают серьёзное недовольство в народе, военных домах, у региональных властителей. Япония погружается в череду восстаний, стихийных бедствий и голода.

Мне и некоторым старейшинам удаётся убедить господина перейти к более умеренным реформам.

Прекратились конфискации земель, были уменьшены налоги. Для восстановления жизни простых людей и самураев мы убедили сёгуна издать указ, которым в Японии предписывается трудолюбие, упорство, экономность и многодетность, а вот расточительство и плохие привычки запрещены.

После пережитых волнений господин часто болеет, совсем уходит сон, а если ему и удаётся заснуть, его преследуют кошмары. Он вообще не появляется на совещаниях, не участвует в публичных мероприятиях и военных походах.

По моему совету господин создаёт тогда так называемый Совет трёх старейшин, куда, кроме меня, входят уважаемые даймё – Мацудайра Нобуцуна и Хотти Масанори.

Наш Совет эффективно управляет страной и во время болезни господина, и после его смерти, когда мы помогаем вести государственные дела одиннадцатилетнему сёгуну – сыну моего покойного господина и, кстати, моему великому внуку Да-да! Моя дочь от Акеми стала матерью сёгуна.

Умирает господин в замке Эдо в возрасте пятидесяти лет. По его прижизненному завещанию, мы хороним господина в Святилище Фугарасан в городе Никко провинции Симоцукэ у храма Небесного моря, рядом с мавзолеем его великого деда. Император присваивает покойному господину имя «Его высочество господин Тайю».

А я в целом проживаю долгую и насыщенную жизнь. Бог войны Хатиман благоволит ко мне. Все свои битвы я выигрываю, и под конец жизни мои враги даже не помышляют о том, чтобы напасть.

Моя яркая Акеми через год после того моего, по счастью, не сбывшегося сна дарит мне сына – наследника. А вот хризантема, Кику – ещё двоих, после чего я объявляю её женой.

Ухожу я к духам предков в мире и любви, в возрасте около девяноста лет. Мои потомки владеют княжеством Оси ещё двести лет, после чего девятый даймё из рода Абэ будет переведён в княжество Сиракава в провинции Мицу...

Но сейчас, когда я стою на высоком крыльце замка Эдо, я обо всём этом, конечно, не знаю. Я молод и полон сил, только что вышел сюда после аудиенции у моего господина и думаю о том, что сон тот оказался очень знаковым для меня. Главный вывод из него заключается в том, что не всё так, как видится и кажется поначалу. А как всё получится, по воле богов, покажет жизнь. Сейчас для меня очевидно, что господин доверяет мне и прислушивается к моим советам. Дальше посмотрим. А ещё моя красавица дочка, кажется, понравилась господину, и, значит, у неё тоже есть шанс оставить свой след в истории.

День защитника...

Владивосток. Около двух месяцев назад купил себе ортопедическую подушку. Недельку помучился на этом чуде медицинской науки: очень непривычно спать, болит шея и вся спина, но привык, и даже сон стал гораздо крепче.

Но сегодня что-то всё не так. Тихонечко лежу уже очень долго, чтобы не разбудить жену, неудобно как-то, дышать трудно, нос заложило окончательно, болит голова, да ещё першит в горле: «Не разболеться бы».

Сажусь на кровати, зябко, часы-телефон показывают: «один час двадцать три минуты», – подумалось: «Жалко. Уже двадцать третье февраля, хотели с супругой поехать в город, но, скорее всего, праздник придётся провести в постели».

Посидел от нечего делать на белоснежном фаянсовом друге, промыл нос и помазал его лечебной мазью – легче не стало. В темноте прошёл назад в комнату, тихонечко беру свою старую пуховую подушку и водружаю её поверх ортопедической, ложусь высоко: «Может, так будет лучше? Надо же как-то спать».

Как научили на занятиях по йоге, кладу руки лодочками чуть ниже пупка – левая снизу, а правая сверху. Отмечаю с удовольствием отсутствие выпирающего живота, который существовал ещё полгода назад вместе с лишними десятью килограммами, и начинаю последовательно усилием сознания расслаблять сосуды и мышцы головы, плеч, локтей и кистей рук, бёдер, коленей и ступней. Ощущаю, как напряжение постепенно «стекает» из вскипевшей от вороха мыслей головы по плечам и груди в живот – там должно всё перегореть.

Радостно отмечаю про себя, что левая, а потом и правая ноздри очистились и свободно задышали, а рот самопроизвольно закрылся за ненадобностью.

Проползает вялая-вялая, но радостная мысль: «Надо же, помогает. Молодцы даосы!»

Эту мысль сразу подтверждает громко прозвучавшая в голове фраза: «Да, молодцы! Продолжай занятия йогой. Я рада снова тебя приветствовать, Андрей».

«Оп-па», – это же голос Галины Александровны, встрепенулся я, – вот и она сама стоит у доски и улыбается, а я сижу за родной мне уже партой с углублениями для чернилниц.

«Стоп-стоп, – мне всё становится понятно теперь, – это снова сон!» «Конечно, – кивает учитель, – на сегодня это самая эффективная форма нашей терапевтической работы. Хотя я общаюсь с тобой и другими способами».

«Как, какими?» – удивляюсь я, на что тут же следует ответ:

«Ну как, ты же сам говоришь мне каждый раз “привет-привет”, когда я здороваюсь с тобой в образе большой чёрной вороны или голубой сороки во время гуляния.

А когда ты мысленно задаёшь вопросы по разным поводам, ответы неизменно приходят, ведь так? Это я подбрасываю их тебе. И вообще я говорю с тобой всё время и разными способами, только ты почему-то не всегда меня слышишь. Ну ладно, об этом потом, а вообще я пригласила тебя на следующий урок. Его тема: “Твои ранние школьные годы”».

«Значит, продолжаем с детством?» – спрашиваю я.

«Конечно, и давай вернёмся в то времена, когда после смерти бабушки ты сам приходишь из школы домой. Сядь поудобнее, и будем вспоминать!» – продолжила учитель.

На интерактивной доске «загораются» кадры, на которых я, первоклашка, иду из школы домой. Всего месяц назад умерла бабушка, и всего неделю назад меня после травмы забрали с продлёнки. Настроение смешанное: мне нравится в школе, интересно, и я быстро становлюсь там своим, но от осознания того, что я снова буду дома один до вечера, – в груди тоска. Нет, я не плачу, я уже давно научился не плакать, я иду и продумываю мужественный план, теперь это почему-то называется «дорожная карта». Так вот, у меня дорожная карта преодоления препятствия под названием «Один дома!.. Всё время!».

Подхожу к подъезду, поднимаюсь на второй этаж, рука в мокрой варежке после игры в снежки разжимается, и чёрный портфельчик с грохотом обречённо падает на кафельный пол. После этого следует синхронно-резкое движение руками в стороны, и варежки повисают на резиночках.

Теперь медленно и нехотя расстёгиваю пальто и верхнюю пуговицу рубашки – там, на шее, на резинке ключ от входной двери. Снимать его с шеи каждый раз лень, поэтому для открывания приходится прижаться щекой почти к самому замку.

Есть, дверь подаётся, но впереди пугающая тишина. Стою несколько мгновений перед открытой дверью – собираюсь с духом, два раза глубоко вздыхаю и вхожу. В этот момент, вот прямо сейчас, по плану надо быстро закрыть за собой дверь, чтобы через неё не проникли внешние «враги».

Сделано, и можно перевести дух. Портфельчик на этот раз летит в дальний угол коридора, за ним отправляются пальто с мокрыми варежками на резиночке и валенки с калошами. Конечно, за это вечером попадёт от мамы, ну что ж, пусть – это лучше, чем ходить, всё развешивать и шуметь, – а вдруг услышат теперь уже внутренние «враги», которые сидят в каждом углу, и под диваном, и под шкафами.

Так, по плану – короткая перебежка на цыпочках до ближайшего «окопа», первой линии обороны: кресла, которое стоит в углу большой комнаты. Забираюсь в него, поджимаю ноги и зарываюсь в колени, зажигаю слабо светящийся абажур рядом.

Всё – оборона занята, можно вести затяжные «боевые действия» до маминого прихода.

Быстро темнеет – декабрь. В полумраке видны маленькие золотистые часы, минутная и особенно часовая стрелки на которых безответственно-предательски медленно переползают по циферблату.

Из-под большого шкафа, до которого еле достаёт свет абажура, раздаётся еле слышный шорох – это точно они, «враги». Жалко, что человек не может долго находиться без воздуха – вот они и услышали моё дыхание. Надо затаиться, может, они пошуршат-пошуршат да и затихнут. Действительно, шорох прекращается и...

«Ой-ой-ой!» Звонит предатель – зелёный дисковый телефон. Быстро срываю трубку, мама говорит весёлым голосом: «Привет, ты как, пообедал?»

«Да, мама, – шёпотом, но с деланным воодушевлением отвечаю я. – Всё нормально, только приходи поскорее», – и тихонечко кладу трубку.

Всё, вот теперь точно все «враги» проснулись – придётся снова не дышать, чтобы они успокоились. Ну а то, что наврал маме про обед, так это отвечать потом, а пока надо заново окапываться, занимать круговую оборону.

Вроде опять все шорохи затихли – можно перевести дух. Ан нет, вот зашевелился дальний шкаф в тёмном углу, его светлые дверцы скобками ручек изобразили угрожающую гримасу, а передняя правая ножка поднялась, чтобы шагнуть в мою сторону. Быстро закрываю ладошками глаза, всё! Он меня не видит, я в безопасности. Слышу учащённое биение сердца: «А может, это тикают часы-предатели, которые переметнулись к врагу?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.